Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ИЮНЯ 11

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Главлит № 60420 МОСКВА. Тираж 41.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Партия и борьба за режим экономии.

Настоящий период хозяйственной политики нашей партии протекает под лозунгом борьбы за режим экономии. Партия руководит государственным хозяйством нашей страны через советские органы не первый год; не первый год она стремится обеспечить правильную линию советской власти в области переделки и направления в общественно-кооперативное русло широкой массы крестьянских хозяйств.

И Ленин и вся партия в целом неоднократно отмечали, что одним из принципов социалистического строительства в условиях, на которые положила печать хозяйственная разруха—периода империалистической и гражданской войн,—является экономия, бережливейшее отношение к государственным средствам. Но борьба за режим экономии становится лозунгом, центральной и острейшей проблемой исторического дня именно теперь, в переживаемый нами период социалистического строительства.

Какие же особенности текущего периода выдвигают борьбу за режим экономии как один из основных критериев хозяйственной политики советского государства?

Прежде всего, следует отметить, что мы вступили теперь в широко-развернутую строительную полосу; что главным содержанием текущего периода является строительство социалистической экономики.

Надо иметь в виду далее, что очередной задачей пролетарского государства является теперь индустриализация страны, т.-е. такой тип экономического развития, при котором темп развития социалистической промышленности был бы быстрее, чем темп развития сельского хозяйства, чего нельзя достигнуть без интенсивного развития производства средств производства, т.-е. без серьезных капитальных затрат.

Наконец, не надо забывать, что мы подошли вплотную к задаче индустриализации страны в обстановке ряда хозяйственных просчетов и обусловленных ими хозяйственных затруднений.

Если учесть, что сколько-нибудь значительных кредитов со стороны иностранного капитала мы в текущий период не получаем,—то надо признать, что особенности этого периода делают

борьбу за режим экономии необходимейшей и важнейшей директивой настоящей экономической политики советской власти.

Партия должна принять меры к тому, чтобы в государственном секторе советского хозяйства была начата напряженная, систематическая, упорная борьба за режим экономии.

Эта борьба требует, прежде всего, изживания непроизводительных расходов в различного рода государственных учреждениях.

Необходимо усилить борьбу с злоупотреблениями и незаконными—явными и скрытыми—тратами государственных средств на личные нужды использованием служебного положения в интересах личного обогащения там, где таковые еще имеют место.

Следует повести энергичную кампанию за сокращение раздутых штатов, ликвидацию лишних или мало-необходимых ответвлений и подсобных организаций государственных учреждений.

Надо всемерно уменьшить накладные расходы путем более экономного расходования государственных средств и в области производства и в области обращения.

Нужно осознать, что поднятие производительности труда, приобретающее сугубое значение в период борьбы за режим экономии, невозможно осуществить без рационализации всего производственного процесса, с одной стороны, и без интенсификации труда, без борьбы с прогулами, невыходами и т. д., и т. п.—с другой стороны. Партия обязана мобилизовать внимание партийной и советской общественности на задаче борьбы за режим экономии.

Она должна добиться того, чтобы сами государственные, и в первую голову хозяйственные, учреждения взяли твердый курс на режим экономии; чтобы они сами изыскивали и проводили мероприятия удешевления госаппарата, рационализации его, поднятия производительности труда.

Нет никакого сомнения, однако, в том, что без живого участия в борьбе за режим экономии самых широких масс пролетариата существеннейшие достижения в этой области невозможны. Поэтому необходимо поставить под знак борьбы за режим экономии массовые профсоюзные организации. Особое значение в этой связи приобретают производственные совещания, которые надо оживить, придав им более практический деловой характер, содействуя осуществлению всех сколько-нибудь полезных мероприятий по улучшению производства, намеченных этими совещаниями.

Нет необходимости доказывать, что мощным орудием борьбы за режим экономии уже становится и должна еще больше стать

партийно-советская печать, особенно газеты. День за днем здесь будут вскрываться злоупотребления, бичеваться халатность, разгильдяйство, небрежное отношение к делу экономии как со стороны госучреждений, так и со стороны отдельных групп рабочих; с другой стороны, печать отметит и те достижения, которые будут иметь место на фронте борьбы за экономное строительство социализма. Рабкоры, уже сыгравшие значительную общественно-полезную роль, смогут оказать в этой области большую помощь пролетарскому государству путем вдумчивой работы над вскрытием и освещением язв бесхозяйственности в государственных предприятиях. Было бы неправильным полагать, что борьба за режим экономии ограничивается только сферой государственного хозяйства. Здесь, конечно, пролегает главная линия борьбы, главный пункт приложения сил партийной и советской общественности; но необходимо добиться того, чтобы режим экономии завоевал себе позиции и в организациях советской общественности в деревне.

Первостепенное значение в этом отношении будет иметь внедрение режима экономии в кооперативные организации. Вывести злоупотребления, бесхозяйственность, понизить накладные расходы в кооперации—это значит не только приблизить кооперацию к массе бедного и среднего крестьянства, но и обеспечить условия организованного планового экономического воздействия пролетарского города на мелко-буржуазную деревню, усилить успешное проведение индустриализации страны на почве экономнейшего хозяйствования.

В тесной связи с проблемой улучшения кооперации стоит проблема вовлечения в русло общественного хозяйствования частных индивидуальных сбережений. Мобилизация этих средств в государственные и кооперативные центры дает возможность прямо или косвенно использовать их в деле индустриализации страны.

Отмеченные выше задачи не могут быть осуществлены бюрократическим путем. Разрешение их должно протекать в условиях широкого развертывания советской и внутрипартийной демократии.

В своем обращении к партийным и советским организациям ЦК и ЦКК ВКП(б) подчеркнули, что партия «должна развернуть на этом фронте широкую общественную кампанию, вовлекая в это дело массы рабочих и крестьян».

«Она должна воспитывать в каждом члене партии, в каждом работнике, партийном и беспартийном, чувство величайшей ответственности за каждый советский рубль, за каждую советскую копейку.

Максимально сократить расходы на все то, что не абсолютно необходимо и без чего можно обойтись при наших скудных резервах, сберегать каждую копейку и систематически накапливать средства для нужд нашей индустрии,—вот на чем должно быть сосредоточено внимание всей партии и всего рабочего класса.

Вокруг этой основной задачи нужно сконцентрировать партийное и общественное внимание. Под этим углом зрения следует вести работу по выявлению всяких явных и скрытых ненужных расходов, по вскрытию прорех и щелей, через которые происходит разбазаривание средств, идущих в конечном счете в карман частного капитала. Расточительность и неэкономность в расходовании средств государственных, кооперативных и др. общественных организаций нужно рассматривать, как преступление перед рабочим классом.

Кампания может быть успешна только в том случае, если в нее будут втянуты широчайшие массы рабочих и крестьян и прежде всего вся наша партия».

Нужно принять все меры к тому, чтобы эти указания руководящих органов нашей партии были претворены в действительность. Нужно добиться того, чтобы на фронте борьбы за режим экономии партия одержала бы такие же победы, какие она имела на других фронтах борьбы за социализм.

Э. Гольденберг.

Вопросы экономического курса.

I. Возможна ли индустриализация с «ситцевого конца»?

Стало уже общим местом, что не всякое развертывание промышленности ведет к индустриализации. Индустриализация предполагает раньше всего развертывание промышленности определенного темпа, более быстрого, чем темп роста сельского хозяйства. В самом деле, очевидно, что если сельское хозяйство будет расти быстрее, чем промышленность, если, скажем, в течение определенного промежутка времени первое возрастет в два раза, а вторая только в полтора раза, то при абсолютном росте промышленности мы будем иметь падение ее удельного веса в общей системе народного хозяйства, или, иными словами, у нас получится аграризация страны вместо ее индустриализации.

Темп развертывания промышленности, однако, теснейшим образом связан с характером этого развертывания. Для того, чтобы промышленность росла быстрее, чем сельское хозяйство, необходимо, чтобы внутри промышленного круга производство средств производства (тяжелая индустрия) росло темпом более быстрым, чем производство средств потребления. Этого совершенно не понимают те товарищи, которые, становясь в позу индустриалистов, говорят: «и мы не лыком шиты, и мы за индустриализацию, но почему же, если индустриализация, так непременно с чугунного, а не с ситцевого конца, когда индустриализовывать страну с ситцевого и проще и дешевле, между тем как делать то же самое с чугунного конца и очень сложно, и очень дорого? Почему индустриализация страны требует развертывания именно металлической промышленности, когда легче и дешевле развертывать текстильную промышленность? Конечно, и для текстильной промышленности нужны станки, нужно оборудование. Но эти станки и это оборудование мы можем достать за границей в обмен на наш сельско-хозяйственный экспорт. А форсировать наш сельско-хозяйственный экспорт и легче и выгоднее, чем ставить собственную металлургию, собственное машиностроение и т. п.».

Возможна ли индустриализация с ситцевого конца? Мы не будем ссылаться на историю и практику мирового хозяйства, очень убедительно говорящих о том, что предпосылкой индустриализации является более быстрый рост производства средств производства, нежели производство средств потребления. Страны, в которых эта предпосылка отсутствовала, оставались и остаются аграрными, либо полуаграрными (довоенная Франция, современная Индия). Попробуем поставить и решить этот вопрос чисто-теоретически.

Для простоты начнем наш анализ с изолированной страны, не ведущей внешней торговли и не связанной с мировым рынком. В каком случае возможно в этой стране развертывание промышленности или, выражаясь термином Маркса, расширенное промышленное воспроизводство?

В том случае, если это расширенное промышленное воспроизводство происходит на базе повышающегося органического состава капитала, если количественный рост промышленности сопровождается ее качественным улучшением, ее техническим прогрессом, в этом случае очевидно, что рост промышленности в целом необходимо связан с более быстрым ростом производства средств производства, нежели производства средств потребления. В самом деле, что означает технический прогресс, повышение органического состава капитала? Это значит, что один рабочий приводит в движение все большее количество орудий производства, что значение постоянного капитала (средств производства) не только абсолютно, но и относительно растет, между тем как значение переменного капитала (рабочей силы) относительно падает, хотя абсолютно может и расти. Но если рост промышленности происходит при растущей роли постоянного капитала и падающей роли переменного, то ясно, что внутри самой промышленности производство элементов постоянного капитала, т.-е. производство средств производства должно расти темпом более быстрым, чем производство элементов переменного капитала, т.-е. производство средств потребления. Таким образом, в том случае, если развертывание промышленности (в изолированной стране) происходит на базе повышающегося органического состава капитала, производство средств производства будет развиваться быстрее, чем производство средств потребления.

Этот закон, однако, сохраняет свою силу и в том случае, если мы имеем развертывание промышленности на неизменной технической базе, при неменяющемся органическом составе капитала. Именно об этом случае Маркс во II томе «Капитала» говорит следующее:

> «При простом воспроизводстве предполагалось, что вся прибавочная стоимость I (т.-е. производство средств производства) расходуется как доход, следовательно, на товары II (т.-е. производство средств потребления), следовательно, она состояла лишь из таких средств производства, которые должны были возместить постоянный капитал II в его натуральной форме. Таким образом, для того, чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству, производство подразделения I (т.-е. производство средств производства) должно получить возможность создавать менее элементов постоянного капитала для II (производство средств потребления), но в той же мере более для I» [1]).

Мы не будем приводить цифровые расчеты, которыми Маркс обосновывает это свое положение [2]), вопрос достаточно ясен и так. В самом деле, чем отличается простое воспроизводство от расширенного? При простом воспроизводстве весь прибавочный продукт потребляется как доход, при расширенном воспроизводстве, потребляется только часть его, другая накопляется и идет на расширение производственного аппарата, основного и оборотного капитала. Как возможно потребление, как дохода, прибавочного продукта в первом подразделении? Там этот продукт существует в форме средств производства. Очевидно, что этот существующий в форме машин, угля, сырья и т. п. прибавочный продукт необходимо обменять на средства потребления, произведенные во II подразделении. Второе подразделение купит все эти машины, уголь, сырье для того, чтобы восстановить изношенную часть своего постоянного капитала! Таким образом, при простом воспроизводстве весь прибавочный продукт первого подразделения идет на восстановление постоянного капитала второго подразделения. Напротив, при расширенном воспроизводстве на восстановление постоянного капитала II идет только часть прибавочного продукта I. Или, говоря словами Маркса, «для того, чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству производство подразделения I должно получить возможность создавать менее элементов постоянного капитала для II, но в той же мере более для I».

Мы видим, таким образом, что в изолированной стране, которая сама, из собственных рессурсов снабжает себя всем необходимым для производства и потребления, необходимой предпосылкой развертывания промышленности, ее расширенного воспроизводства, как в том случае, когда оно происходит на базе повышающейся техники, так и в том случае, когда уровень техники остается неизменным, является более быстрый темп роста производства средств производства, чем производства средств потребления. Здесь, т. о., индустриализация с «ситцевого конца» во всяком случае невозможна.

Посмотрим теперь, как будет обстоять дело в такой стране как наша, в стране аграрной по преимуществу, только вступающей на путь индустриализации и связанной внешней торговлей с мировым рынком. Предположим, что мы приняли программу «ситцевых индустриалистов», отказываемся от развертывания собственного производства средств производства, а нужные нам машины и оборудование ввозим из-за границы, форсируя свой сельско-хозяйственный экспорт. Что получится? Очевидно, что тогда в нашем народном хозяйстве функция I подразделения—производство средств производства для нашего хозяйства—будет выполняться не на собственных заводах, а за границей через наш экспорт, и т. о., он, а не собственные заводы, будет служить поставщиком машин и оборудования. Но если так, то в такой же мере, в какой для рассмотренной выше изолированной страны развертывание промышленности предполагает рост I подразделения, производства средств производства, более быстрый, чем II подразделения, производства средств потребления, у нас развертывание промышленности будет предполагать рост сельско-хозяйственного экспорта более быстрый, чем промышленности, т. к. последняя в случае принятия «ситцевой» программы вся попадает во II подразделение. Рост сельско-хозяйственного экспорта неотделим от роста сельского хозяйства. «Ситцевая» программа, означая рост с.-х. экспорта более быстрый, чем промышленности, тем самым означает и рост сельского хозяйства в целом более быстрый, чем промышленности.

[1]) Маркс. «Капитал», том II, стр. 468. Пер. Базарова и Степанова. Изд. 1907 года.

[2]) Там же, стр. 478.

А ведь это и есть аграризация! Если наши ситцевые индустриализаторы не хотят на все сто процентов солидаризоваться с Шаниным, то они должны же признать, что индустриализация предполагает темп роста промышленности более быстрый, чем сельского хозяйства. Мы видим, однако, что темп развития промышленности неразрывно связан с его характером. Промышленность только в том случае может расти быстрее, чем сельское хозяйство, если внутри нее тяжелая промышленность растет темпом более быстрым, чем легкая. Конечно, поднять текстильную промышленность при помощи сельско-хозяйственного экспорта проще и дешевле, чем двинуть металлическую промышленность. Но это еще не есть индустриализация, а при исчерпании старых капитальных рессурсов легко может привести к аграризации. «Ситцевая индустриализация», индустриализация с ситцевого конца—это такая же бессмыслица, как деревянное железо. Пусть попробуют товарищи из числа «ситцевых индустриализаторов» доказать возможность этого деревянного железа!

II. Тов. Преображенский в новом издании, или новая экономика вверх ногами.

Индустриализация страны, развертывание тяжелой промышленности требует огромных затрат и огромного напряжения.

«Ситцевая программа» в известной степени является выражением боязни этих затрат и напряжения, является выражением политики движения по линии наименьшего сопротивления. Однако, и в этом случае, как во многих других, политика движения по линии наименьшего сопротивления является далеко не лучшей политикой.

Если «ситцевые индустриализаторы» представляют собою одну разновидность политики движения по линии наименьшего сопротивления, то другую разновидность той же политики представляют собою наши ультра-индустриализаторы, и в первую очередь тов. Преображенский.

Основная трудность индустриализации заключается в том, что ее приходится проводить в аграрной стране—это обладает бесспорностью тавтологии. Но мало понимать трудность задачи: необходимо понять ее во всей ее сложности. Индустриализация потребует огромного напряжения и от рабочего класса и от крестьянства, но это напряжение не должно выходить за те пределы, за которыми оно становится политически опасным, начинает угрожать политическому союзу рабочего класса и крестьянства. Индустриализация означает рост промышленности более быстрый, чем сельского хозяйства. Но нелепо предполагать, что можно развертывать промышленность на базе разоряющегося, или топчущегося на месте сельского хозяйства. Известный темп роста сел. х-ва является необходимым условием для быстрого роста пром-сти. Строительство социализма невозможно без индустриализации. Но было бы чистейшим вздором утверждать, что социализм можно в нашей стране строить только с городского конца, без кооперативно-социалистической перестройки крестьянского хозяйства. Конечно, индустриализация потребует использования в известной мере и крестьянского накопления для нужд промышленности, транс-

порта и т д. Но нет ничегоо вреднее, как теория, утверждающая, что это использование должно быть доведено до пределов «технически возможного», ставящая это использование в центр партийного внимания и смазывающая задачи поднятия производительности в промышленности, смазывающая значение борьбы за режим экономии во всем нашем государственным хозяйстве, создающая иждивенческую психологию индустриализации только за счет крестьянства. Это—тоже движение по линии наименьшего сопротивления, продукт такой же вредной, упадочнической идеологии, как и программа ситцевой индустриализации.

Теоретиком этой программы является т. Преображенский. Он выступил с нею впервые в 1923 году, в статье «О законе первоначального социалистического накопления», получившей тогда же должную отповедь в статьях тов. Бухарина. Затем уже в 1926 г. он публикует являющуюся продолжением первой статью «О законе ценности в советском хозяйстве». Наконец, теперь, собрав обе статьи, дополнив их методологическим введением и ответом своим оппонентам, он их выпустил особой книгой под громким названием «Новая экономика».

Необходимо отметить, что в книге теория тов. Преображенского предстает перед нами в несколько причесанном виде. Так, например, он отказался от термина «эксплоатация» и заменил его менее одиозным словом «отчуждение». Существо дела от этого у тов. Преображенского, однако, очень мало меняется.

Тов. Преображенский начинает с того, что разграничивает понятия социалистического накопления просто, и первоначального социалистического накопления.

> «Социалистическим накоплением мы называем присоединение к функционирующим средствам производства прибавочного продукта, который создается внутри сложившегося социалистического хозяйства и который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства и служит для расширенного вопроизводства. Наоборот, первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных рессурсов, главным образом, либо одновременно, из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства»...

Вообще говоря, разграничение понятий вещь очень полезная. Можно было бы приветствовать его и в данном случае [1]). Беда только в том, что тов. Преображенский уже семью страницами ниже, на 64 стр. в подстрочном примечании оговаривает: «Ниже, где это ясно по контексту, я говорю для краткости вместо первоначального социалистического накопления о социалистическом накоплении». Очень жаль, скажем мы от себя. Потому что оговорка, как мы еще увидим, совсем не так невинна, как кажется.

[1]) Нам представляется, однако, что тов. Преображенский некритически проводит аналогию между первоначальным капиталистическим накоплением и первоначальным социалистическим накоплением. Переживаемую нами эпоху, пожалуй, вообще неправильно квалифицировать как эпоху «первоначального социалистического накопления». Но оставим пока это в стороне.

Продолжим, однако, прерванную цитату.

...«Основным законом нашего советского хозяйства, в настоящий момент пробегающего эту стадию, как раз является закон первоначального или предварительного социалистического накопления... Мы ничего не сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве закон первоначального социалистического накопления, который определяет в борьбе с законом ценности и распределение средств производства в хозяйстве, и распределение рабочей силы, и размеры отчуждения прибавочного продукта страны для расширенного социалистического воспроизводства».

Итак, закон первоначального социалистического накопления играет у нас «центральную» роль, он является «основным» законом нашего хозяйства. Посмотрим теперь, что представляет этот закон в более развернутой формулировке. На стр. 101 тов. Преображенский пишет:

«Чем более экономически-отсталой, мелко-буржуазной является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции,—тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т. е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности».

Вопрос, который здесь тов. Преображенский ставит и рецепт решения которого он дает—это вопрос о взаимоотношении социалистического и несоциалистического секторов нашего хозяйства, или, иными словами, вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства в переходный период. Накопление идет в обоих секторах: и в социалистическом и в несоциалистическом. Задача заключается в том, чтобы и накопление в несоциалистическом секторе направить в социалистическое русло, использовать его для строительства социализма. Как решает эту задачу т. Преображенский? Так как мы страна отсталая, аграрная, то «тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства». Тов. Преображенский отказался от слова эксплоатация и заменил его словом отчуждение. Но это ни грана не меняет в том, что теория т. Преображенского как была, так и осталась теорией вытеснения и разорения крестьянского хозяйства, находящейся в непримиримом противоречии с ленинской теорией его кооперативно-социалистической перестройки.

Потому что какой же другой смысл может иметь теория, утверждающая, что накопление в досоциалистических формах хозяйства лишь в такой мере «подпирает» социалистическое накопление, в какой его прибавочный продукт «отчуждается» в пользу социалистического сектора? Но если «отчуждение» является основным методом социалистического строительства (а по т. Преображенскому оно является именно основным, потому что «закон первоначального социалистического накопления»—это «основной» закон, играющий «центральную» роль), то как же он мыслит себе дальнейшую судьбу крестьянского хозяйства? Оно служит социалистическому накоплению лишь постольку, поскольку из него «отчуждают». Развитие социализма, следовательно, должно итти за счет крестьянского хозяйства. По этой схеме, чем шире хозяйственная территория социализма, тем уже хозяйственная территория крестьянства. Рост социалистических элементов должен в то же время вытеснять крестьянское хозяйство.

Сколько бы тов. Преображенский, впадая в крайнюю и малопочтенную непоследовательность, ни открещивался от этих выводов, они с необходимостью вытекают из его «закона», из всей его точки зрения, которая видит строительство социализма только с промышленного, городского конца и совершенно не видит проблемы социалистической перестройки сельского хозяйства, для которой именно поэтому проблема социалистического накопления сводится к проблеме «отчуждения» из крестьянского хозяйства.

Смешно и глупо было бы, конечно, отрицать, что известное отчуждение прибавочного продукта для промышленности, траспорта, электрификации и т. д. имело, имеет и, вероятно, долго еще будет иметь место. Но это отчуждение отнюдь не играет «центральной» роли в строительстве социализма, и уж во всяком случае не является единственным методом использования досоциалистических форм для строительства социализма. Важнейшим методом здесь является кооперация. Крестьянское накопление постепенно направляется в социалистическое русло, трансформируется в социалистическое накопление не только и не столько через «отчуждение», но главным образом, через кооперацию, через социалистическую перестройку самого крестьянского хозяйства.

Относительно роли кооперации в переходный период тов. Преображенский на стр. 221 пишет следующее:

«Сущность моего взгляда в этом вопросе заключается в следующем: сейчас никто не знает и знать не может, как конкретно будет проходить трансформация крестьянского хозяйства в такой тип производственно-земледельческой кооперации, которая будет переходным этапом к социализации земледелия».

Это пустая отписка, абсолютно недопустимая там, где речь идет об одном из основных вопросов пролетарской диктатуры. Никто и не думает требовать от т. Преображенского, чтобы он рассказал, как «конкретно будет проходить процесс трансформации крестьянского хозяйства». Речь идет не о писании утопий, а о политике сегодняшнего дня. Согласен ли т. Преображенский с тем, что нам надо держать курс на кооперирование крестьянства, с тем, что мы должны строить социализм не только с городского, но и с деревенского конца, с тем, что мы должны не вытеснять крестьянское хозяйство, но поднимать его технически и организационно, всячески содействуя его кооперированию? Если согласен, то «отчуждение» не является ни един-

ственным, ни основным видом социалистического накопления в деревне. Если согласен, то накопление в середняцком хозяйстве является источником социалистического накопления не только как об'ект отчуждения, но и как база для кооперативно-социалистического накопления в самой деревне. Если согласен, то остается эмпирический факт известного отчуждения крестьянского. накопления для целей индустриализации, но ничего не остается от закона первоначального социалистического накопления в таком виде, в каком его сформулировал т. Преображенский.

Для всего построения т. Преображенского чрезвычайно характерно, что говоря о «досоциалистических формах» или о «частном хозяйстве» он совершенно не дифференцирует его, не различает в нем различных элементов. В одну кучу мешаются и кулак и нэпман, и середняк и бедняк. Один и тот же закон у тов. Преображенского формулирует отношение социалистического накопления и к кулацко-нэпманскому накоплению и к накоплению середняка и бедняка. Одного этого достаточно, чтобы вскрыть глубокую фальшь позиции тов. Преображенского и полную неприемлемость его точки зрения. Метод «отчуждения», несомненно, является единственным методом использования для строительства социализма накопления нэпмана и кулака. Но если т. Преображенский «и впрямь и в самом деле, без риторических затей», «не знает», «как конкретно будет проходить трансформация крестьянского хозяйства», так откуда он почерпнул свою уверенность в том, что взаимоотношение социалистического накопления и середняцкого то же самое, что и соотношение социалистического накопления и кулацко-нэпманского? А между тем если отношение социалистического накопления к середняцкому то же, что и к кулацко-нэпманскому, то очевидно, что и динамика соотношения социалистических элементов и середняцких и кулацко-нэпманских—одна и та же: динамика вытеснения.

Все это, однако, только цветочки, ягодки впереди. Желая отгородиться от обвинения, что он предлагает немедленно «отчуждение» в фонд социалистического накопления всего частнохозяйственного накопления, и желая показать, что и сам понимает политические неприятности, которые могут быть связаны с такой программой, тов. Преображенский на стр. 27 своей книги пишет:

> «Пролетарское государство одновременно и руководит государственным хозяйством и руководит политикой внутренней и внешней, стремясь к сохранению данной системы, к ее укреплению, к победе в ней социалистических начал. Оно встречает при этом противодействие со стороны мирового капитализма извне, частного хозяйства внутри. В результате линия его экономической политики, реальные результаты, достигаемые в хозяйственной области, пролегают не по линии оптимума закона первоначального социалистического накопления, а по линии некоторой равнодействующей, складывающейся в результате данного соотношения сил между социалистическими тенденциями и встречаемыми на их пути противодействующими влияниями».

Это место—в своем роде перл, и лучше всего показывает, «куда растет» теория т. Преображенского. О том, насколько верно голое и безоговорочное противопоставление мирового хозяйства и частного хозяйства внутри страны, с одной стороны, и государственного хозяйства, с другой, мы говорили уж в другом месте [1]). В данной связи для нас, однако, важно другое.

Тов. Преображенский с огорчением констатирует, что сейчас линия экономической политики государства пролегает «не по линии оптимума закона первоначального социалистического накопления», или говоря менее кудряво, сейчас отчуждается меньше, чем можно и должно было бы, при меньшем сопротивлении частного хозяйства. Линия экономической политики пролегает где-то посредине между этим оптимумом и ценностным обменом. Что же определяет, по мнению тов. Преображенского, величину расстояния фактической линии экономической политики государства от оптимума первоначального социалистического накопления? Ответим его же словами: «некоторая равнодействующая, складывающаяся в результате данного соотношения сил между социалистическими тенденциями и встречаемыми на их пути противодействующими влияниями». Значит, чем сильнее будут социалистические тенденции, чем больше будет их удельный вес и чем слабее будут, с другой стороны, противодействующие влияния, тем ближе будет фактическая линия нашей экономической политики к оптимуму закона первоначального социалистического накопления. Или иными словами, чем сильнее будет развита социалистическая промышленность и чем ближе мы будем к социализму, тем менее эквивалентным будет наш обмен с сельским хозяйством, тем больше будет налог на деревню, тем дороже будут цены промышленных товаров! Потому что в чем же другом, кроме этого, может выразиться приближение к оптимуму первоначального социалистического накопления, которое должно явиться результатом изменения «соотношения сил» в нашу пользу.

Чем ближе к социализму, тем больше отчуждения, тем больше перекачки! Это явный абсурд, это сумасшедшие пустяки, но пусть попробует тов. Преображенский сделать другие выводы из своих собственных слов.

Теория, приводящая к абсурдным результатам—это абсурдная теория, терпящая банкротство в собственных выводах. Вряд ли можно сколько-нибудь серьезно оспаривать, что чем ближе мы будем к социализму, тем более эквивалентным будет наш обмен с сельским хозяйством, тем меньшую роль будут играть методы отчуждения. На деле мы будем иметь «отрицательно-расширенное воспроизводство» элементов «отчуждения». «Ни разверстки, ни налога,—писал т. Ленин,—а обмен продуктов крупной, социализированной промышленности на крестьянские продукты,—такова экономическая суть социализма, его база». Вот в чем видел суть «новой экономики» т. Ленин. «Закон» тов. Преображенского ставит «новую экономику» на голову: не убывание роли элементов отчуждения, но напротив их возрастание, приближение к «оптимуму» первоначального социалистического накопления по мере приближения к социализму.

И это, разумеется, не случайно. К другим результатам и невозможно притти, если эмпирический факт «отчуждения» в фонд индустриализации известной части частно-хозяйственного накопления, факт убывающего значения, возводить в основ-

[1]) Статья «Запоздалый рефлекс» в № 7—8 «Большевика» за 1926 г.

ной закон эпохи, приписывать ему центральную роль. В самом деле, посмотрим, как обосновывает тов. Преображенский право на возведение эмпирического факта отчуждения в теоретический закон: в заключительном слове по докладу «О законе ценности в советском хозяйстве» в Ком. Академии, он говорил:

> «Закон ценности—это закон, который в условиях развития буржуазного производства стихийно воспроизводит в расширенном масштабе капиталистические отношения. Мы имеем у нас расширенное социалистическое воспроизводство. Я вас спрашиваю: если в основе одного процесса—процесса воспроизводства капиталистических отношений лежит закон ценности, то какая закономерность лежит в основе расширенного социалистического воспроизводства? Существует ли специфический закон расширенного социалистического воспроизводства?».

Таким «специфическим законом» расширенного социалистического воспроизводства, по т. Преображенскому, и является закон первоначального социалистического накопления. Именно первоначального социалистического накопления, потому что если бы речь шла о социалистическом накоплении в обычном понимании, то дело сводилось бы к простой тавтологии: в основе расширенного социалистического производства лежит социалистическое накопление.

Итак, закон первоначального социалистического накопления—это «специфический закон» расширенного социалистического воспроизводства. Действие этого закона, однако, как неоднократно повторяет и подчеркивает т. Преображенский, «ограничивается действием закона ценности».

Значит, чем шире воспроизводятся социалистические отношения, чем менее сфера действия закона ценности, тем сильнее, неограниченнее действует закон первоначального социалистического накопления, тем больше отчуждения и перекачки. Нелепо, конечно, но такова уж логика возведения эмпирического факта убывающего значения в «основной» и «центральный» закон теории переходного периода.

Нет надобности рассматривать в деталях теорию, столь очевидно проваливающуюся в основном. Единственный частный вопрос, который мы считаем нужным выделить—это вопрос о политике цен. Но к нему вернемся в другой раз и в несколько другой связи.

В. Ломинадзе.

От левой фразы к социал-фашизму.

I. Вырождение «ультра-левых».

В нашей партийной печати слишком мало освещается эволюция того направления в Коммунистическом Интернационале, которое известно под именем «левого» или «ультра-левого» уклона[1]). А между тем эта эволюция,—особенно в последние месяцы и недели,—принимает крайне интересный и во многих отношениях поучительный (и для нашей партии!) характер. Кстати, давно уже пора отказаться от слова «уклон» применительно к этому направлению. «Уклон не есть еще готовое течение,—говорил т. Ленин на X с'езде партии.—Уклон—это есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом «уклон». Это подчеркивание того, что тут еще нет чего-либо окончательного, подчеркивание того, что дело—легко поправимое». Взятое в этом смысле понятие «уклон» оказывается совершенно непригодным для характеристики современной «левой» или «ультра-левой» оппозиции в Коминтерне. Она давно уже оформилась, как законченное, готовое течение. Этим не сказано, что она неспособна или не будет дальше эволюционировать. Она эволюционирует и сегодня на наших глазах, но тенденция, направление ее развития определились уже окончательно в сторону от большевизма и против большевизма. Едва ли здесь можно «поправить»—и Коминтерн принимает все меры к тому, чтобы освободить из-под влияния «ультра-левых» тех рабочих, которые за ними еще идут. Отдельные вожаки «ультра-левой» будут отпадать от этого течения и переходить на партийные позиции — и им всячески надо в этом помогать. Но попытка вернуть на правильный путь все «ультра-левое» течение в целом была бы теперь нелепой и вредной затеей. Оно зашло слишком уж далеко. Оно давно вышло за рамки партийности. Единственное что остается с ним делать, это—вести борьбу за полное его уничтожение.

Всего год тому назад «ультра-левое» течение играло видную и значительную роль в Коминтерне. «Ультра-левым» принадлежало чуть не монопольное руководство в двух важнейших секциях Коминтерна—в германской и польской. В Италии за

---

[1]) Терминами «левая» или «ультра-левая» оппозиция обозначается, по сути, одно и то же направление в Коминтерне. В Германии, например, в настоящее время имеется не меньше шести «левых» и «ультра-левых» группировок, называющих себя «оппозицией в КПГ». Сколько-нибудь существенной «принципиальной» разницы между этими группировками нет. Они представляют собою одно и то же течение на разных этапах развития.

Бордигой стояло серьезное меньшинство и в партии и в комсомоле. Но это была не вина, а беда Коминтерна.

В Коминтерне никогда не было двух мнений насчет того, что из себя представляет «ультра-левое» направление. Оно всегда расценивалось, как проявление и выражение той «мелко-буржуазной революционности, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной классовой борьбы» (Ленин). Социальным источником этой мелко-буржуазной революционности является «взбесившийся мелкий буржуа», который, «испытывая при капитализме постоянное угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости» (Ленин).

В Коминтерне никогда не было сомнений насчет того, что «ультра-левые» являются мелко-буржуазными попутчиками пролетариата, приставшими к нему в период бурного под'ема революции. Ленин еще в 1909 г. говорил (по поводу тогдашних «ультра-левых» в нашей партии—отзовистов): «Это явление (т.-е. присоединение попутчиков к пролетарской партии. *В. Л.*) неизбежно даже в наиболее развитых капиталистических странах, ибо пролетариат всегда соприкасается с самыми разнообразными слоями мелкой буржуазии, всегда рекрутируется снова и снова из этих слоев». «В этом явлении,—раз'яснил Ленин,—нет ничего ненормального и ничего страшного, если только пролетарская партия умеет переварить инородные элементы, подчинить их себе, а не подчиниться им, умеет во-время сознать, что те или иные элементы—действительно инородные элементы и что от них необходимо при известных условиях ясно и открыто отмежеваться».

Коммунистический Интернационал все да руководствовался этими указаниями Ленина. Немало «инородных элементов» переварило за последние годы коммунистическое рабочее движение. И, тем не менее, в 24—25 г.г. дела сложились так, что в Германии и Польше не партии подчинили себе «левых» мелко-буржуазных попутчиков, а они встали на время во главе пролетарских партий.

Это было совершенно неизбежно для своего времени. Руководство К. П. Германии в 24 г. перешло к «ультра-левым» (Маслов, Рут Фишер, Шолем, Кау и др.) против воли Коминтерна. Но у Коминтерна тогда не было никакого другого выбора. Анархизм и мелко-буржуазная революционность являются расплатой за соглашательство, «своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняют друг друга» (Ленин). Оппортунистические ошибки прежней руководящей группы К. П. Германии (Брандлера, Тальгеймера, Радека), приведшие к поражению германского пролетариата в 23 году, были настолько велики, вызвали такую острую реакцию и возмущение в рядах рабочих-коммунистов, что партия оказалась на время в полном плену у «ультра-левых», щеголявших революционной фразой. Отталкивающая сила оппортунистических ошибок Брандлера и др. сплотила германскую партию вокруг «левых» попутчиков, на словах больше и яростнее всех воевавших против оппортунистической тактики ЦК КПГ. Здесь мелко-буржуазную революционность вызвал к жизни и укрепил оппортунизм. В общем и целом то же самое произошло в свое время в Польше и в Италии. «Левые» попутчики поднялись к руководству в пролетарских партиях в тот период, когда внутри коммунистического движения шла бешеная, часто даже стихийная борьба против оппортунизма. Этот участок пути коммунистическое движение проделало вместе с полуанархическими, мелко-буржуазными революционными элементами. Коммунистический Интернационал, однако, никогда не прекращал и даже не ослаблял самой острой борьбы против ошибок «ультра-левой». Но пока на первом плане стояло полное преодоление правых уклонов; пока все силы компартии были направлены на борьбу с оппортунизмом; пока «ультра-левые» ошибки носили эпизодический характер и не развернулись в законченную политическую линию,—руководство «ультра-левых» в К. П. Германии и Польши было еще сравнительно терпимо. С ним приходилось, скрепя сердце, мириться и потому, что выращивание подлинно пролетарского руководства, свободного и от правых и от левых уклонов, шло в компартиях крайне медленно. Но коммунистическое движение не стояло на одном месте. И когда на первый план встали новые задачи, когда правая опасность оказалась в основном преодоленной, «ультра-левые из попутчиков превратились в **тормоз** коммунистического движения, чем дальше, тем больше расходилась линия развития компартий с той линией, на которую старалась перевести это движение «ультра-левая». На этой основе и возник в прошлом году, почти одновременно, кризис в трех партиях, где «ультра-левые» были особенно сильны: в германской, польской и итальянской. Этот кризис, один из наиболее острых и серьезных, какие только приходилось переживать Коминтерну, оказался для последнего кризисом роста и ликвидировал «ультра-левую», как руководящее и даже как сколько-нибудь влиятельное течение в основных коммунистических партиях.

В 1923 году, после поражения революции в Германии, история проделала тот поворот, который в основном начался еще в 21 году. Полосу гражданских войн и непосредственно-революционной ситуации сменила полоса относительной стабилизации капитализма. В основу всей деятельности компартии ложится теперь тактика, разработанная на III конгрессе Коминтерна. На время задача непосредственного революционного завоевания власти и прямой революционной борьбы оказалась отодвинутой вдаль. На очередь встали новые приемы борьбы, новые методы работы «тяжелой, медленной, серой, будничной» (Ленин), но такой работы, которая единственно обеспечивает коммунистам возможность идти во главе масс и толкать рабочее движение вперед. Ленин всегда учил, что «для настоящего революционера самой большой опасностью,—может быть, единственной опасностью,—является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного применения революционных приемов». Не всякая революционная задача и не всегда решается революционными приемами. Вот этого никогда не могло, да и не может усвоить «ультра-левое» направление, не может в силу своего мелко-буржуазного характера. Оно никак не может примириться с решениями III конгресса Коминтерна и той тактикой, которую К. П. проводит сегодня на базе этих решений. Маслов предпринял открытый поход против ленинизма как раз по поводу линии III конгресса. В основе всех ошибок «ультра-левой» лежит неправильное, не-

ленинское решение коренной проблемы: всегда ли, при всех ли условиях должна коммунистическая партия применять крайние, революционные методы. Отсюда уже вытекает ошибочная линия по всем остальным вопросам: о работе в профсоюзах, о борьбе за единство профдвижения, о завоевании масс, о тактике единого фронта, о борьбе за частичные требования, об отношении к русской революции и советскому государству, об организационных принципах строительства партии и т. д.

Во всех этих вопросах линия «ультра-левой» вступает в столкновение и противоречие с большевистской линией Коминтерна. Он от довольно продолжительного руководства «ультра-левых» в таких партиях, как германская и польская, доказал убедительнейшим образом, что компартия, проводя «левую» политику, неизбежно изолирует себя от массового движения рабочих, теряет в них свое влияние, превращается в секту и неминуемо начинает распадаться и разлагаться. Если бы влияние «ультра-левых» в трех крупнейших компартиях не было почти полностью ликвидировано в результате прошлогоднего кризиса, дальнейшая судьба этих партий стояла бы под большим вопросом. Но к счастью для коммунистического движения «ультра-левая» оказалась разбитой на голову в той внутренней борьбе, которая развернулась с такой остротой в прошлом году.

К VI пленуму ИККИ «ультра-левая» предстала полным банкротом во всех отношениях. Она не имеет ни в одной партии не то, чтоб большинства, но даже и сколько-нибудь значительного меньшинства за собою. По самым преувеличенным подсчетам, все оттенки и направления, некогда единой германской «ультра-левой» ведут за собой 6—8% членов партии, не больше. Катастрофически пало влияние Бордиги в итальянской, Домского—в польской и Гансена—в норвежской партиях. Мало того, «ультра-левое» течение Германии, например, распалось, по крайней мере, на шесть мелких группировок, грызущихся между собою «как скорпионы в банке». Эта внутренняя неустойчивость и разложение «ультра-левого» течения свидетельствуют особенно наглядно об ее организационном банкротстве.

Идейно-политическое банкротство «ультра-левой» нашло свое выражение в том замечательном факте, что на пленуме ИККИ ни один из вождей «ультра-левой», кроме Бордиги, (по о нем речь особо!) не решился отстаивать свою политическую линию, и обосновать свои принципиальные расхождения с Коминтерном. А этих вождей (без армии) было приглашено вполне достаточно на пленум ИККИ—по несколько делегатов от каждого оттенка. Их выступления представляли жалкое и одновременно комическое зрелище. Все речи «ультра-левых» (повторяем, за исключением Бордиги) сводились к покаянному признанию правильности политики Коминтерна (той политики, против которой они так страстно боролись, которая проводилась против них), к взаимной грызне и к продолжению фракционной борьбы против своих партий в форме мелкой, беспринципной «организационной склоки». На деле «ультра-левая» не отказалась полностью ни от одной из своих ошибок, ни от одного из своих фракционных притязаний. Формально же она капитулировала без боя по всем идейно-политическим вопросам. У нее не оказалось больше принципиальных позиций, за которые она могла бы открыто бороться. «Ультра-левое» течение вырождается идейно-политически и превращается все более в беспринципную группировку. На фоне этого идейно-политического вырождения и организационного распада становится понятным то глубокое падение некоторых вождей «ультра-левой», которое характеризует всю «ультра-левую», и имеет отнюдь не только личное значение.

Мы остановимся лишь на трех примерах из деятельности германских «ультра-левых», обходя многочисленный ряд мелких фактов (сотрудничество «ультра-левых» в буржуазной печати, их личные связи с врагами партии и т. д.).

1) Вождь интернациональной и германской «левой», Маслов, позорно и недопустимо (даже для рядового революционера, не только для руководителя партии!) вел свою защиту на судебном процессе, на котором он привлекался за «государственную измену». В интересах личной защиты перед буржуазным судом Маслов отказался от защиты революционной программы германской компартии и всячески старался уклониться от ответственности за ее революционную деятельность. Маслов отрекся на суде от революционной перспективы для Германии на целое десятилетие. Его поведение осуждено, как недостойное, и германской общепартийной конференцией (ноябрь 25 г.), а также (после двукратного обсуждения ИКК и ИККИ.

Резолюция германской партконференции констатирует, что ни один судебный политический процесс в Германии не проходил так бесцветно и недостойно для коммунистов, как процесс Маслова.

2) Рут Фишер, стоявшая одно время во главе германской компартии, перенесла в партийную деятельность все худшие приемы австрийской парламентской школы: двуличность, ложь и интриги, сплетни, «двойную бухгалтерию» и т. д. Эти приемы она возвела в целую систему политической деятельности. Именно потому, что эти методы характеризуют Рут Фишер, как политического деятеля, пленум ИККИ вынужден был их отметить и осудить в официальной резолюции.

3) Но Маслов и Рут Фишер—не самые типичные представители «ультра-левого» течения. Они принадлежат, если так можно выразиться, к умеренному крылу «ультра-левой». Но есть у «ультра-левых» и вполне последовательные люди. Наиболее последовательным из них был всегда Кац. Еще не так давно Кац принадлежал к числу «левых» руководителей К. П. Германии. Он был некоторое время представителем партии в ИККИ. Фракционная конференция «ультра-левых», собравшаяся в январе нынешнего года, обсуждала вопрос о расколе партии. Решили не раскалывать, так как откалывать-то было нечего: за «ультра-левыми» идет незначительное меньшинство в германской партии, но и оно никогда не пойдет на раскол. «Ортодоксальный» «ультра-левый» Кац не подчинился этому решению своей же фракции. Он устроил в январе хулиганское нападение на редакцию партийной газеты в Ганновере, решив с этого конца начать исправление линии партии. Будучи выкинут из партии, Кац немедленно начал гнуснейшую кампанию против партии,—кампанию, на которую способен только ренегат—и то не каждый. Но одновременно с этим Кац обращается в магистрат г. Ганновера с предложением обеспечить ему место и приличный оклад: в этом случае Кац отказывается от всякой политической деятельности. Вот что писал Кац в своем письме «господину го-

родскому голове» Ганновера: «Мое намерение уйти из партии еще в этом году остается непоколебимым. Я уже давно предпологал уйти после нескольких лет деятельности от партийной жизни, но я расчитывал это сделать, примерно, к 40 годам. Исключительное напряжение обстановки двух последних лет, которое значительно нарушило мое здоровье, вынуждает меня уже сейчас возвратиться на длительное время бол[illegible]койной деятельности. Соответственно этому прош[illegible] дыскать для меня такую службу, которая носит не полит[illegible]кий характер, например, финансовая работа, служба в школе, библиотеке, архиве и т. д. Я был бы очень рад быть полезным моему городу именно в этих областях работы» (цитируем по тексту, опубликованному в германской печати). Можно ли представить более глубокое падение революционера? Но, право же, Кац является символической фигурой для «ультра-левого» течения. Мелкий буржуа с ног до головы, пошлый мещанин, «взбесившийся» в свое время, но успевший перебеситься раньше, чем к 40 годам, желающий мирно почить от политических «трудов» в архиве городского самоуправления—и в то же время крайний, «nec plus ultra» левый «коммунист», спасающий Коминтерн от правой опасности,—таков траги-комический символ последовательной «ультра-левой»!

Когда сопоставляешь эти факты со всей политической деятельностью «ультра-левой», невольно приходишь к выводу, что падение «вождей» «ультра-левой»—явление не случайное. Оно коренится в мелко-буржуазной природе этих попутчиков, которых рабочее движение не сумело переварить и которые не сумели воспринять от пролетариата ни его стойкости и выдержки, ни его прямоты и искренности, ни его беззаветной преданности делу революции.

«Ультра-левая» явно вырождается. В последние недели, однако, мы замечаем лихорадочное оживление в рядах «ультра-левых» во всех странах. Оно связано с дискуссией на XIV с'езде ВКП и с политикой нашей партии вообще.

II. Пленум ИККИ. «Ультра-левые» о «русском вопросе».

Вопросы нашей внутрипартийной дискуссии не обсуждались на VI пленуме ИККИ. Еще за месяц до расширенного пленума президиум ИККИ принял постановление, в котором присоединяется к единодушному пожеланию ЦК ВКП о неперенесении в Коминтерн и его секции нашей дискуссии. ЦК ВКП, а вместе с ним и Коминтерн, вынося это решение, исходили из того, что дискуссия закончена на XIV с'езде партии. Вместе с тем ЦК указывал в своем письме ко всем компартиям на необходимость тщательного и серьезного изучения материалов дискуссии в ВКП. В этом письме так же, как и в постановлении президиума ИККИ, речь шла не о запрещении обсуждать «русский вопрос», как это пытаются теперь представить задним числом «ультра-левые», а о нецелесообразности перенесения в другие компартии той внутренней борьбы, которая развернулась у нас в период XIV с'езда.

В «Rote Fahne» от 8 мая Урбанс—один из вождей немецких «ультра-левых»—ставит теперь в упрек и в тяжелую вину Ко-

минтерну то, что расширенный пленум обошел вопросы дискуссии в ВКП. Урбанс заявляет: «Расширенный пленум обсудил в продолжение четырех недель все возможные вопросы, и только проблемы, которые касаются нашей русской братской партии и которые привели к острейшим столкновениям на XIV с'езде ВКП, не должны были дебатироваться, хотя с этими вопросами связаны как [illegible]основные проблемы ленинизма и Коминтерна».

[illegible]вной вопрос Коминтерна не был обсужден расширенным п[illegible], тем менее был дан на него недвусмысленный ответ. Мы [illegible] же указываем на то, что препятствование дискуссии по важнейшим вопросом, которые стоят перед Коминтерном, должно привести к дальнейшим неясностям и уклонам в Коминтерне».

В этих утверждениях Урбанса частью утаена, частью извращена правда о том, что происходило на VI пленуме ИККИ.

Урбанс принимал участие в работе пленума. Кроме Урбанса, на пленуме были представители всех направлений и оттенков интернациональной «ультра-левой». Но никто из «ультра-левых» даже не попытался поставить на обсуждение пленума вопрос о «русской» дискуссии. Мало этого. Бордига, подобно тому, как это делает теперь Урбанс, заявил на пленуме, что правая опасность для Коминтерна заключается не в ликвидаторской деятельности оппортунистического крыла в К. П. Франции[1]), а в том, что Коминтерн уклоняется от обсуждения вопроса о политике ВКП и о разногласиях, имеющих в ней место. В ответ на это выступление т. Бухарин заявил оффициально от имени нашей партии, что ВКП готова дать ответ по всем вопросам, связанным с прошедшей у нас дискуссией, если только кто-нибудь из делегатов пленума этого потребует. Никто из «ультра-левых», ни Бордига, ни Урбанс в том числе, не нашел, однако, нужным предложить обсудить на пленуме «русский вопрос». Достаточно было одного заявления со стороны Урбанса, и пленум остановился бы со всей необходимой подробностью на вопросах дискуссии в ВКП. Урбанс такого заявления не сделал. На это ни у него ни у других «ультра-левых» не хватило решимости, несмотря на то, что отношение «ультра-левой» к дискуссии в ВКП определилось достаточно полно еще до пленума. Фракционная конференция немецких «ультра-левых», собравшаяся в январе, т.-е. за месяц с лишним до пленума ИККИ, заняла резко враждебную позицию по отношению к большинству ВКП и к решениям XIV партс'езда. Мнение этой конференции, как об этом свидетельствуют документы «ультра-левых», выразил Энгель, берлинский «ультра-левый», заявивший, что «III район берлинской организации КПГ поддерживает линию ленинградских рабочих: Саркиса (!), Сафарова (!) и Ларина(!)». Заявление Энгеля было опровергнуто. Он не имел права говорить от имени III района, т. к. этот район не принимал никаких решений по «русскому во-

[1]) Бордига говорил, между прочим, по поводу правого крыла во Франции: «Я не колеблюсь заявить, что в общем и целом я считаю его здоровым, а отнюдь не зараженным мелко-буржуазной идеологией». Крайности сходятся! В свое время — на V конгрессе — Бордига голосовал против исключениия Суварина из партии. Теперь он поддерживает от'явленных оппортунистов, полу-меньшевиков, группирующихся «в общем и целом» вокруг ренегата Суварина. Любопытный идейный блок между крайне-правыми оппортунистами и самым «левым революционером» в Коминтерне! Представитель французских правых на пленуме ИККИ заявлял, что он в свою очередь согласен «в общем и целом» с Бордигой!

просу» ко времени пленума[1]). Энгель выступал на деле от имени фракционной конференции «ультра-левых», но попытался скрыть это и спрятаться за спину районной парторганизации. Но, Энгель—не вождь, он—рядовой «ультра-левый» функционер. Насколько он компетентен в вопросах нашей дискуссии, свидетельствует вышеприведенная выдержка из его речи. Но и он даже не предлагал пленуму заняться обсуждением «русского вопроса».

Отношение группы Рут Фишер—Урбанс к нашей внутрипартийной дискуссии сложилось также задолго перед пленумом. На пленуме ИККИ делегация КПГ пред'явила фракционную переписку Рут Фишер. Рут Фишер, находившаяся во время XIV парт'езда в Москве, давала в своих письмах в Германию такую оценку нашей внутрипартийной борьбы:

«В Ленинграде царит террор, и как раз по этому (!) мы (т.-е. «левые». *В. Л.*) должны умереть... V конгресс разбиг вдребезги—и я боюсь, что не один... мечта о большевизации пошла прахом, мы должны ставить гораздо более определенные цели». Для усиления впечатления Рут Фишер передает своим друзьям по фракции слух, который ЦК ВКП в своем открытом письме квалифицировал, как «контр-революционную сплетню».

«Здесь раздаются голоса за немедленное безусловное вхождение в Амстердамский Интернационал (причем заодно уже затрагивают проблему о Лиге Наций)».

Заодно в переписке дается и фракционный совет: «Немецкий ЦК ни в коем случае, ни под какими угрозами не должен принимать участия в вынесении каких бы то ни было постановлений «против оппозиции», ибо здесь идет речь о решениях исторической важности. Что станется с Коминтерном—неизвестно».

Все это писалось в начале января. Но Рут Фишер так же, как и Урбанс, несмотря на то, что ее позиция в «русском вопросе» определилась совершенно недвусмысленно, не потребовала постановки его обсуждения на пленуме ИККИ. Далее Бордига который больше и откровеннее всех других «скакал и играл» по поводу дискуссии в ВКП, и тот уклонился от вопроса, поставленного в упор т. Бухариным. Он ограничился лишь косвенным выражением недоверия политике ВКП, потребовав неожиданно к концу пленума созыва внеочередного конгресса Коминтерна для обсуждения вопроса о том, насколько политика советского государства и нашей партии проводится в соответствии с интересами международного пролетариата.

Так обстояло дело на пленуме ИККИ. Урбанс фальшивит и недобросовестно перевирает, заявляя теперь, будто кто-то препятствовал обсуждению спорных проблем ВКП на VI пленуме ИККИ и будто их запрещено было касаться. Потерпев убийственное поражение по всей линии борьбы, растеряв все свои идейно-политические позиции, «ультра-левая» жадно ухватилась за разногласия в ВКП. На них она пытается построить свою новую платформу, которая позволила бы вновь собрать ее распыленные силы и восстановить ее былое единство. Такова сегодняшняя «линия» интернациональной «ультра-левой». Но разложение и деморализация в ее рядах зашли настолько далеко, что ни у одной из группировок «ультра-левой» не хватило мужества дать открытый бой на расширенном пленуме за свою платформу в «русском вопросе». Уклонившись трусливо от прямой борьбы, «ультра-левые» выбрали средством наступления мелкую, недостойную игру, в которой главная ставка ставилась на мнимые разногласия по вопросам международной политики внутри делегации ВКП. Почти все «ультра-левые» делегаты, выступая решительно против резолюции по немецкому вопросу, предложенной комиссией т. Бухарина, тут же заявляли о своем полном согласии с общими докладом и тезисами т. Зиновьева. Между тем, и резолюция по немецкому вопросу и общеполитические тезисы строго выдержаны в духе одной линии и одобрены единодушно делегацией ВКП. Само собою разумеется, эта мелкая игра получила достойный отпор со стороны всей делегации ВКП на пленуме.

[1]) Уже на днях, после дискуссии об итогах пленума ИККИ, большинство III района, — до последнего времени служившего цитаделью оппозиции, — высказалось за линию Коминтерна и против «ультра-левых».

Мы уже упоминали, что не в пример всем другим вождям «ультра-левой», Бордига на пленуме ИККИ отстаивал открыто свою политическую линию. Но даже Бордига не договаривал очень многого в своих выступлениях на пленуме, не договаривал в особенности в «русском вопросе». Если сравнить речи Бордиги на пленуме с его прежними выступлениями, в частности на с'езде К. П. Италии, состоявшемся за несколько недель до пленума, то окажется, что на трибуне Коминтерна мужество покинуло даже этого храброго рыцаря «ультра-левой». Бордига обошел молчанием ряд крайне существенных вопросов, по которым он расходится с Коминетрном. Тем не менее, его выступления представляют значительный интерес.

Бордига спорил на пленуме ИККИ против ориентировки Коминтерна на большевизацию компартий.

«Большевизация,—утверждал Бордига,—отнюдь не представляла собой шага вперед... Не подлежит сомнению, что исторический путь, пройденный русской партией, не может быть по всем своим особенностям тождественен с путями других партий. Русская партия боролась в совершенно особых условиях, т.-е. в стране, где феодальное самодержавие еще не было преодолено капиталистической буржуазией. Между падением феодального самодержавия и завоеванием власти пролетариатом лежит короткий период, и нет никакой аналогии между этим историческим развитием и той обстановкой, в которой произойдет революция в других странах... Весь ход исторического развития в России не способствовал созданию опыта в борьбе с капиталистическим, либеральным, современного типа государством... Даже в этих специальных условиях русская революция привела к политической диктатуре пролетариата, осуществленной компартией путем восстания, путем захвата власти— и это для теории, для учения революционного марксизма является одним из наиболее грандиозных исторических положений. С точки зрения идеологии это положение имеет решающий характер, но с точки зрения тактики—это еще не то. Для нас необходимо знать, как вести борьбу против современного демократического буржуазного государства... Вся эта проблема в целом чужда истории русской коммунистической партии, и если большевизация ис

толковывается в таком смысле, что революция, осуществленная русской партией, содержит в себе решения всех стратегических проблем революционной борьбы,—то такое понимание большевизации недостаточно. Интернационал должен выработать более широкое понимание, он должен добиваться решения стратегических проблем, лежащих вне пределов русской революции».

Бордига не решается здесь прямо высказать свою мысль. Если судить по одним заключительным словам цитаты, то можно подумать, будто Бордига настаивает лишь на уточнении понимания слова «большевизация». Но на самом деле Бордига спорит против лозунга большевизации. Он только не решается в прямой форме сделать выводы, которые, однако, и без того ясны из его рассуждений.

Во-первых, Бордига очень уж настоятельно подчеркивает «не классический характер» русской революции. Конечно, общественные условия в Западной Европе иные, чем в России. Россия была наиболее отсталой из всех капиталистических стран Европы. Преобладание крестьянства, преимущественно мелкобуржуазный уклад страны, неразвитость буржуазной демократии,—все это наложило, конечно, специфический отпечаток на характер русской пролетарской революции и определило ряд ее особенностей. Но здесь все дело в мере, в какой оценивать эти особенности.

Отто Бауэр, например, тоже признает пролетарский характер русской революции и то, что в СССР осуществлена диктатура рабочего класса. Но из анализа особенностей отсталого уклада России Отто Бауэр приходит к выводу с полной неприемлемости русской революционной стратегии в Западной Европе. И вообще тот аргумент, что Октябрьский переворот в отсталой России не является классической рабочей революцией, очень уж излюблен меньшевиками. Бордига, конечно, не доходит до меньшевистских утверждений, но он все же явно не соблюдает меры и допускает огромную ошибку, недооценивая опыт русской революции и даже противопоставляя его опыту классовой борьбы и рабочего движения Западной Европы. Ленин иначе оценивал опыт революционного движения России. Вот что говорил Ленин в «Детской болезни левизны»:

«Возникший на этой гранитной теоретической базе (марксизма. *В. Л*). большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной на свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, притом борьбы, которая в силу отсталости страны (!) и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта».

В самом начале этой же брошюры Ленин говорит: «Первые месяцы... могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западно-европейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение...

В данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего».

Все это «звучит» несколько иначе, чем у Бордиги. А особенно интересно то, что Ленин делает из опыта русской революции ряд основных тактических выводов для западно-европейских компартий, т.-е. как раз то, против чего спорит Бордига.

Вторая ошибка Бордиги заключается в том, что, по его утверждению, опытом русской революции исчерпывается содержание большевизма. Но это заведомая неправда. Бордиге должно было быть известно, что опыт нашей большевистской партии шире опыта одного русского революционного движения, что большевизм, или, что то же, ленинизм являются обобщением всего опыта международного движения. Но Бордига как раз это и оспаривает. Когда он говорит: «Интернационал должен выработать более широкое понимание», здесь речь идет о расширении ленинизма, о том, что большевизм, как теория и обобщение опыта русской революции, недостаточен для коммунистического движения в Западной Европе. Совершенно так ставил вопрос в прошлом году и Маслов, начиная свой поход против ленинизма. «Ультра-левых» не удовлетворяет «русский» ленинизм. Они хотят и пытаются его «европеизировать». Здесь самый глубокий корень теории «ультра-левых». Но как раз здесь «оригинальная» теория «ультра-левых» смыкается с меньшевизмом, который также отвергает русскую революционную стратегию и тактику на том основании, что опыт «отсталой», «не классической» русской революции мало применим к Западной Европе. «Ультра-левая» теория еще не меньшевизм. Но там, где она расходится с ленинизмом—а расходится она в очень многом и существенном—она приближается к меньшевизму и смыкается с ним.

Мы находим нужным остановиться еще на одном месте из речи Бордиги на пленуме ИККИ. В Коминтерне руководство принадлежало и принадлежит ВКП. «И вот,—говорил Бордига,—после последних событий, последней дискуссии, эта точка опоры, уравновешивающая всю систему, уже не кажется нам устойчивой. Во время последней дискуссии русской партии мы видели, что товарищи, претендовавшие одинаково на глубокое знание ленинизма, имеющие одинаковое и неоспоримое право во имя большевистских революционных традиций, спорили между собою, использовывали друг против друга тексты Ленина и каждый по-своему истолковывали русский опыт... Я констатирую этот неоспоримый факт.

Кто же при таком положении вещей будет последней инстанцией, которая разрешит международные проблемы. Мы уже

не можем ответить: «Старая большевистская гвардия», потому что на практике этот вопрос допускает противоположные решения... Отсюда вытекает, что нужно другое решение. Мы можем сравнить наш мировой организм (Коминтерн. *В. Л.*) с пирамидой. Эта пирамида должна иметь вершину и линии, восходящие к вершине. Это и олицетворяет единство, необходимую централизацию. Но при нашей тактике пирамида самым опасным образом опирается на вершину. Надо, следовательно, снова поставить ее на основание, снова придать ей устойчивое равновесие. Поэтому наш вывод относительно большевизации заключается в том, что недостаточно произвести лишь второстепенные изменения, надо глубоко преобразовать всю систему.

Бордига и здесь не договаривает, но смысл его речи ясен. XIV с'езд нашей партии принял решение о более близком привлечении к руководству Коминтерном на ряду с ВКП и других коммунистических партий. Не этот вопрос ставит Бордига. Он забирает глубже. Он говорит о крушении большевизма. Перевернуть пирамиду, глубоко преобразовать всю систему,—этими образными выражениями Бордига хочет завуалировать ту пробивающуюся через его рассуждения мысль, что большевистскому руководству Коминтерном надо положить конец. Почему это надо сделать? Потому, что единого ленинизма больше нет! Потому, что большевизм—об этом говорит последняя дискуссия в ВКП—потерпел крушение. Таков смысл выступления Бордиги. После этого становится понятным, почему Бордига внес авансом вотум недоверия ВКП. Ибо что же другое, кроме выражения недоверия, может означать требование созыва чрезвычайного конгресса Коминтерна для решения вопроса о том, насколько увязана политика нашей партии с интересами международной революции. Кто так ставит вопрос, тот заранее выдает свою точку зрения: очевидно, он считает, что политика ВКП перестала соответствовать интересам интернационального пролетариата. Эта точка зрения, неясно и уклончиво формулированная в речах Бордиги на пленуме, получила свое полное законченное выражение в выступлениях «ультра-левых» в Германии во время пленума ИККИ и непосредственно по его окончании.

(*Окончание следует*).

И. Д. Левин.

Всеобщая забастовка в Англии.

Величайшая в истории английского рабочего движения забастовка и величайшее предательство.

1 мая шахтовладельцы об'явили углекопам локаут. В ночь с 3 на 4 мая Генеральный Совет Конгресса об'явил всеобщую забастовку. По своим размерам, по своему размаху, по всей обстановке, в которой она происходила, забастовка явилась беспримерной в истории международного движения. Около $4^1/_2$ миллионов рабочих скрестили руки на груди. Вместе со своими семьями они составляли около 18 миллионов человек из общего населения в 43 миллиона. Бастовали важнейшие отрасли промышленности, являющиеся ключами экономической жизни страны. Остановились железные дороги, трамваи, автобусы, весь транспорт, закрылись шахты, омертвели порты и верфи, прекратилась электрическая энергия. Экономическая жизнь могущественной капиталистической Англии замерла.

Против рабочих выступила единым фронтом вся английская буржуазия с правительством во главе, мобилизовавшим для подавления забастовки полицию, армию, флот, авиацию, химию, танки, штрейкбрехерские организации и все другие силы своего государственного аппарата.

Локаут углекопов превратился в классовую борьбу английского пролетариата против всей английской буржуазии.

В разгоревшейся борьбе рабочие не вели наступления. Они лишь защищали свои позиции. Всеобщая забастовка была ответом на вызов буржуазии, открывшей огонь по углекопам, являющимся важнейшим отрядом английского рабочего движения. Всеобщая забастовка была актом солидарности всего английского пролетариата с углекопами, которым шахтовладельцы об'явили локаут. Никаких отдельных требований забастовавшие из солидарности союзы не выставляли. Вместе с организованными рабочими, живо откликнувшимися на призыв руководившего забастовкой Генерального Совета конгресса трэд-юнионов бастовали и примкнувшие к ним неорганизованные рабочие.

12 мая Генеральный Совет предал углекопов, предал дело всего английского пролетариата: он за спиной федерации горнорабочих, постановил прекратить забастовку, чем разбил пролетарский фронт, выдал углекопов с головой шахтовладельцам и открыл ворота классовому врагу, который сейчас быстрым натиском преследует деморализованные и разрозненные отряды пролетарской армии. Буржуазия требует снижения зарплаты, уничтожения коллективных договоров, оставления на службе штрейкбрехеров, с увольнением соответствующего числа бастовавших рабочих.

Эти 12 дней составляют целую эпоху. 12 дней, которые потрясли весь рабочий мир! С какой надеждой, с каким под'емом,

с какой радостной самоотверженной действенной готовностью помочь всем, чем только возможно, откликнулись рабочие массы всех стран на события в Англии! Международный пролетариат знает, что торжество буржуазии в Англии послужит сигналом к наступлению капитала во всем мире. Предательство правых вождей: Томаса, Макдональда, Гендерсона и К°—это нож в спину не только английского, но всего международного пролетариата. Английский рабочий класс получил страшный урок, который должен, наконец, открыть ему глаза на то, что до тех пор, пока он будет терпеть в своем лагере и в своем генеральном штабе явных и тайных агентов и полуагентов буржуазии, ему не будет спасения от капиталистического рабства. Генеральная чистка рядов должна предшествовать генеральной забастовке.

Уроки всеобщей забастовки имеют огромное значение для международного пролетариата. Нам необходимо охватить и осмыслить то, что произошло и понять события в их взаимной связи и причинности.

Причины забастовки: кризис и денежная реформа.

Основной причиной, приведшей к всеобщей забастовке, является глубокий кризис, переживаемый английской экспортной промышленностью и в первую голову угольной промышленностью, потерпевшей полное банкротство. Этот кризис является прямым следствием войны и ее детища, плана Дауэса. На обнищавшем и сжавшемся мировом рынке Англии трудно тягаться со своими конкурентами. Америка побивает ее своей высокой техникой, Франция—своим падающим франком, т.-е. низкими ценами, а Германия своей высокой техникой плюс «Дауэс», обязывающий ее вывозить огромное количество товаров в расплату по репарациям. Этот кризис усугубляется дефляционной политикой английского правительства, завершившейся в прошлом году денежной реформой, стабилизовавшей английский бумажный фунт стерлингов. В результате этой политики, выразившейся в целом ряде финансовых мероприятий и банковских манипуляций, фунт стерлингов, стоивший в Нью-Йорке за год до проведения реформы, 4,30 амер. долларов, поднялся до 4,84, т.-е. фунт достиг своего довоенного золотого паритета. Английский фунт стерлингов таким образом поднялся на мировом денежном рынке на 10%. Это означало, что на заграничных рынках цена английских товаров, оставаясь номинально без изменения, фактически выросла на 10%, благодаря повышению курса фунта. Финансовая политика английского правительства была ударом по всей экспортной промышленности Англии. На этой почве разгорелась борьба между промышленным и финансовым капиталом. Но, как и следовало ожидать, Сити—финансовый центр Англии—вышло победителем. Целью денежной реформы было вернуть Сити его потерянное за время войны господство на мировом денежном рынке. Сити должно снова стать мировым банкиром, а фунт стерлингов мировой валютой. Черчиль спешил с своей реформой и по другим соображениям. Британской империи угрожал валютный распад. Некоторые доминионы и в особенности Австралия и Южная Америка, потерявши надежды на стабилизацию английского фунта, начали ориентироваться на Соед. Штаты и готовились провести у себя денежную реформу независимо от Англии. Валютный распад еще более усилил бы центробежные силы британской империи. И вот интересы английской экспортной промышленности были принесены в жертву на алтарь всемогущего Сити и британской империи. Следует отметить, что лондонское Сити в прошлом уделяло очень мало внимания отечественной промышленности. Оно с головой ушло в дело охвата огромной британской империи и мирового денежного рынка.

Проведение денежной реформы предвещало поход против заработной платы английского рабочего, против уровня жизни всего английского пролетариата. Счет за финансовую стабилизацию и за восстановление экспортной промышленности должен оплатить рабочий класс. На этой программе произошло примирение с Сити, и заключен единый фронт промышленного и финансового капитала.

Банкротство угольной промышленности в Англии.

Больше всего кризис ударил по угольной промышленности, занимающей центральное место в народном хозяйстве Англии и английском экспорте. Помимо общих причин, о которых мы говорили выше, здесь сказалось развитие техники, получившее небывалый размах в результате войны и приведшее к вытеснению угля более дешевым жидким топливом, водной силой и другими видами тепловой энергии. Угольная промышленность Англии не в состоянии конкурировать на сократившемся мировом угольном рынке и оказывается полным банкротом. Она работает в убыток и теряет на каждой тонне добываемого угля $1\frac{1}{2}$ шиллинга. Она не в состоянии дать углекопам, насчитывающим 1.156.000 человек, их насущный хлеб. Эта армия углекопов вместе с своими семьями составляет одну двенадцатую часть населения. И вот угольная промышленность обрекает эту армию на голод, медленное вымирание и переселение в дальние страны. Около 300.000 углекопов выброшены на улицу без работы.

Еще в 1919 году рабочие углекопы представили назначенной коалиционным правительством Лойд-Джорджа королевской комиссии Санки меморандум, явившийся обвинительным актом против капиталистического устройства угольной промышленности в Англии. Эта промышленность имеет двух хозяев. Во-первых, владельцы земли и их недр. Это большей частью лорды, графы, герцоги,- класс тунеядцев, получающих арендную плату за свои права собственности, и, во-вторых, предприниматели-шахтовладельцы. Эта арендная плата ложится тяжелым бременем на угольную промышленность в размере 6.000.000 фунт. стерл. в год или 6 пенсов на каждую тонну угля, что составляет одну треть дефицита. Угольная промышленность в Англии со своими 2.500 копей раздроблена, распылена и находится в руках 1.400 собственников. Почти половина из них являются мелкими собственниками, занимающими не более 100 рабочих. Из-за этой раздробленности происходит чересполосица, неэкономное использование шахт, расточительные траты на отдельные водоотливные и другие сооружения на смежных участках, принадлежащих разных шахтовладельцам и т. д., и т. д. В результате себестоимость добычи угля колеблется от 12 шилл. до 30 шилл.

с тонны. Чем больше предприятие, тем ниже себестоимость и наоборот. В то время, как одни предприятия терпят убытки даже в самые благоприятные годы, другие получают прибыль даже в самые критические годы. Такая организация угольной промышленности является огромным препятствием к развитию и улучшению технических методов разработки копей. Рабочие доказали, что только национализация шахт и конфискация арендных прав может спасти угольную промышленность, обеспечить углекопам приличное существование и дать более дешевый уголь потребителю. Даже представители буржуазии в королевской комиссии Санки вынуждены были признать, что «существующая система частной собственности в угольной промышленности осуждена и должна быть заменена какой-нибудь другой системой».

История борьбы английских углекопов.

Великобританская федерация горнорабочих, основанная в 1888 году, представляет собой об'единение разнородных по своему строению независимых местных союзов, которые в свою очередь являются об'единениями отчасти централизованного, а отчасти федеративного типа. До войны углекопы не знали коллективного договора с национальным минимумом зарплаты. Каждый местный союз нормировал заработную плату по своему, без всякого согласования с другими районами и союзами. Местные союзы ревниво оберегали свою «свободу» и «автономные права» от посягательств федерации, стремившейся об'единить борьбу углекопов в общенациональном масштабе. Такое положение было только на руку шахтовладельцам, которые разбивали силы углекопов в одиночку. Наконец, после ряда поражений и неудач, в 1912 г. разражается всеобщая забастовка углекопов, выдвинувшая требование общенационального коллективного договора с национальным минимумом для всей угольной промышленности. Углекопы, наконец, поняли ничтожность и вредность местнических «свобод» и «автономных прав». Всеобщая забастовка продолжалась свыше месяца и захватила около миллиона рабочих. Правительство вмешалось и предложило создание местных паритетных комиссий из представителей рабочих и шахтовладельцев под председательством «нейтрального» члена, которые должны были определить минимум зарплаты для данного района. Цель забастовки— национальный минимум—не была достигнута, но рабочие получили увеличение жалованья. Престиж, мощь и сила федерации неимоверно выросли. Забастовка рождает у углекопов идею создания более крепкого об'единения, которое охватило бы железнодорожников и транспортников. В 1913 году эта идея претворяется в жизнь, возникает Тройственное Согласие, члены которого обязуются поддерживать друг друга и выступать вместе во время конфликтов. Война, поставившая угольную промышленность под государственный контроль, перевернула вверх дном существовавшее положение. Искусственные перегородки, воздвигнутые между шахтами их владельцами, рухнули. Угольная промышленность об'единяется государственным контролем в интересах войны и работает, как одно колоссальное предприятие. Шахтовладельцы были отстранены от управления, получая лишь прибыль. Заработная плата регулировалась в общенациональном масштабе комитетом из представителей рабочих и правительства.

Рабочие получили наглядный урок превосходства коллективного хозяйства над частно-владельческим. Этот урок оставил неизгладимые следы в умах рабочих углекопов.

1919 год. Комиссия Санки.

Немедленно по окончании войны углекопы выставили требование устранения шахтовладельцев и национализации шахт, 6-часовой рабочий день и увеличение жалования. Правительство отвергло эти требования, и в феврале 1919 г. должна была быть об'явлена всеобщая забастовка с целью принудить правительство удовлетворить эти требования. Это было бурное время, когда вся Англия кипела, как котел. Из Франции возвращались демобилизованные рабочие, полные ненависти против господствующих классов, затеявших войну. Вместе с горняками должны были выступить, как члены Тройственного Согласия, железнодорожники и транспортники. Момент был как нельзя более благоприятный. В стране не было запасов угля. Английский капитализм еще не пришел в равновесие от ударов войны, а брожение в массах под влиянием общего кризиса, нашей революции и революционных переворотов на континенте достигло высокой точки напряжения. Симпатии всего английского рабочего класса были на стороне горнорабочих. Победа была обеспечена. Но во главе правительства стояла хитрая лиса, Ллойд-Джордж, которому буржуазия поручила дело спасения Англии от революционной волны. Во главе же выступающих на борьбу рабочих стояли такие «вожди»—как Томас от железнодорожников, Роберт Вильямс—от транспортников и Ходжес—от углекопов. Ллойд Джордж угрожал рабочим, обещая раздавить забастовку военной силой, но в то же время предложил создать королевскую комиссию «для обследования вопроса». Рабочие и слышать не хотели о комиссии, так как обычно назначение королевской комиссии означало похороны по первому разряду возбужденного вопроса. Такие комиссии обыкновенно заседали долго, тщательно изучая вопрос, пока не проходила острота момента и вопрос можно было положить под сукно. Единственная польза от этих комиссий была та, что библиотека британского музея обогащалась их ценными трудами, так называемым «синими книгами». После долгих усилий вождям удалось убедить рабочих согласиться на комиссию при условии, что рабочим будет предоставлена половина мест в комиссии (не считая председателя), что комиссия будет облечена широчайшими правами, что ей будет назначен срок в 3 недели для представления предварительного отчета и что правительство заранее обязуется выполнить решения комиссии. Наш Рейнеке-лис-Ллойд-Джордж, безоговорочно принял эти условия. Тогда рабочие отложили стачку на 3 недели. При таких обстоятельствах была назначена знаменитая королевская комиссия под председательством судьи Санки, которая к сроку представила свой отчет и предложения. Большинство комиссии, включая самого председателя, высказалось за национализацию шахт и самым решительным образом осудило существующую систему частной собственности в угольной промышленности. Разногласие произошло по вопросу о выкупе. Шесть представителей углекопов в комиссии стояли за безвозмездную национализацию, трое представителей правительства были за выкуп, а три представителя шахто-

владельцев были против всякой национализации. По вопросу о правах на недра вся комиссия единогласно решила конфисковать эти права в пользу государства. Вот какие сравнительно радикальные решения выносят представители капитала, когда они чувствуют, что почва горит под ногами. По другим вопросам единогласного решения не было. Рабочие представители настаивали на выставленных углекопами требованиях—6-часового дня и 30% надбавки к зарплате на дороговизну. Остальные члены согласились на немедленное введение 7-часового дня и 20% надбавки. Ллойд-Джордж заявил, что он принимает предложения Санки полностью, согласился на 7 час. день и 20% надбавки. Что же касается национализации, хитрый Ллойд-Джордж в принципе принял ее, но передал в комиссию для детальной разработки, другими словами, положил ее под сукно. Проканителив до конца 1919 г. Ллойд-Джордж, наконец, оффициально заявляет, что предложение комиссии о национализации не будет проведено в жизнь. Он самым наглым образом нарушил свое слово.

1921 г. «Черная Пятница».

В 1920 году разражается снова конфликт, углекопы требуют увеличения зарплаты и об'являют всеобщую забастовку. Она продолжается 19 дней и кончается временным соглашением. Вопрос о ставках должен быть снова пересмотрен 1 апреля 1921 г. комиссией из представителей рабочих и шахтовладельцев. Угольная промышленность все еще под государственным контролем, который автоматически должен прекратиться 31 августа 1921 г. Тут Ллойд-Джордж выкидывает трюк. Он спешно проводит в парламенте закон о досрочном упразднении государственного контроля в угольной промышленности с 1 апреля 1921 г. Государственный контроль остается однако на железных дорогах. Это делается для того, чтобы поставить углекопов лицом к лицу с шахтовладельцами, не дав первым времени опомниться, и в то же время лишить железнодорожников повода к совместному одновременному выступлению с углекопами. 1 апреля шахтовладельцы об'явили углекопам локаут. Они давно готовились к этому шагу; они были правительством заблаговременно извещены о готовящемся досрочном упразднении государственного контроля. Шахтовладельцы твердо решили выбить рабочих из всех завоеванных ими при госконтроле позиций. Они требовали снижения зарплаты и, главное, возвращения к порайонному договору. Рабочие приняли вызов и обратились к тройственному согласию за поддержкой. И вот тут началась предательская игра вождя железнодорожников Томаса и вождей рабочей партии Гендерсона и Клайнса. Томас сделал двусмысленное заявление, которое было принято в рабочих кругах, как обещание об'явить забастовку солидарности к определенному сроку. Но в решительный момент Томас вместе с Вильямсом при поддержке рабочей партии бросил углекопов на с'едение Ллойд-Джорджу и шахтовладельцам, отказавшись от об'явления всеобщей забастовки. Это произошло в пятницу 15 апреля, и этот день стал известен как «Черная Пятница». Углекопы мужественно держались одни целых три месяца до конца июня и, наконец, истощенные вынуждены были сдаться на милость врагу. В результате

все позиции, завоеванные при государственном контроле, были потеряны. Зарплата была сильно снижена. Поражение углекопов знаменует собой начало наступления буржуазии по всей линии. Одна отрасль промышленности за другой подвергается нападению: строительные рабочие, рабочие на верфях, текстильщики и т. д. должны согласиться на снижение зарплаты.

1925 г. «Красная Пятница».

В конце 1924 г. среди углекопов начинается сильное движение за расторжение старого кабального договора, наследства «Черной Пятницы». Рабочие не могут больше терпеть. Зарплата отстает на 30% от уровня цен. Срок договора истекает 31 июля 1925 г. Углекопы готовятся к борьбе за коллективный договор в общегосударственном масштабе, с общегосударственным минимумом, который должен поднять общий уровень зарплаты. Наступает 1925 год, отмеченный небывалым кризисом в Англии. Этот кризис принимает еще более острые формы после проведения в апреле денежной реформы. И в то время, как углекопы готовятся выступить за увеличение зарплаты, шахтовладельцы открывают контр-атаку и требуют дальнейшего снижения зарплаты и увеличения рабочего дня с 7 до 8 часов, угрожая локаутом, если рабочие не согласятся принять эти требования. Памятуя уроки «Черной Пятницы» углекопы, прежде чем выступить в бой, воссоздают рухнувшее в 1921 г. Тройственное Согласие, подписывая новое соглашение о взаимной поддержке во время конфликтов. Готовится грандиозная забастовка Тройственного Согласия, которая охватила бы три важнейших нерва страны и вовлекла бы в борьбу около двух миллионов рабочих. События застают правительство Болдуина врасплох. Болдуин пробует найти какой-нибудь компромисс, он устраивает совещания то с шахтовладельцами, то с углекопами. Но шахтовладельцы тверды как скала. Они уверены в победе. Они хотят войны и форсируют ее. У самого Болдуина руки чешутся, Он хотел бы разгромить рабочих. Еще 30 июля он заявляет углекопам, что «все английские рабочие должны принять снижение зарплаты, чтоб помочь поставить промышленность на ноги». Но Болдуин чувствует свою слабость. Правительство не готово. Тем временем союзы железнодорожников и транспортников рассылают циркулярно своим членам сообщение, что в ночь с 31 июля на 1 августа начинается локаут углекопов и что железнодорожникам и транспортникам воспрещается всякая перевозка, доставка, разгрузка и погрузка угля на железных дорогах, в портах и по всему морскому, речному и колесному транспорту. Это распоряжение производит впечатление взорвавшейся бомбы. До сих пор правительство Болдуина лелеяло надежду, что и на сей раз, как и в 1921 году, затея всеобщей забастовки Тройственного Согласия кончится крахом. Недаром же союз железнодорожников возглавляется таким любимцем буржуазии как Томас, сыгравшим свою роль в измене «Черной Пятницы». Но Томас оказался бессилен. Требование снижения зарплаты, незадолго перед этим пред'явленное железнодорожными обществами (в Англии железные дороги принадлежат частным обществам) к железнодорожникам, крепко связало последних с углекопами. Правительство заколебалось. И в самый последний момент Болдуин предлагает шахтовладельцам субсидию

на 9 месяцев, до 1 мая 1926 г. при условии, что они снимут свои требования и не произведут никаких изменений в зарплате и рабочем дне. Поздно ночью 31 июля шахтовладельцы приняли предложение правительства и забастовка была предотвращена. Углекопы отстояли свои позиции. Пятница 31 июля была названа «Красной Пятницей».

Значение «Красной Пятницы».

Правильная оценка «Красной Пятницы» дает ключ к пониманию последующих событий и разразившейся теперь катастрофы. «Великие события бросают свою тень заранее». «Красная Пятница» таила в себе черное 12 мая 1926 г. В самом деле, что означала «Красная Пятница»? Победу рабочих? Но разве было удовлетворено хоть одно требование углекопов? Разве был разрешен хоть один из жгучих вопросов, поставленных углекопами: национализация шахт, обще-английский колдоговор с обще-английским минимумом? Конечно нет. Эти вопросы могли быть разрешены только силой. Каково же было соотношение сил в день «Красной Пятницы»? Правительство не было готово. Запасов угля в стране не было. Среди буржуазии было колебание и неуверенность. Рабочие же высказали замечательное единодушие. Этого и испугался Болдуин. Передышка была нужна и выгодна только Болдуину. Рабочим эта передышка не была нужна. Она была вредна. Первое правило стратегии—не дать врагу времени собраться с силами, а разбить его, когда он слаб. При известной смелости и решительности действий и при отсутствии внутренней измены Болдуин был бы разбит в прошлом году. Предоставление Болдуину нужной ему передышки было жестокой ошибкой рабочих, за которую они расплачиваются сейчас. Но рабочие этого еще не видели. Тем не менее углекопы и их вожди правильно указывали и тогда, что отбита лишь первая атака врага и что борьба впереди. Но вожди рабочей партии и ее орган «Дейли Геральд» трубили победу, усыпляя этим бдительность рабочих и ослабляя подготовку к предстоящим боям. Болдуин пользуется передышкой для того, чтобы, с одной стороны, организовать широкую сеть штрейкбрехерской организации ОМС, подготовить в стране запасы угля, а с другой стороны,—обработать «общественное мнение», т.-е. мелкую буржуазию и отсталые слои рабочих масс и разложить рабочее движение изнутри через посредство своих добровольных и наемных агентов среди верхушки рабочей партии и профессионального движения.

Комиссия Самуэля.

Болдуин назначает «беспристрастную» королевскую комиссию под председательством Самуэля, бывшего верховного комиссара английского правительства в Палестине, для обследования всего положения угольной промышленности. Назначение комиссий, как мы уже видели, старое и вечно новое средство английской буржуазии, которое до сих пор ее всегда вывозило. В комиссию назначаются исключительно банкиры и крупные деловые люди лондонского Сити. Задача, которую буржуазия ставит перед комиссией, ясна без слов. Уровень жизни английских рабочих должен быть снижен по меньшей мере на 10%, чтобы выправить вывих, который экономика Англии потерпела благодаря денежной реформе. Начало должно быть сделано с углекопами. Комиссия должна приготовить у себя в лаборатории яд снижения зарплаты в таком виде, который возбуждал бы как можно меньше подозрений. Комиссия Самуэля блестяще выполняет свою задачу. Правда, яда скрыть не удалось, но он растворен в трехтомном труде комиссии. Последняя нарисовала мрачную картину положения угольной промышленности, что соответствует действительности. Она осудила теперешнюю форму организации угольной промышленности, что уже сделала до нее комиссия Санки. Еще в 1919 г. углекопы указали выход из положения. Они представили подробно разработанный план национализации шахт и об'единения всей угольной промышленности во всех ее видах. Дело в том, что шахтовладельцы, в целях сокрытия от углекопов действительных размеров своей прибыли, искусственно выделили из угольной промышленности тесно связанные с ней и принадлежащие им предприятия побочных продуктов угля, а также свои предприятия по сбыту и транспорту угля. При об'единении всех этих предприятий с угольной промышленностью и при национализации последней получилась бы огромная экономия, которая более чем компенсировала бы теперешний дефицит угольной промышленности. К каким же заключениям пришла комиссия по основным вопросам спора? Прежде всего она рекомендует реорганизацию угольной промышленности на началах трестификации. Она решительно отвергает национализацию. Мы видили, что в 1919 году, когда перед английской буржуазией стал призрак революции, она готова была пойти на национализацию. Теперь же она отбросила всякие страхи. В вопросе о зарплате комиссия «с крайней неохотой, но без колебаний» высказывается за снижение зарплаты. Она не указывает размеров снижения, но из разных таблиц ясно видно, что предложения комиссии сводятся к снижению в среднем на 10%. Это значит, что снижение будет разное по разным районам—в одних районах не только не будет никакого снижения, но даже будет повышение, но в других снижение превысит 20 и 25%. Все это — тонко задуманный план расколоть ряды углекопов, восстанавливая район против района. Комиссия утешает, что снижение — мера временная, пока не будет проведена реорганизация и угольная промышленность не станет на ноги. По вопросу о всеанглийском или порайонном договоре комиссия выражается так туманно и сбивчиво, что каждая сторона может толковать это место по своему. По вопросу о рабочем дне комиссия делает красивый жест в сторону рабочих: она отвергает требование шахтовладельцев о замене 7-часового рабочего дня 8-часовым, исходя из того, что это увеличит добычу на 30.000.000 тонн, для которых нет никакого рынка; если же не увеличивать добычу, то придется уволить 130.000 рабочих. Но это лицемерное предложение. 8-часовой рабочий день прогоняется через одну дверь, чтоб ввести его через другую. Комиссия предлагает введение двойных смен, что более выгодно для предпринимателей, чем введение 8-часового дня. Общее количество часов в неделю остается то же, только вместо 7 будут работать 8 часов в день. В случае, если рабочие какого-либо района откажутся от этой схемы, комиссия рекомендует повысить законный предел рабочего дня (7 часов) властью министра труда. Комиссия зато

ухватилась за предложение рабочей партии о национализации арендных прав на недра с выкупом. Комиссия предлагает заплатить за эти права 100.000.000 ф. стер. Никакого облегчения угольной промышленности это не дает, ибо проценты по выкупу вряд ли составят меньше 6 милл. фунт. ст., которые угольная промышленность платит сейчас в виде арендной платы. Вот в основном заключения комиссии.

Болдуин, отчет комиссии и рабочие вожди.

Отчет комиссии опубликовывается в середине марта, приблизительно за 6 недель до окончания передышки. Задача Болдуина держать пациента, т.-е. рабочих углекопов в состоянии спокойствия до самого момента операции, когда с помощью «общественного мнения» и услужливых рабочих «вождей» можно будет заставить их проглотить отчет комиссии. Болдуин выступает с торжественным обращением ко всем партиям соблюдать полное спокойствие и не выносить никаких суждений, пока отчет не будет тщательно изучен и обсужден всеми заинтересованными сторонами. Слова Болдуина имеют магическое влияние на рабочих вождей. На совместном заседании индустриальной комиссии Генерального Совета с пленумом исполкома федерации углекопов, состоявшемся 11 марта, они налагают на себя в угоду Болдуину торжественный обет молчания. Они берут трехтомный труд «беспристрастной» комиссии Самуэля со всеми его хитросплетениями, как святыню, и благоговейно передают его без всяких раз'яснений и без всяких указаний рабочим на местах, рекомендуя им «тщательно его изучить и не спешить с вынесением каких-либо решений». Цель Болдуина достигнута. Вожди не раз'ясняют рабочим всю мерзость отчета. Мы уже не говорим о правых, которые готовы обеими руками подписаться под отчетом. Но даже «левые» молчат. Не молчит движение меньшинства и компартия, но их голос не может прорвать устроенный вождями заговор молчания.

Кстати, кто такой Болдуин, который так очаровал рабочих вождей. Это председатель крупнейшего концерна «Болдуин Лимитед» с капиталом в 9 миллионов фунтов стерлингов. Перед тем, как занять пост премьера, он по лицемерному парламентскому обычаю сложил с себя свои председательские полномочия в концерне и таким образом может выступать в качестве «незаинтересованного», «беспристрастного» главы правительства, возвышающегося над классами и над всякими классовыми интересами. Нечего и говорить, то теплое председательское кресло концерна, занимаемое теперь каким-нибудь из его ставленников, снова примет его в свое лоно, как только волею судеб ему придется покинуть свое председательское место в Доунинг стрит.

Буржуазная пресса конечно не молчала. Она то и делала, что превозносила до неба мудрость отчета комиссии. Томас, Вебб, Макдональд, Ходжес и иже с ними тоже рассыпались в похвалах отчету. Эти, с позволения сказать, рабочие вожди настаивали, что углекопы должны принять отчет, что предложения комиссии составляют громадное улучшение по сравнению с тем, что существует сейчас, и что углекопы должны согласиться на «временную жертву», если только предложения отчета будут проведены полностью. Уже печать предательства лежала на всех

этих выступлениях. Либеральный орган Манчестер Гардиан совершенно откровенно говорит в своей передовице от 12 марта: «Общепризнано, что комиссия с замечательным искусством вбила клин в ряды тред-юнионов, которые в июле прошлого года были тесно сомкнуты».

В конце марта Болдуин заявляет, что правительство «хотя и не согласно с некоторыми замечаниями комиссии, но в интересах внутреннего мира, оно принимает отчет и сделает все для проведения его в жизнь при условии, что шахтовладельцы и углекопы с своей стороны тоже его примут. Через некоторое время шахтовладельцы заявляют, что, «хотя они тоже не согласны с заключениями комиссии, но в интересах мира и т. д.» они принимают отчет. Пункт отчета, касающийся коллективного договора, они толкуют в смысле порайонного договора. На федерацию углекопов, повидимому, идет сильный нажим со стороны Генерального Совета и рабочей партии, находящихся в руках Томаса, Макдональца, Гендерсона и К°. Они требуют, чтоб углекопы приняли отчет. Между углекопами и Генеральным Советом идут сильные трения, но эти трения не выходят наружу. О них можно лишь догадываться по странным двусмысленным формулировкам оффициальных заявлений, по комментариям буржуазной прессы. Вожди бьются над трудной задачей найти, как удачно выразился «Экономист» формулу, которая на деле снизила бы зарплату в то время, как по форме она давала бы впечатление, что никакого снижения не произошло. Такой формулы найти, конечно, нельзя,—и вот федерация углекопов, не желая изолировать себя и рвать с Генеральным Советом и рабочей партией, тоже произносит в угоду последним сакраментальную фразу о принятии отчета. Федерация, однако, по поводу важнейшего пункта о зарплате делает оговорку, что она не пойдет ни на какое снижение. Пункт о коллективном договоре федерация толкует в духе общеанглийского договора.

Следует отметить, что рабочие-углекопы и без руководства и указания вождей раскусили действительную сущность отчета, ставшего новым евангелием для правых. Ланкаширская организация, числящая в своих годах 70.000 углекопов, первая с негодованием отвергла отчет комиссии со всеми его предложениями. Это взбесило верхушечную клику рабочей партии. Орган последней «Дейли Геральд» отказывается поместить даже в виде платного об'явления воззвание Движения Меньшинства, в котором углекопы призываются отклонить отчет комиссии.

Становится ясным, что никакими формулами не заставишь углекопов принять снижение зарплаты. Это значит—борьба стала неминуемой. Это значит—генеральная забастовка в размерах, невиданных до сих пор в Англии.

Генеральная забастовка.

«Вожди» Генерального Совета и рабочей партии не хотят забастовки, они боятся ее. Но они не могут ее остановить. Шахтовладельцы не идут ни на какие уступки. Все переговоры между углекопами и шахтовладельцами кончаются ничем. Шахтовладельцы об'явили локаут. Вожди мечутся. Дейли Геральд взывает к Болдуину, чтобы «он выполнил свой долг». Сможет ли он, т.-е. Болдуин, урезонить шахтовладельцев? вопрошает тот

же почтенный «Дейли Геральд». Об'явился новый спаситель рабочих—Болдуин!

Генеральный Совет созывает 29 апреля конференцию исполкомов всех тред-юнионов, которая заседает до 1 мая. Вопрос о всеобщей забастовке решен в принципе, и руководство передается Генеральному Совету. Наступает критический день 1 мая. Все углекопы бастуют. Генеральный Совет колеблется. Он об'являет всеобщую забастовку, которая должна начаться не сейчас, а через несколько дней, с 4 мая. Он надеется как-нибудь за это время договориться. Генеральный Совет не перестает взывать к Болдуину, чтоб он воздействовал на шахтовладельцев в смысле прекращения локаута и все время Генеральный Совет нажимает на федерацию углекопов, чтоб она согласилась на ведение переговоров и по вопросу о снижении зарплаты. Потерпев неудачу и у Болдуина и у углекопов, Генеральный Совет вынужден взяться за руководство забастовкой. Он идет в бой, как мученик на казнь. Следует читать описание корреспондентом «Манчестер Гардиан» заседаний Генерального Совета в эти исторические дни, чтобы понять жалкую, низкую роль этого учреждения, в руки которого попало руководство одним из величайших движений рабочего класса, которое Англия когда-либо видела. В этом заключалась величайшая трагедия английского рабочего движения,—страшная отсталость его сознания от бытия. Отсутствует генеральный штаб, достойный тех великих задач, которые стоят перед английским рабочим движением. Такое положение не могло не окончиться катастрофой. Генеральный Совет состоял из трех частей: из энергичной решительной, не останавливающейся ни перед чем группы правых с Томасом во главе, не раз предававших рабочих буржуазии, из старой тупой ограниченной, заскорузлой профбюрократии, идущей за сильными, в данном случае за Томасом, и из кучки горе-левых, которые понимают идею единства в том смысле, что раз Томасы в большинстве, то надо выступать с ними единым фронтом, даже когда они предают интересы рабочих...

Чем больше развертывалось движение, тем большее беспокойство, граничащее со страхом, охватывало наших «вождей»-мучеников. Их мучило присутствие масс на улицах. Они видели, как стихийно забастовка переросла свои экономические рамки и превратилась в грандиознейшее политическое выступление пролетариата. Генеральный Совет волей судеб получил в свои руки огромную власть, которая могла бы тягаться с властью правительства, но у Генсовета от такого положения только мурашки пробегали по коже. Генсовет страшился этой власти. Он всемерно успокаивает массы, он обращается к ним в такой момент острой борьбы с призывом сидеть дома, заниматься физкультурой и спортом... Генсовет старается держаться так, чтоб заслужить похвалу буржуазии. Но буржуазия беспощадна. Она требует полного, а не половинчатого предательства, полной, а не половинчатой капитуляции, в противном случае предпочитает войну до конца. Один за другим сыплются удары буржуазии на голову трусливого Генсовета. Когда правительство конфисковало бумагу, предназначенную для органа Генсовета «Бритиш Воркер», Генсовет не находит ничего лучшего, как увещевать правительство. «Правительство,—заявляет Генсовет,—рискует свести к нулю всю работу Генсовета, ежедневно призывающего

бастующих к сохранению порядка и дисциплины». Этим Генсовет ясно подчеркивает свои верноподданнические чувства. Но, чтобы не оставить никакого сомнения на этот счет, Генсовет делает патриотический жест в сторону буржуазии. Он отказывается от братской помощи профсоюзов СССР. Чтобы сгладить этот позорный поступок, он лицемерно заявляет, что отказывается вообще от «иностранной» помощи. Гордый британский жест. Но разве может английский пролетариат, находящийся в смертельной схватке со своим врагом, отказаться от помощи заграничных рабочих? Что станет с забастовкой, если транспортники за границей не окажут поддержки и не откажутся грузить и перевозить уголь для Англии? Какая разница между этой помощью и денежной? Отказ от братской заграничной помощи это смертельный удар движению, начало конца всеобщей забастовки. Но Генсовет, уже предавший забастовку в сердце своем, не останавливается перед этим актом.

Предательство и разгром движения.

Наконец, правительственный удар обрушивается на самые основы профессионального движения. Верховный суд раз'ясняет, что об'явление забастовки солидарности является незаконным актом, так как закон знает только конфликты между предпринимателями и рабочими на почве определенных, возникших между ними, недоразумений. В данном случае, кроме углекопов, ни у кого из других союзов никаких недоразумений с предпринимателями не возникло. Решение Верховного суда—закон. Он свят для Томасов, Макдональдов и Гендерсонов. Они и мысли не могут допустить, чтобы они могли руководить или иметь какое-нибудь отношение к забастовке, которая властями признана незаконной. Это сразу решает вопрос, и предательство, уже давно задуманное и подготовляемое, немедленно претворяется в дело. Генсовет за спиной, без ведома и согласия федерации углекопов полностью капитулирует, об'являет о прекращении забастовки, не ставя никаких условий и не принимая никаких мер к охране интересов забастовщиков.

Английский пролетариат получил страшный удар. Преданы углекопы, брошенные на произвол судьбы, преданы все союзы, доверившиеся Генсовету. Единый пролетарский фронт разбит. Гигантская пролетарская армия разгромлена, разбита на отдельные части, преданная и проданная своим генеральным штабом. Каждая часть старается спастись на свой собственный страх и риск от окончательного уничтожения. Союз железнодорожников и другие подписывают позорнейшие условия, каясь в своих прегрешениях и обязываясь не выступать больше за забастовку солидарности. Грандиознейшее движение, так блестяще начатое, кончилось позорнейшим бесславным крахом. Из общего развала и разгрома следует выделить углекопов. Эта железная когорта английского рабочего движения не дрогнула. Покинутая своими союзниками она одна осталась на поле битвы, грудью встречая бешеную атаку буржуазии, опьяненной легко доставшейся ей победой, благодаря капитуляции Генер. Совета. Углекопы доказали в прошлом, с каким геройством, с какой непоколебимой твердостью они умеют бороться. Забастовки, которые тянутся 2—3 месяца, для углекопов обычное явление. Предстоит тяже-

лая, длительная и упорная борьба. Перед грандиозностью только что крахнувшей всеобщей забастовки, забастовка углекопов както стушевывается, а между тем забастовка углекопов, охватывающая около миллиона человек, сама по себе грандиозна и затрагивает жизненный нерв страны.

Тяжелый урок, полученный английским пролетариатом, не может пройти даром. Он, наконец, откроет глаза широким рабочим массам, на необходимость очистить свои ряды от внутренней измены и предательства. Движение меньшинства чрезвычайно усилится, а английская коммунистическая партия получает возможность стать массовой партией.

Самарин.

„Конституционный" переворот Пилсудского.

I.

Три года сидел первый начальник польской республики Юзеф Пилсудский в своем имении Сулеювке вдали от открытой политической жизни Речи Посполитой и в подполье готовил «легальный переворот». Его имя все это время склонялось как в прессе, так и в сейме и на заседаниях совета министров. Сам же Пилсудский иногда появлялся перед журналистами, иногда на торжественных собраниях своих приверженцев, иногда даже в Бельведере у своего бывшего товарища по социалистической партии Войцеховского и всегда в позе Бонапарта говорил о том, как он, маршал Пилсудский, неоднократно спасал Польшу в прошлом и как он один спасет ее в будущем. Очередное «спасение» Пилсудский осуществил 12—15 мая. Во главе своей армии вдруг появился маршал Пилсудский у памятника «Круля Зигмунта» в Варшаве и на увещевания президента Войцеховского мирно разрешить вопрос о возглавлении польской армии разрешил его силою оружия, покрыв свой путь в Бельведер трупами и ранеными.

Что Пилсудский решил выйти из своего безделья и снова появиться в шумной столице во главе польской армии, стало известно еще в ноябре прошлого года. 12 ноября телеграф сообщил, что сторонники Пилсудского, среди них генералы Рыдз-Смыглы, Бербецкий, Дрешер и Нойгебауер, намереваются использовать катастрофическое экономическое состояние страны и затруднительное положение правительства и подготовляют государственный переворот. Во главе этого антиправительственного заговора стоит сам Пилсудский, который имеет поддержку части ППС, всей партии среднего и мелкого крестьянства «Вызволенье» и созданной им же польской военной организации ПОВ. Заговорщики намерены в удобный момент разогнать сейм и правительство, чтобы об'явить Пилсудского диктатором.

Таково было положение в конце прошлого года. Заговор ведет, однако, свое начало с момента ухода Пилсудского от фактической власти в 1923 году. В июне 1923 г. на митинге польской военной организации пилсудчиков в Варшаве выступил бывший начальник второго отделения пилсудчик Медзинский и угрожал походом рабочих предместий на центр Варшавы. Вслед за ним выступил второй пилсудчик Яворовский с предупреждением бывшему тогда правительству Витоса, что участь правительства

лая, длительная и упорная борьба. Перед грандиозностью только что крахнувшей всеобщей забастовки, забастовка углекопов както стушевывается, а между тем забастовка углекопов, охватывающая около миллиона человек, сама по себе грандиозна и затрагивает жизненный нерв страны.

Тяжелый урок, полученный английским пролетариатом, не может пройти даром. Он, наконец, откроет глаза широким рабочим массам, на необходимость очистить свои ряды от внутренней измены и предательства. Движение меньшинства чрезвычайно усилится, а английская коммунистическая партия получает возможность стать массовой партией.

Самарин.

„Конституционный" переворот Пилсудского.

I.

Три года сидел первый начальник польской республики Юзеф Пилсудский в своем имении Сулеювке вдали от открытой политической жизни Речи Посполитой и в подполье готовил «легальный переворот». Его имя все это время склонялось как в прессе, так и в сейме и на заседаниях совета министров. Сам же Пилсудский иногда появлялся перед журналистами, иногда на торжественных собраниях своих приверженцев, иногда даже в Бельведере у своего бывшего товарища по социалистической партии Войцеховского и всегда в позе Бонапарта говорил о том, как он, маршал Пилсудский, неоднократно спасал Польшу в прошлом и как он один спасет ее в будущем. Очередное «спасение» Пилсудский осуществил 12—15 мая. Во главе своей армии вдруг появился маршал Пилсудский у памятника «Круля Зигмунта» в Варшаве и на увещевания президента Войцеховского мирно разрешить вопрос о возглавлении польской армии разрешил его силою оружия, покрыв свой путь в Бельведер трупами и ранеными.

Что Пилсудский решил выйти из своего безделья и снова появиться в шумной столице во главе польской армии, стало известно еще в ноябре прошлого года. 12 ноября телеграф сообщил, что сторонники Пилсудского, среди них генералы Рыдз-Смыглы, Бербецкий, Дрешер и Нойгебауер, намереваются использовать катастрофическое экономическое состояние страны и затруднительное положение правительства и подготовляют государственный переворот. Во главе этого антиправительственного заговора стоит сам Пилсудский, который имеет поддержку части ППС, всей партии среднего и мелкого крестьянства «Вызволенье» и созданной им же польской военной организации ПОВ. Заговорщики намерены в удобный момент разогнать сейм и правительство, чтобы об'явить Пилсудского диктатором.

Таково было положение в конце прошлого года. Заговор ведет, однако, свое начало с момента ухода Пилсудского от фактической власти в 1923 году. В июне 1923 г. на митинге польской военной организации пилсудчиков в Варшаве выступил бывший начальник второго отделения пилсудчик Медзинский и угрожал походом рабочих предместий на центр Варшавы. Вслед за ним выступил второй пилсудчик Яворовский с предупреждением бывшему тогда правительству Витоса, что участь правительства

будет решена не большинством сейма, а улицей. После этих предупреждений началась подготовка переворота под руководством маршала из Сулеювки.

Теперь, как в 1920 году, Пилсудский маскировал подготовку военного выступления мирными переговорами. В то же время, когда в октябре 1920 г. польская делегация подписывала в Сувалках перемирие с Литвой по Виленскому вопросу, в поезде начальника польской республики Пилсудского, находившегося в Гродно, состоялось военное совещание об оккупации Вильно. В этом совещании приняли участие некоторые герои последнего выступления Пилсудского: сам маршал, генералы Рыдз-Смыглы, Бербецкий, Желиговский, Жадковский, полковник Котц и офицеры генерального штаба. Осуществление выработанного на том совещании плана было поручено генералу Желиговскому, войска которого были подготовлены к выступлению маршалом Пилсудским. 7 октября, как известно, в присутствии контрольной комиссии Лиги Наций было подписано соглашение между польской и литовской делегациями в Сувалках, 8 октября двинулись войска Желиговского и 9 октября была оккупирована ими Виленщина.

Как тогда, так и на этот раз, активную роль сыграл Желиговский. При его помощи в качестве военного министра удалось Пилсудскому сконцентрировать свои верные военные силы в столице и за казенный счет хорошо их вооружить. В этом деле Пилсудский получил соответствующую поддержку со стороны консервативного правительства Англии. В начале текущего года в английской прессе появились сообщения о том, что британское правительство настаивает, чтобы Польша содержала более крупную армию, чем этого желает само польское правительство. В связи с этим сообщением член рабочей партии Уолхэд, выступая в Палате Общин, поставил своему правительству вопрос, насколько правильны сообщения прессы о том, что, когда Польша содержала большую армию по требованию Франции, Англия выступала против усиленного вооружения Речи Посполитой; теперь же, когда Франция отказалась от своего требования, а польское государство, намереваясь наладить свои отношения с СССР, стремится к сокращению своей армии, теперь Англия настаивает на усиленном вооружении Польши. На этот вопрос Уолхэда ответа со стороны правительства не последовало.

Английскому правительству, очевидно, неудобно было подтвердить и нечего было отрицать. Не впервые Англии организовывать военные перевороты. В последние годы Англия организовала ряд таких переворотов. Перевороты в Болгарии, Албании и Греции находятся в тесной связи с переворотом в Польше. Все они имели одну цель—уничтожить влияние Франции в Европе и одновременно готовить плацдарм против Советского Союза.

Борьба между Англией и Францией за влияние в Польше имеет свою историю. Она началась еще в 1923 году, когда английский финансовый советник Хильтон Юнг обследовал финансовое положение Польши. В своем докладе Грабскому Юнг тогда предложил польскому правительству в целях сокращения дефицита бюджета увеличить косвенные налоги и по «экономическим соображениям» требовал от'езда из Варшавы французской военной миссии. А так как последнее немедленно не было осуществлено, Юнг оказал влияние на падение кабинета Витоса. Польша

внимательно прислушивалась к голосу из Лондона, хотя была еще весьма тесно связана с Парижем. Всем нам памятно еще, как волновалась официальная Польша при первых сообщениях об образовании кабинета Макдональда. Даже «Работник», предполагая более дружественную по отношении к СССР политику Макдональда, начал тогда открещиваться от воинственной политики Пилсудского. Это—тогда, когда Польша еще кормилась из рук французских казначеев и когда Юнг предупреждал, что Польша может рассчитывать на заем лишь в случае установления международного контроля над польскими финансами. Англия денег не давала. Ныне же в связи с Локарно, с чехардой в Совете Лиги Наций, когда некоторым польским кругам кажется, что Польша получит политическую и материальную помощь из рук консервативного правительства Англии, вполне понятно, что «искренним друзьям» Англии в Польше необходимо было на деле доказать свои верноподданнические чувства. Осуществление планов Чемберлена в связи с Локарно по отношению к СССР в части, касающейся роли Польши, взял на себя Пилсудский. Более верной опоры Англия в Польше не имела. Правые польские группировки, как известно, не очень дружелюбно встретили Локарнский договор. Еще 17 февраля «Газета Поранна Варшавска», орган христианских демократов, заявила, что «с точки зрения польских интересов это (стремление Германии через Лигу Наций при содействии Англии исправить свои восточные границы) означает подготовку новой войны. Так понимается вступление Германии в Лигу Наций всеми, имеющими глаза и уши, и то сознание, что Польша не пойдет на уступки в отношении Германии, так как она этого не хочет и не может сделать». Единственная группировка в Польше, готовая втянуть страну в новую военную авантюру, оказалась вокруг англофила маршала Пилсудского. На пилсудчиков ставила Англия свою ставку, и им она поэтому поручила взять власть в свои руки.

Пилсудский полагал, что это ему удастся осуществить путем простой военной демонстрации. Не вина Пилсудского, что переворот 12—15 мая вышел далеко из рамок «военной демонстрации» и принял совсем не конституционный характер. Пилсудский не понял, что он зажег спичку в пороховом погребе нужды, нищеты и отчаяния широких трудящихся масс.

II.

Польша—первая страна в Европе, в которой стабилизованная после войны валюта не удержалась и лихорадочно катится вниз. Польша лишена возможности дать своей экономике здоровую почву, Польша ходит на костылях и, как недавно выразился бывший министр финансов Здзеховский, находится над пропастью. Внешняя задолженность Польши с января 1923 года выросла с 1,5 млрд. до 2 млрд. к началу 1926 года при отсутствии возможности получить новые иностранные займы. Польскому правительству мировая банкократия не верит, считая его уже несостоятельным должником. Характерным доказательством может служить хотя бы последняя поездка Скшинского в Нью-Йорк и Париж за займом. Вернувшись из своей поездки, министр иностранных дел на особом заседании политического комитета пра-

вительства должен был подтвердить, что ему ничего не удалось добиться. Кассы закрыты. Не удалось их открыть и финансовому советнику Польши американцу Кеммереру, который получил от польского правительства «за труды» 10.000 долл. и написал оптимистический доклад. Беда, оказывается, в том, что даже единственные полусвободные от закладных—Польский Б[illegible] табачная и спиртовая монополии—уже не находят лю[illegible]й. Английские и американские финансисты, которым польско[illegible]ра-вительство намеревается предоставить весьма солидное м[illegible] в Польском Банке, сомневаются в выгодности для них такого [illegible]ред-приятия. Они готовы отпустить средства только в том случае, если им будет предоставлено не 49% акций, как это предлагает польское правительство, а 51% и, помимо большинства в правлении, также место директора Польского Банка. Последнее означало бы, что важнейшее финансовое учреждение Польши не только фактически, но и формально перешло бы в иностранные руки. Последствия этого явления не нуждаются в комментариях. Что касается табачной монополии, то она уже не свободна, так как она заложена, правда, частично, в «Банко Коммерчиале» за заем в 400 милл. итальянских лир, которые Польша давно уже с'ела.

Но как бы ни закончились продолжающиеся попытки Польши получить новые иностранные займы, несомненно то, что основа польской экономики, ее каменноугольная и нефтяная промышленность, давно уже выскользнула из польских рук. Как в одной, так и в другой процент участия польского капитала не превышает 18%. Все остальное—в руках французских, германских, английских, австрийских, швейцарских и американских капиталистов. Даже коммунальное хозяйство многих городов Польши зависит от иностранных капиталов. Польша распродала все, что могла и даже чего не могла. Распродавалось иногда даже так, что депутаты сейма требовали предания суду ответственных руководителей правительства. В качестве характеристики такой «полезной» деятельности правительства для санирования («санации») страны можно было бы отметить хотя бы следующие факты: за вступление в коалиционное правительство Скшинского и за поддержку его правые партии получили от правительства Скшинского, как сообщил «Курьер Паранный», «взятку в размере 600 миллионов злотых», так как именно на эту сумму уменьшен поимущественный налог, причитающийся с помещиков и крупной промышленности. Другой факт, не менее характерный, относится к упомянутой выше поездке Скшинского в Нью-Йорк. Об этом рассказывает обычно хорошо осведомленная о польских делах румынская газета «Адеверул» от 14 августа 1925 года. Она писала: «Вслед за от'ездом Скшинского в Нью-Йорке произвела колоссальную сенсацию отставка польского полномочного министра в Вашингтоне Врублевского. Выяснилось, что указанный министр отстранен от должности вследствие того, что получил от консорциума американских банкиров крупную взятку, чтобы при составлении договора о польском займе в Америке допустить условия, выгодные американским банкирам в ущерб интересам Польши. Предварительные расследования по этому делу выяснили, что Врублевский, не располагая большими средствами и каким-либо недвижимым имуществом в Польше, немедленно после получения взятки купил в Биарице одну из роскошней-

ших вилл». И, наконец, третий факт, о котором весьма подробно писал «Роботник» 23 февраля 1926 года. Оказывается, что министр финансов Здзеховский в последнее время вывез в Лондон, помимо уже ранее отправленных в английский банк 52,5 млн. злотых золотом, еще 22 млн. в обеспечение инвестиционного кредита в 1[illegible] фунт. стерлингов, т.-е., примерно, на сумму, равную пол[illegible]му кредиту, сократив вместе с тем и без того минимальные [illegible]ые запасы Польского Банка, благодаря чему обеспечение нах[illegible]дихся в обращении банкнот не превышает уже 14%.

Такая «полезная» деятельность упомянутых и других государственных учреждений, вполне естественно, подрывает и без того сильно хромающую экономику страны. Уже в январе с. г. премьер Скшинский заявил совещанию представителей сеймовых фракций, что «бесплановость польского хозяйства довела Польшу до катастрофы». Эта «бесплановость» привела ряд крупных банков и старых торговых фирм к банкротству,—привела к тому, что из имеющихся в стране 4.000 фабрик 25% бездействуют, а остальные работают с перебоями. Рост дефицита государственного бюджета, рост дороговизны, неимоверный рост безработицы—по официальным данным с 165.080 на 3 января 1925 г. до 346.431 на 27 марта 1926 г., не считая «полубезработных», из общего числа промышленных рабочих в 800.000 человек,—отсутствие доступного кредита и неимоверное сокращение покупательной способности населения привели к тому, что лодзинские фабриканты, например, распродают за бесценок франко-итальянско-бельгийскому обществу машины и прочее оборудование своих фабрик или вывозят свои фабрики за границу, главным образом в Юго-Славию. Наконец, несмотря на хороший урожай 1925 г., сейм должен был заняться обсуждением проекта о запрещении вывоза пшеницы из Польши, чтобы предохранить страну от голода. Так выглядит безработный польский город с его бездействующей промышленностью на фоне белого террора и кровавых расправ с безработными.

Не в лучшем положении пребывает деревня с ее возрастающей безработицей. Только одних безработных членов классовых профсоюзов в бывш. Конгрессовой Польше на 28 февр. 1926 г. числилось 9.258 семейств. 23 июня 1925 г. сейм принял третью по счету аграрную «реформу», а деревня все еще остается безземельной. Впервые, как известно, «принципы аграрной реформы» были приняты сеймом в 1919 г. и оставались лежать под сукном до тех пор, пока Красная армия не появилась под Варшавой. Тогда сейм, 15 июля 1920 г., в спешном порядке принял законопроект об аграрной реформе, согласно которому вся земля подлежала парцелляции. Крестьянство поверило сейму. Но как только война кончилась, польское правительство снова сунуло под сукно принятый сеймом закон. Вспомнило польское правительство об этом законе лишь в прошлом году, когда всю страну охватили «крестьянские беспорядки». Принятая, наконец, в 1925 г. «новелла» к закону 15 июля 1920 г. исключила все леса из земельного фонда, подлежащего по упомянутому закону парцелляции. Леса—неприкосновенная собственность помещиков. Но и пахотная земля, согласно «новелле», не попадет в руки среднего и беднячкого крестьянства. Парцелляции подлежат 2 млн. гектаров пахотной земли, которые должны быть отчуждены в течение 10 лет по 200 тыс. гектаров ежегодно. Выкупная цена отчуждаемой земли

определяется заявлениями помещиков для налогового обложения в 1924 году. Но для того, чтобы и здесь охранять интересы помещиков, «новелла» дает право правительству выкупную цену повысить. Наконец, проведение закона в жизнь в основном зависит от самих помещиков, которые могут оставить себе по 180 гектаров земли, а при наличии «культурного хозяйства» и больше. 50% выкупной цены помещики получают при отчуждении их земли, а остальные 50% превращаются в земельную ренту, выплачиваемую правительством.

Таковы обещания правительства 62% населению, владеющему 17 млн. гектаров земли при 13 млн. гектаров в руках немногочисленной группы помещиков. Крестьянство разоряется, негодует, волнуется и активно выражает свое недовольство путем батрацких забастовок и антиправительственных выступлений. «Новелла» батраков и середняков польской деревни не успокоила и еще вдвойне при этом нарушает интересы крестьянства национальных меньшинств. Согласно § 38 «новеллы», земля в пограничной полосе, т.-е. на территории в 30 тыс. кв. километров, должна быть распределена между польскими легионерами, принимавшими участие в войне с галичанами и Советской Россией.

Эта колонизаторская политика является лишь звеном в общей цепи мероприятий правительства в области организованного и планового угнетения проживающих в Польше неполноправных 11 миллионов украинцев, белоруссов, евреев, немцев и литовцев. Польша—не национальное государство, а государство национальностей, в котором все права сосредоточены в руках господствующего класса польской национальности, а все остальные национальности, помимо их классового неравноправия, ограничены в своих политических правах по линии национальной. Это положение в результате своем ставит национальные меньшинства в враждебный правительству лагерь и порождает партизанское движение во всех пограничных районах. Это, в свою очередь, влияет на боеспособность польской армии, единственной силы, помимо полиции и жандармерии, на которую опирается правительство для «успокоения и умиротворения» широких масс населения.

Эта сила, вдобавок, осталась без питания для своей мускулатуры. Несмотря на то, что военный бюджет Польши в 1925 г. достигал до 720 млн. злотых, т.-е. в ряде империалистических держав Польша непосредственно следовала за Англией и Францией по величине военных расходов, командный состав польской армии находится в крайне тяжелом материальном положении. Экономический кризис еще больше усугубил положение командного состава. Правительство погналось за «экономией» и довело командный состав до такого положения, что получаемое им содержание не покрывает потребных минимальных расходов на квартиру, отопление и освещение.

Это положение усугубляется еще борьбой между кадровым командным составом, на чьей стороне до переворота было правительство, и пилсудчиками. Последние, до прихода Желиговского, изгонялись из армии в то время, как правительство продолжало переговоры с маршалом о его возвращении в армию на пост, который, по словам Пилсудского, мог бы занять или идиот, или осел. Армия разбилась на две части: юнкера и кадровый командный состав—за правительство, а серый солдат и командир—бывший легионер—за маршала против правительства.

Экономическая катастрофа, черная реакция и политическая несамостоятельность, достигшие апогея в начале 1926 г., до того наэлектризировали настроение широких масс, что они готовы были по первому зову броситься в бой против господствующей реакции. Но здесь произошло то же, что почти одновременно имело место в Англии. Как там, так и здесь вожди испугались движения широких масс и поспешили их предать тем, против кого массы выступили. Пилсудский поступил так же, как Макдональд, Томас и К°. Когда польские трудовые массы вступили в бой, разумеется, не только для того, чтобы одну реакционную группу заменить другой ей подобной, а для того, чтобы передать власть рабочим и крестьянам, Пилсудский заговорил о конституции, о законе: подальше, мол, от революции, ближе к буржуазной законности!

III.

Куда пойдет Польша после «легального переворота» Пилсудского? Несомненно, что через кризисы, перевороты, фашистскую диктатуру и гражданскую войну к далеко не конституционной революции. Баланс происшедшего переворота уже предопределяет дальнейший ход событий. В пассиве этого баланса мы имеем: междоусобную борьбу, сотню убитых и раненых, ослабление военной дисциплины, ухудшение внешнего положения государства, громадные материальные убытки, обострение затруднения в области восстановления национальной экономики, антагонизм между отдельными провинциями, из которых некоторые, хотя и не говорят, но все же мечтают об автономии, и растерянность в политических партиях [1]). Актив же переворота сводится к тому, что вместо центро-правого правительства налицо теперь имеется временный чиновничий кабинет.

Ясно, что положение не может долго оставаться таковым, каким оно вышло из переворота. Не может остаться потому, что победитель Пилсудский не имеет и по сей день своей определенной программы. Он находится между правыми и левыми, но и не является даже центром. Помимо фраз о морали, он выдвинул только конкретный вопрос о легальности. Но и кабинет Витоса ведь был легальным, располагавшим абсолютным большинством голосов в сейме? И сколько бы ни старался Пилсудский притянуть за волосы конституцию, переворот все же остается актом, продырявившим сердце конституции. Несостоятелен и другой пункт «программы» Пилсудского, что не партия должна управлять страной, а кабинет «национального примирения». Кабинет Бартеля, хотя он имеет в своем составе профессоров высших учебных заведений, имеет так же, как самого Бартеля, так и Маковского,—руководителей левых партий, и наряду с ними Млодзяновского, бывшего воеводу Полесского воеводства, отличавшегося своей шовинистической политикой в отношении к территориальным национальным меньшинствам. Кабинет Бартеля только отражает шатания маршала слева направо и наоборот.

[1]) См. статью т. Виктора «Положение в Польше» в № 4 «Большевика», где эти вопросы автором детально рассмотрены.

Страной управляет не партия, а лево-центристско-правая бесформенная группа.

Пилсудский размахнулся мечом и, испугавшись его блеска, выпустил меч из своих рук. Враждующие стороны не успокоятся и, подняв брошенный меч, еще не раз попытаются использовать его в борьбе за власть.

Польской Вандеей остаются Познань, Померания и Верхняя Силезия. Версаль их сделал польскими. Они будут бороться и воспользуются каждым удобным случаем, чтобы ослабить узы насильного брака с Варшавой. Сам Пилсудский говорит, что Познань не успокоится в течение целого поколения. Трудно определить сроки, но ясно, однако, что этот период будет сопровождаться кровавыми столкновениями между враждующими сторонами.

Пилсудский, весьма возможно, не решился бы на свое выступление, если бы не поручение из Лондона и если бы правые не вздумали раз навсегда, как этого требовал председатель сейма Тромпчинский, «покончить с легендой Пилсудского» и если, наконец, об'ективные условия не толкали бы широкие массы на выступление против гнета реакции, нищеты и отчаяния.

Под давлением широких масс ЦК ППС 17 мая пред'явил Ратаю требование избрания Пилсудского президентом, создания правительства без участия партий, поддерживавших Витоса, изменения политики в отношении национальных меньшинств и предания суду бывших министров и правых депутатов «воров общественных денег»—Витоса, Керника, Корфанты, Мещерского, Здзеховского, Кухарского и Осецкого. ППС «забыла» только заступиться за крестьянство. Это сделало «Вызволенье», которое требует роспуска сейма и сената, оздоровления отношений в государственной администрации, реформы экономического характера и создания правительства, которое осуществило бы аграрную реформу. Одновременно произошел раскол в Народной Партии Роботничей, левая часть которой с депутатом Вашкевичем и бывшим органом партии газетой «Глос Цодзенны» стали на сторону Пилсудского. Неладно обстоит также и в среде военных пилсудчиков. Генералы Рыдз-Смыглы, Дрешер, Бургард-Букацкий и др. требуют немедленного очищения армии от правых офицеров, предупреждая, что промедление смерти подобно. Эти военные требуют установления военной диктатуры. Характерно, что в первый день неожиданного выступления Пилсудского инспектор польской армии в Вильно—генерал Рыдз-Смыглы, не дожидаясь дальнейшей информации из ставки маршала, на свой риск и страх опубликовал сообщение, что Пилсудский об'явил себя диктатором.

К диктатуре стремится сам Пилсудский. Пилсудский хочет держать вокруг себя левицу демократическими лозунгами, а приготовленным 12—15 мая для фашистской диктатуры кнутом он покупает доверие правицы. Уже то, что ген. Сикорский, бывший смертельный враг маршала, сложил перед ним свою шпагу, когда Познань еще посылала свои верные войска против «бунтовщика Пилсудского», говорит о молчаливом согласии более дальновидной части правицы иметь своим диктатором бывшего начальника государства, маршала Пилсудского.

Польша не будет излечена голосованиями национального собрания. Польша будет излечена хирургическими мероприятиями. Вспыхнувший вулкан негодования широких масс не успокоится до тех пор, пока раз навсегда не будет положен конец не только «легенде Пилсудского», но и легенде «национального примирения». Успокоение наступит тогда, когда власть очутится в руках трудящихся масс, которые отбросят французские или английские пути, а пойдут своим собственным путем к рабоче-крестьянской Польше.

Некоторые замечания по поводу „Экономических заметок“ тов. Преображенского.

В последнем номере «Большевика» т. Преображенский рассматривает проблему равновесия в нашем хозяйстве, нарушенного в последнее время, и вносит ряд практических предложений, при помощи которых только и возможно, по его мнению, выйти из создавшихся хозяйственных затруднений.

Под скромным названием «Экономические заметки», вновь ставится давно решенный партией вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства. Пользуясь хозяйственными затруднениями, переживаемыми нашей страной, вновь воскрешаются осужденные партией предложения, так наз. индустриалистов.

Выдвигает ли переживаемый нами момент необходимость пересмотра решений XIII партийного с'езда по поводу экономической программы оппозиции?

Мы не сомневаемся, что политическую оценку «новых» предложений т. Преображенского дадут и помимо нас. Мы хотим лишь остановиться на одном практическом предложении т. Преображенского и доказать, что оно вовсе не практично.

Тов. Преображенский предлагает, как выход из создавшегося положения, немедленное и решительное повышение отпускных цен нашими трестами.

Это предложение вытекает из его оценки причин настоящего хозяйственного затруднения. Т. Преображенский, помимо его общих взглядов на наше хозяйственное строительство, беду видит в том, что наши тресты не идут в ногу с повышением цен на рынке. На этой почве образуется валютное неравновесие между государственным и частным хозяйством (читай: городом и селом), на этой почве усиленно накопляет частный капитал; на этой почве государство несет ряд материальных потерь. Вот формулировка его собственными словами:

> «В области частной торговли, т.-е. прежде всего, в области розничной и оптово-розничной торговли, цены на те товары, которых не хватает, резко поднимаются, но это повышение цен не приводит стихийным путем к перераспределению производительных сил страны в интересах ее индустриализации, а ведет лишь к быстрому накоплению в сфере частного капитала. Частный капитал повышает цены до пределов платежеспособного спроса и усердно зарабатывает на хозяйственной диспропорции» [1]).

[1]) «Большевик» № 6, стр. 63.

И еще:

> «Отпускные цены трестов у нас остаются твердыми, следовательно, на территории государственного хозяйства не происходит достижения валютного равновесия стихийным путем. Но тем самым весь этот процесс искусственно переносится в частное хозяйство, движение цен в котором остается вне нашего регулирования, либо эти цены регулируются нами в весьма незначительной степени. Таким образом, на частное хозяйство возлагается достижение валютного равновесия путем повышения цен, иными словами только частному хозяйству мы предоставляем монополию на это повышение» [1]).

Здесь совершенно ясна мысль т. Преображенского. Государственное хозяйство теряет. Необходимо повысить цены. От этого т. Преображенский ждет ряда благ: и валютное равновесие восстановится, а следовательно, и падение ценности червонца приостановится, и реальную зарплату можно будет повысить, и даже социалистическое накопление ускорить.

Разберем каждое из этих ожидающих нас «благ».

1) Повышение отпускных цен трестами должно нам дать, по мнению тов. Преображенского, восстановление валютного равновесия, так как излишне выпущенные червонцы рассосутся, благодаря повышению цен.

> «Допустим, в результате всех вышеприведенных причин, мы имеем в обращении денег на 15% больше в сравнении с минимумом обращения. Как происходит в таком случае достижение валютного равновесия, если не предпринимается искусственных мер к уменьшению количества обращающихся в стране денег? Стихийным путем это достигается обыкновенно на основе повышения цен всех товаров на всех ступенях товарного обращения. Если товарооборот в стране остается тем же, то повышение всех цен на 15%, следовательно, падение покупательной способности всех обращающихся денег на 15% как раз и приводит к достижению валютного равновесия. Вся денежная масса обесценивается в том самом размере, в каком она превышает необходимый минимум обращения. Но у нас весь этот процесс принимает своеобразные формы, весьма убыточные для государства [2]).

Отсюда следует, что повышение цен нашими трестами устранит убыток, который несет государственное хозяйство и восстановит валютное равновесие. Равновесие, таким образом, восстановится на основе падения покупательной силы червонца.

Допустим даже, что равновесие валютное и будет достигнуто. Но какой ценой? Если сейчас государство, удерживая через госторговлю и кооперацию рыночные цены на более или менее твердом уровне, тем самым укрепляет, или вернее удерживает от падения червонец (именно этим, т. Преображенский, об'ясняется то, что червонец упал только на 8%, а не на 30 или больше процентов), то повышая отпускные цены, государство санкционирует дальнейшее падение червонца и не на 8%, а значительно больше.

[1]) Там же, стр. 62.
[2]) Там же.

Некоторые замечания по поводу „Экономических заметок" тов. Преображенского.

В последнем номере «Большевика» т. Преображенский рассматривает проблему равновесия в нашем хозяйстве, нарушенного в последнее время, и вносит ряд практических предложений, при помощи которых только и возможно, по его мнению, выйти из создавшихся хозяйственных затруднений.

Под скромным названием «Экономические заметки», вновь ставится давно решенный партией вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства. Пользуясь хозяйственными затруднениями, переживаемыми нашей страной, вновь воскрешаются осужденные партией предложения, так наз. индустриалистов.

Выдвигает ли переживаемый нами момент необходимость пересмотра решений XIII партийного с'езда по поводу экономической программы оппозиции?

Мы не сомневаемся, что политическую оценку «новых» предложений т. Преображенского дадут и помимо нас. Мы хотим лишь остановиться на одном практическом предложении т. Преображенского и доказать, что оно вовсе не практично.

Тов. Преображенский предлагает, как выход из создавшегося положения, немедленное и решительное повышение отпускных цен нашими трестами.

Это предложение вытекает из его оценки причин настоящего хозяйственного затруднения. Т. Преображенский, помимо его общих взглядов на наше хозяйственное строительство, беду видит в том, что наши тресты не идут в ногу с повышением цен на рынке. На этой почве образуется валютное неравновесие между государственным и частным хозяйством (читай: городом и селом), на этой почве усиленно накопляет частный капитал; на этой почве государство несет ряд материальных потерь. Вот формулировка его собственными словами:

«В области частной торговли, т.-е. прежде всего, в области розничной и оптово-розничной торговли, цены на те товары, которых не хватает, резко поднимаются, но это повышение цен не приводит стихийным путем к перераспределению производительных сил страны в интересах ее индустриализации, а ведет лишь к быстрому накоплению в сфере частного капитала. Частный капитал повышает цены до пределов платежеспособного спроса и усердно зарабатывает на хозяйственной диспропорции» [1]).

---

[1]) «Большевик» № 6, стр. 63.

И еще:

«Отпускные цены трестов у нас остаются твердыми, следовательно, на территории государственного хозяйства не происходит достижения валютного равновесия стихийным путем. Но тем самым весь этот процесс искусственно переносится в частное хозяйство, движение цен в котором остается вне нашего регулирования, либо эти цены регулируются нами в весьма незначительной степени. Таким образом, на частное хозяйство возлагается достижение валютного равновесия путем повышения цен, иными словами только частному хозяйству мы предоставляем монополию на это повышение» [1]).

Здесь совершенно ясна мысль т. Преображенского. Государственное хозяйство теряет. Необходимо повысить цены. От этого т. Преображенский ждет ряда благ: и валютное равновесие восстановится, а следовательно, и падение ценности червонца приостановится, и реальную зарплату можно будет повысить, и даже социалистическое накопление ускорить.

Разберем каждое из этих ожидающих нас «благ».

1) Повышение отпускных цен трестами должно нам дать, по мнению тов. Преображенского, восстановление валютного равновесия, так как излишне выпущенные червонцы рассосутся, благодаря повышению цен.

«Допустим, в результате всех вышеприведенных причин, мы имеем в обращении денег на 15% больше в сравнении с минимумом обращения. Как происходит в таком случае достижение валютного равновесия, если не предпринимается искусственных мер к уменьшению количества обращающихся в стране денег? Стихийным путем это достигается обыкновенно на основе повышения цен всех товаров на всех ступенях товарного обращения. Если товарооборот в стране остается тем же, то повышение всех цен на 15%, следовательно, падение покупательной способности всех обращающихся денег на 15% как раз и приводит к достижению валютного равновесия. Вся денежная масса обесценивается в том самом размере, в каком она превышает необходимый минимум обращения. Но у нас весь этот процесс принимает своеобразные формы, весьма убыточные для государства [2]).

Отсюда следует, что повышение цен нашими трестами устранит убыток, который несет государственное хозяйство и восстановит валютное равновесие. Равновесие, таким образом, восстановится на основе падения покупательной силы червонца.

Допустим даже, что равновесие валютное и будет достигнуто. Но какой ценой? Если сейчас государство, удерживая через госторговлю и кооперацию рыночные цены на более или менее твердом уровне, тем самым укрепляет, или вернее удерживает от падения червонец (именно этим, т. Преображенский, об'ясняется то, что червонец упал только на 8%, а не на 30 или больше процентов), то повышая отпускные цены, государство санкционирует дальнейшее падение червонца и не на 8%, а значительно больше.

---

[1]) Там же, стр. 62.

[2]) Там же.

Почему больше? Ведь частный капитал уже фактически повысил цены, и мы, повысив в свою очередь, лишь вырвем из рук частного капитала разницу между нынешними отпускными ценами трестов и рыночными?

Если уже сейчас, при повышении цен лишь частным торговцем, лишь меньшей частью нашей товаропроводящей сети, червонец заколебался и упал в отношении оптово-розничного индекса, то что же получится при массовом повышении цен нашими трестами, а следовательно, и всей госторговлей и кооперацией? Ведь это повышение придется производить не па десятки, а на сотни процентов. Вот конкретные данные обследования рыночных цен по Москве:

«Недостаток промышленного товара в Москве, особенно мануфактуры, вызвал резкое повышение цен в частной торговле. Если принять кооперативные цены (универмаги МСПО и первичные кооперативы) за 100, то в частной торговле цена на ситец № 8 выражается 141,3%, сатин гладкий, серпухов. 185%, сатин темный, моск. 235%, бязь № 10, богородск. 183,5%, тик-ластик отбивной 237%, трувиль темный моск. 200%, бриоль темный, серпух. 184%, сатин Т. 5—173%, вольта 5, Красно-Пресн.—199%, диагональ Ореховск.—169,6%, бязь отбивная тверск.—154,4%.

Что касается цен кооперации и госторговли на мануфактуру, то расхождения между ними нет. Товар продается по ценам прейс-куранта. К отпускным ценам треста кооперация накидывает 15—18% цен на мануфактуру [1]). В госторговле (Мосторг, ГУМ и др.) цены на мануфактуру одинаковы с кооперацией («Правда» № 82 от 10/IV—1926 г.).

Следовательно, придется подтягивать цены госторговли и кооперации к ценам в частной торговле. А это, без сомнения, приведет к значительному падению покупательной силы червонца. Это не преминет отразиться и на заграничном курсе червонца со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это немедленно отразится и на положении рабочих масс страны.

Но может быть, этой ценой будет все же достигнуто валютное равновесие, хотя бы на основе упавшего в своей ценности червонца? Может быть, достигнув такого равновесия, мы уже потом сумеем подлечивать червонец и повышать его ценность по мере роста товарооборота и соответствующей эмиссионной политикой? Однако, и этот, ожидаемый т. Преображенским, результат приходится ставить под очень большое сомнение.

Крестьянское хозяйство покупает не только у частного торговца, как получается у т. Преображенского, но у кооперации и госторговли, и у последних даже в большей части своего бюджета. Сейчас частное крестьянское хозяйство повысило цены на свою продукцию приблизительно соответственно потере, которую оно несет, покупая у частного торговца. Предположим, что повышение цен нашими трестами и дало бы ожидаемый эффект—рассосало бы излишек червонцев, выпущенных Госбанком. Но вытекающее отсюда повышение цен госторговлей и кооперацией ударило бы по бюджету крестьянского хозяйства, и оно, в целях

[1]) Подчеркнуто нами.

обеспечения от потери, немедленно повысило бы цены на свои продукты. Это вызвало бы новое нарушение равновесия, ибо, ведь, и т. Преображенский считает, что «в частном хозяйстве растут цены на хлеб, на те виды промышленного сырья, где возможности нашего регулирования не велики» (подчеркнуто нами).

Наши тресты, опять-таки в погоне за равновесием, должны были бы повысить снова цены и т. д., и т. д. А на основе неустойчивых цен, вакханалия спекуляции развивается, червонец катастрофически падает, и мы катимся по наклонной плоскости в лоно уже забытого совзнака.

Нет уж! Упаси нас ЦК от этаких экспериментов!

Вся ошибка т. Преображенского проистекает от того, что он не видит госторговли и кооперации. О них он ни разу в своих «заметках» не упоминает. По его схеме получается: с одной стороны—гострестры, с другой—крестьянское хозяйство, а между ними—частный торговец. Госторговлю и кооперацию, эту главную часть нашей товаропроводящей сети, тов. Преображенский упустил.

Не повышением цен, не хвостизмом в отношении стихии рынка (рынок повысил—давай и я) надо создавать валютное равновесие, а самым решительным удержанием твердых цен, регулированием государством операций частного торговца и рядом других специально-финансовых мер надо изжить это временное колебание покупательной силы червонца.

2) Остановимся теперь на «втором» благе. В результате повышения цен государство, по мнению т. Преображенского, получит необходимые рессурсы для того, чтобы повысить зарплату, не только номинально, но и реально. Вот, что он говорит по этому поводу:

«С другой стороны, только этим путем мы в состоянии будем получить необходимые рессурсы для возмещения рабочему классу того, что он потерял на повышении цен в частной торговле [1]), гарантировать ему на будущее время определенный реальный уровень зарплаты».

Что значит, возместить рабочему классу потерянное им на повышении цен в частной торговле? Это означает не что иное, как, во-первых, такое повышение зарплаты, которое привело бы ее реальный уровень в соответствие с повысившимися ценами и, во-вторых, которое к этой повысившейся номинальной зарплате прибавило бы еще и такую часть, которая возвращала бы рабочему потерянное им раньше на повышении цен в частной торговле.

Сможем ли мы так повысить зарплату, повысив цены? Нет. И вот почему: реальная заработная плата в госхозяйстве повышается в строгом соответствии с ростом нашего хозяйства, ростом действительного накопления ценностей. Это азбучная истина, и она не замедляет заявить о себе, как только пытаются неудачными искусственными манипуляциями с ценами достигнуть повышения реальной заработной платы. Именно такая неудача грозит нам, если принять рецепт т. Преображенского. Именно бу-

[1]) Там же, стр. 63. Подчеркнуто нами.

мажно-денежное наводнение будем наблюдать мы, а не рост реальных ценностей в госхозяйстве.

Ведь в самом деле, допустим государство повысит цены. Крестьянское хозяйство, которое покупает в большей степени не у частного торговца, а у госторговли и кооперации, про которые и здесь позабыл т. Преображенский, соответственно повысит цены на свои товары. По ком это ударит? Прежде всего, по рабочему потребителю, поскольку он покупает на вольном рынке, но это ударит его и с другой стороны, со стороны госторговли и кооперации, цены которых повысились, поскольку рабочий покупает главным образом у них. Итак, хотя повышение цен и увеличит в госхозяйстве количество бумажных денег, но реальные ценности от этого не увеличатся, поскольку вновь установится то же соотношение между государственным и частным хозяйством только на основе вновь упавшего в покупательной силе червонца. Ясно, что реальная заработная плата при таком положении не повысится.

Не по линии повышения цен, не по линии накопления бумажных денег, падающих в цене, надо сохранять и повышать реальную зарплату, а путем государственного регулирования через госторговлю и кооперацию розничных цен на частном рынке можно ее сохранить, путем роста реальных ценностей в госхозяйстве можно будет повысить ее уровень.

3) Рассмотрим, наконец, третье «благо». Тов. Преображенский считает, наконец, повышение отпускных цен трестами, в условиях падения валюты одним из средств социалистического накопления. Предоставим ему слово:

> «Что касается мер текущего характера, то прежде всего мы должны позаботиться о возмещении государственному хозяйству всех его потерь на падающей валюте. Мы должны выправить расчетный баланс в интересах государственного хозяйства, вернуть ему его потери и гарантировать его от потерь в будущем. Реально можно представить себе два основных метода в достижении этой цели: во-первых, увеличение налогов на частное хозяйство, что, разумеется, осуществить наиболее трудно, и, во-вторых, повышение отпускных цен трестов на те товары широкого потребления, по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод и на которых больше всего наживается частный капитал»[1]).

Здесь т. Преображенский ясно говорит о том, что повышение цен возместит государству потерянное им раньше, или, иными словами, увеличит накопление в нем в настоящий момент. Так думает т. Преображенский. Что же получится на самом деле?

Не приходится сомневаться, что сейчас частный торговец накопляет, благодаря повышению своих цен значительно выше отпускных. Крестьянское хозяйство повышает свои цены соответственно той части покупки, которую оно совершает у частного торговца. Государственное хозяйство, таким образом, теряет на этом. Что же произойдет, если повысятся отпускные цены трестов? Госхозяйство повысит цены, крестьянское хозяйство, как мы уже говорили, вынужденное платить повышенные цены, также повысит цены и на свои товары, в результате этого общего повышения цен, если даже предположить, что валюта падать не будет (а на самом деле она будет падать), установится равновесие (а на самом деле оно не установится) на основе до известной степени обесцененной валюты. Произойдет ли от этого усиление накопления? Нет. Оно действительно произошло бы в том случае, если бы гострресты продавали свои товары исключительно частному торговцу, если бы эти торговцы, пользуясь товарным голодом, вздули розничные цены и, таким образом, крестьянское хозяйство, покупая по повышенным ценам, тоже повысило цены и на свои товары.

[1]) Там же, стр. 63. Подчеркнуто везде нами.

В таком случае, повышая отпускные цены трестов, государство действительно ослабило бы накопление частных торговцев и усилило бы свое накопление—и то в том только случае, если бы вслед за повышением отпускных цен трестов частный торговец розничных цен не повышал.

Но такое накопление возможно было бы, во всяком случае, только при отсутствии госторговли и кооперации. Как видим, и здесь т. Преображенский абстрагировался от них, делая в высшей степени конкретное практическое предложение.

И мы снова приходим все к тому же выводу: не повышение цен приведет нас к равновесию, а регулирование рынка, удержание цен от повышения с попутным разворачиванием товарооборота и финансовыми мероприятиями даст нам возможность укрепить валюту и этим создать естественную базу для нормального социалистического накопления.

Итак, мы доказали, что повышение отпускных цен трестов это «единственно возможное в наших условиях мероприятие» совсем не выводит нас из создавшихся затруднений. Наоборот, ставши на путь его, мы рискуем впасть в новые, еще более тяжелые условия. Мы также показали, что в основе ошибки т. Преображенского лежит его игнорирование госторговли и кооперации, о которых он ни словом не обмолвился на всем протяжении своих «экономических заметок» и без учета которых он и пришел к неверному выводу.

В. Попов-Дубовской.

Художественная литература и рабочий писатель.

За последнее время в нашей литературе наблюдается своеобразная диспропорция. Если, начиная с 18-го года, тощее, усохшее русло русской литературы заполнялось почти исключительно рабочими (правда, поверхностными) темами и образами, если там царили молоты, кузнецы и трансмиссии, а крестьянин был в отлучке,—то теперь мы наблюдаем обратное явление: быстрое вздувание крестьянской литературы с прогрессирующим ущерблением рабочей. Возьмите наши журналы и сборники за нынешнюю зиму; они почти сплошь крестьянские—и рассказы, и повести, и стихи. Не только спрятались куда-то молоты и кузнецы, но и вообще рабочая жизнь, можно сказать, выходит из моды.

Чем это об'ясняется? Разными причинами. Конечно, играет огромную роль обостренное общественное внимание к деревне, определяемое нашей общей внутренней политикой. Подтянулись молодые кадры писателей, так или иначе связанные с землей—среди них выходцы из крестьян, рабочие из крестьян, деревенская интеллигенция и пр. Но, пожалуй, сейчас одна из главнейших причин—та видимая легкость, с какой дается даже начинающим писателям крестьянский материал. Нет ничего проще, как писать на крестьянские темы. От старой, дореволюционной народнической литературы нам достались твердые шаблоны описания крестьянской жизни. Крестьянин, как известно, всегда в разговоре чешет за ухом или пониже спины, говорит «таперича» и «лезорюция», матюкается и мысли высказывает именно такие, какие требуются автору. Оттого-то, из-за этих общедоступных выкроек так серы, тягучи и скучны в очень большом числе теперешние крестьянские рассказы, а особенно романы и повести.

Кроме шаблонов соблазняет писателей, часто городских жителей, и общедоступность крестьянского материала. Шагни за город—и материал налицо, сколько угодно; знай лишь наблюдай, а потом «художественно» расписывай.

Совсем другое дело с литературой о рабочих. Старая литература здесь не оставила нам установленных образцов и приемов; лучше сказать, те, которые она нам оставила, забракованы начисто современными требованиями. Далее, «достать» рабочий материал писателю не так-то легко (если писатель сам не рабочий). Для этого надо проникнуть на завод, куда без пропуска не пускают. Точно так же нелегко проникнуть и в рабочий поселок. Если деревня для писателя легко доступна, а часто является и дачей для отдыха, местом командировки и т. д., то

жить в рабочем поселке и трудно, и неудобно, да и не попадешь туда по нынешним временам.

Именно эта трудность проникновения в рабочий быт, а также его специфичность (совсем не похож на крестьянский и обывательский) сделали то, что основным носителем в литературе р а б о ч е г о б ы т а, т.-е. художественного воспроизведения рабочей жизни, является рабочий писатель. Отсюда—важное и все возрастающее значение рабочего писательства в нашей общей художественной литературе. Отсюда—проблема рабочего писательства в нашей литературной политике.

Рабочий писатель.

Резолюция ЦК о литературной политике осудила напостовский уклон. Но на ряду с этим она осудила и другой уклон. Она говорит: «Равным образом заслуживает осуждения позиция, недооценивающая самую важность борьбы за идейную гегемонию пролетарских писателей». Такую точку зрения резолюция называет «капитулянтством».

Это капитулянтское направление, по сути дела, смотрит на современную литературу под старым, дореволюционным углом зрения. Выразил ее наиболее ярко и, по своему обыкновению, наиболее талантливо тов. Осинский в своих статьях о литературной политике, направленных против напостовцев. Для этого направления литературы есть писатели, писательский кадр и больше ничего.

По Осинскому, вся задача нашей литературной политики заключается в освоении и воспитании писателей, которые, по его мнению, состоят и долго еще будут состоять в подавляющем большинстве из выходцев из старого интеллигентского слоя. Вся задача состоит исключительно в том, чтобы укрепить шатающихся, отмести враждебных, словом, советизировать писательский кадр. Все это должно делаться исключительно путем литературной критики. Т. Осинский уверяет, что только таким путем можно «создать коммунистическую литературу чужими руками», чему будто бы учил Ленин.

Руководитель литературной политики в наши дни из такой постановки исходить не может. Для литературного политика писательский кадр был всегда, от века лишь одним из трех основных элементов литературы: писателя, читателя и технического аппарата. Наша революция прибавила еще одну основную величину—резервы кадрового состава литературы: в первую голову рабочих писателей, а затем крестьянских. Задача политического руководства нашей литературой заключается в планомерной организации и пропорциональной увязке этих четырех элементов на расширенной (рабочей и крестьянской массой) читательской базе. Говорить лишь о кадровых писателях и на этом строить литературную политику—значит терять революционную перспективу и из-за деревьев не видеть леса.

Не говоря о прочем,—как можно строить литературную политику, не установив, какую органическую роль играет в общей системе литературы рабочее писательство, не интересуясь, какие процессы происходят при выделении рабочего массового писателя, даже не заикаясь о том, как это массовое движение взять в

свои руки и наиболее целесообразно его направить? Ведь это же—важнейшие вопросы современной литературы.

В этом отношении напостовцы в общем держались более правильной линии—конечно, потому, что были вынуждены искать себе опоры в рабоче-писательской массе. Однако, при формальном признании огромной важности рабочего писательства, напостовцы трактовали этот вопрос весьма поверхностно. По большей части, их разглагольствования не выходили из рамок общих разговоров или крика о любви к рабочему писателю.

В самом деле, уделили ли напостовцы хоть сотую долю того жара и усилий, какие они потратили на борьбу с попутчиками,—постановке в общей и партийной литературе вопроса о том, как и где печататься рабочему писателю, т.-е., вопросу о постановке рабочего журнала для массового рабочего читателя? Выдвинут ли этот вопрос в порядок дня? Дали ли они хоть какое-нибудь подытоживание и разработку опыта рабочих литкружков? А вопрос об окружении рабочего писателя? А вопросы о рабочем быте? А вопросы о методах критики произведений рабочего писателя? Ничего, или почти ничего этого не дано. Напостовцы были слишком захлопотаны высокой политикой, чтобы возиться с таким «частным» вопросом. Они, конечно, ходили по литкружкам и работали там. Но ведь и тов. Воронский тоже ходил по литкружкам и тоже просвещал рабочих.

Цеховая точка зрения не дала возможности напостовцам установить партийный угол зрения на общую литературу. Точно так же она не дала им возможности понять важность рабоче-писательского вопроса, как общего, принципиального вопроса, и поставить его, как таковой, в полном об'еме в общей литературе.

И все же надо им поставить в заслугу, что они выдвинули и утвердили в партийном общественном мнении самое бытие рабочего писателя. В результате периода напостовщины у нас прочно установилось мнение, что рабочий писатель существует—это уже есть завоевание. У Осинского и Воронского здесь—пустое место. Почитать их, так нет никаких рабочих писателей, а есть просто начинающие писатели.

В дальнейшем мы остановимся на разборе тех постановок по линии рабочего писательства, какие делались напостовцами. Во-первых, на их ошибках мы кое-чему можем научиться. Как ни как, а известный опыт здесь уже дан. Во-вторых, так будет легче наметить линию необходимых практических мероприятий в этом важном и актуальном вопросе.

О рабочем журнале.

Когда речь идет о рабочих писателях, то здесь мы прежде всего видим многотысячную массу, находящуюся еще в процессе выделения из рабкоровской массы. Это, так сказать, нижний слой, те полурабкоры, которые только что приступают к преодолению первых трудностей художественного письма. Печатаются они в стенгазетах и в рабочих отделах газет—дают зарисовки, сценки, воспоминания и пр. Вопрос о том, где печататься, не имеет здесь особой остроты. Но остро поставлен вопрос об учебе, о расширении знаний, о культурных навыках, о политической установке.

Как у нас до сих пор ставилось дело обучения рабочих писателей? Самым схоластическим образом. Почтенные и непочтенные писатели, которые ходят по литкружкам, глубоко уверены, что вот такого сырого рабочего писателя нужно обучать только техническим приемам литературного искусства, и больше ничему. Дескать, политическое, общественное и всякое другое воспитание он получит еще где-то. В результате мы частенько видим «писателей», которые мнят себя спецами и смело пишут стихи и рассказы, не зная не только грамматики, географии и пр., но и не разбираясь в самых простых вопросах политики и марксизма. Их руководители, очевидно, не понимают, что художественное творчество есть производное всего миросозерцания писателя и его политической, общественной и культурной установки. Обучение художественной технике обязательно должно итти наравне с общим образованием, и, особенно, с политическим марксистским воспитанием. Это—важнейший вопрос воспитания рабочего писательства, а его практическая постановка не только не сделана, но даже не нащупана. Нащупать и сделать ее—наша первоочередная задача.

Эта полурабкорская «низовая» масса является резервом и питательной средой для следующего рабоче-писательского отряда, который беспрерывно пополняется из «низов». Здесь мы имеем более или менее оформленных, но все же массовых рабочих писателей, имеющих некоторое выяснившееся дарование и получивших уже необходимые технические навыки. Они сотрудничают уже в газетах, а иногда попадают и в журналы.

Наконец, из их рядов выделяются те немногие одиночки, которые входят в кадры нашей журнальной и книжной литературы на правах настоящих писателей. Они, собственно, перестали быть рабочими писателями, а стали просто писателями. Они идут обычно под названием «пролетарских писателей».

Когда напостовцы стремились к «захвату власти», в первую очередь к захвату журналов и технического аппарата литературы, они стремились опереться на эту вторую, массовую часть рабочих писателей. И эти последние поддержали напостовцев. Это—факт. А почему? Потому, что перед рабочими писателями этой категории остро стоит вопрос: где печататься? Напостовцы говорили им, что как только они возьмут в свои руки журналы, то не только будут сами заполнять в них, по выражению Лелевича, «главное место», но пустят туда и рабочих писателей. Как же было не поддержать? Ведь больше никто ничего не обещал, а печататься, действительно, негде. В общие журналы не пускают, а своих нет.

Напостовцы сулили, но это были демагогические посулы, потому что пустить рабочих писателей в существующие журналы при настоящих условиях в более или менее значительном количестве—невозможно. Надо прямо сказать, что качество художественной работы рабочих писателей в массе своей еще сравнительно низко. По своей технике они не могут итти в сравнение с опытными писателями, заполняющими журналы. Требования, пред'являемые журналами, в общем выше среднего уровня рабочего писательства. Поэтому в журналы т е п е р ь могут попадать только редкие одиночки из рабочих писателей. Мы много и убедительно говорим о примате в литературе содержания, которое, в конечном счете, определяет форму, и это неоспоримо

правильно. Но не надо вдаваться в крайность и держаться вульгарного убеждения, что содержание в художественной литературе—все, а форма ничего не значит. Форма значит очень много: без нее нельзя написать настоящее художественное произведение. Без нее нельзя попасть в журнал.

Поэтому надо ставить вопрос не о завоевании рабочими писателями теперешних журналов, а об организации массовых рабочих журналов. Мы уже не говорим о т.т. Осинском и Воронском, а вот напостовцы—ставили ли они этот вопрос в порядок дня? Нет, не ставили, потому что он выходил из рамок их цехового кругозора.

Здесь прежде всего важно выяснить необходимый тип журнала. Мы имели много рабочих журналов,—и все они, за единичными исключениями, не годны для своего прямого назначения и помирали, как мотыльки, не вызывая ничьей печали. Их основным пороком было то, что мы привыкли отмечать словом «пролеткультовщина». Это были (и имеются) цеховые писательские журналы, т.-е. журналы не для читателя, а для писателей. Если группа писателей находила деньжат, то и открывала журнальчик, где эти писатели могли тренироваться и поучиться и себя людям показать—пока деньги не иссякали. Получался либо журнал «для рабочих», наподобие «благотворительных» журналов доброго старого времени, журналов для народа, либо журнал-семинарий для усовершенствования литературных талантов.

Затем еще одно плохое качество. Эти журналы отличались безобразным неряшеством и низким качеством во всех отношениях. Бумага—дрянная, печать—скверная, рисунки—плохонькие, словом, все состряпано кое-как. Почему-то считается, что для рабочего читателя—сойдет, так и надо, и на большее он будто бы и не претендует. Тут мы, конечно, имеем дело со старым буржуазно-интеллигентским пережитком того времени, когда «народ» получал об'едки культуры и это считалось в порядке вещей.

Нам не нужны такие рабочие журналы. Нам нужны не такие журналы.

Рабочий массовый журнал прежде всего должен быть рассчитан, или, как говорят, должен ориентироваться на рабочего массового читателя и должен и создаваться для того, чтобы этого читателя обслуживать. Будьте любезны заслужить доверие этого читателя, вызвать его интерес, организовать его вокруг журнала—вот тогда мы скажем, что журнал действительно массовый, рабочий. Для этого надо соответствующим образом организовать его изнутри, а это дело не легкое, вернее, очень трудное.

Смешно говорить, что можно создать журнал, который взлся бы исключительно силами рабочих писателей. Такие попытки были и кончались всегда быстрой смертью журнала. Для журнала необходимы спецы и опытные литераторы и художники. И вот этот-то вопрос о том, как вовлечь спецов в коллективную работу и заинтересовать задачами, которые ставит для журнала рабочая масса, понимать ее настроения и вкусы и в то же время руководить ею,—вот это и является очень сложным и трудным вопросом, который не дается смаху, а решается в длительном процессе общей работы с ошибками, поправками и достижениями.

И вместе с тем роль рабочих писателей, а также и рабкоров в рабочем журнале очень велика. Рабкоры поднимают и разбирают в журнале выдвигаемые рабочей средой вопросы—семейно-бытовые, общественные и проч. Рабочие писатели дают, главным образом, художественный материал, а частью и публицистику, и их роль и влияние в журнале неизбежно будет возрастать по мере их писательского самозакрепления. Именно они и рабкоры сообщают рабочему журналу его особый характер, близкий рабочим массам, и создают массового рабочего читателя.

Вот такой нужен нам рабочий журнал, и вопрос о его организации должен быть выдвинут теперь же в партийном порядке.

Вопрос организации массовых рабочих журналов должен быть выдвинут в партийном порядке в первую очередь и поставлен практически.

Выдвиженство.

Точка зрения т.т. Осинского и Воронского на природу и роль рабочего писателя, как мы говорили, очень проста. Рабочий писатель находится за полем их зрения, где-то там в дальнем коридоре, а не в литературе. Из этого кутка от времени до времени появляются даровитые писатели, так что на куток следует обратить некоторое косвенное внимание. И, действительно, тов. Осинский одобрительно кивает этой разношерстной «массе» головой и советует ей заниматься самовоспитанием и самодисциплиной. Тов. Воронский идет еще дальше. Не столько критик, как организатор, он рекомендует вести литкружки и обучать рабочих литературной технике: это ускоряет процесс отбора писательских дарований из рабочей среды. Вот это и есть вся, круглым счетом, литературная политика в рабоче-писательском вопросе.

Какой позиции держались в этом отношении напостовцы, которые были так или иначе связаны с рабоче-писательской массой? Эта позиция определялась их цеховой установкой.

С писательско-цеховой точки зрения—когда она стремится установить политическую линию в литературе—высшим достижением для пишущего является—стать писателем-профессионалом. Поэтому напостовцы были больше всего озабочены тем, чтобы рабочих писателей выводить «в люди». Центр их внимания был направлен не на общие задачи под'ема рабоче-писательской массы, а на вылавливание из серой массы одиночек-писателей, на производство гениев. Отсюда—теория и практика выдвиженства. Эту теорию один из редакторов «Октября», тов. Зонин, сформулировал так («Октябрь» № 6, 1925 г.):

«Выдвижение писателя от станка на другую работу, не обязательно именно литературную, может быть, газетную, может быть, партийную, хозяйственную, а то и учебу, в зависимости от того, где легче писателю будет продолжать свой художественный рост, увеличивать накопление своего художественного опыта,—такое выдвижение безусловно необходимо на определенном уровне роста пролетписателя».

Такая принципиальная постановка выдвиженства, как системы, в корне извращает рабоче-писательский вопрос.

Напостовцы в данном случае наглядно показали, как они «обрабатывали» партийные директивы. Партия дала лозунг вы-

движения рабочих и крестьян в различные учреждения. Напостовцы эту директиву приспособили к своим целям, отразили ее, примерно, таким образом, как начищенный самовар отражает нормальное человеческое лицо. Партия посылает выдвиженцев в учреждения с чисто-практической целью—для того, чтобы они там **работали**, контролировали бы работу и стали бы спецами в будущей самостоятельной работе в том же направлении. А напостовцы собираются посылать туда рабочих исключительно для совершенствования литературных талантов в «подходящей» обстановке.

В этом есть что-то плохое, мещанское, вернее, узко-цеховое. Напостовцы слышали ходячее мнение, что писатель должен наблюдать различные стороны жизни, должен, что называется, все знать; поэтому они убеждены, что его надо таскать то в газету, то в Жиркость, то в канцелярию МОНО. Здесь он будет вращаться в изысканной среде и наблюдать всю главную механику жизни, начиная от птичьих разговоров накрашенных секретарш. Рабочая же среда, видите ли, слишком скудна и узка для высокого внимания настоящего писателя.

Надо удивляться, что целое литературное направление, имевшее связь с рабочим писательством, не выдвинуло ничего умнее этой вульгарной теории делания писателей посредством командировок.

Надо строго разделять политику массового «выдвижения» рабочих писателей, т.-е. политику делания механическим путем из рабочих писателей писателей-спецов,—от политики помощи рабочим писателям и писателям вообще.

Предположим, примерно, что на тысячу рабочих писателей приходится одно более или менее крупное художественное дарование. Так вот, когда это дарование внутренне сложится и закрепится в своей бытовой среде настолько, что может продолжать и расширять свою работу более или менее самостоятельно, то оно само начнет свое отпочкование. Вот тут-то и надо ему помочь. И лучше не торопить его в этом деле, а придержать, ибо это—критический, опасный период, на котором возможны вывихи на всю жизнь. Мы знаем и видим, как неопытная молодежь стремится во что бы то ни стало вылезть в «настоящие» писатели, и ее надо придерживать. И когда писатель отпочковался, надо внимательно за ним следить и всячески ему помогать, и не только материально, а и советом, а то и более жестким воздействием.

Это—одно дело. И совсем другое дело выдвиженство, как система.

Если бы мы занялись усиленным отсеиванием подающих надежды писателей от станка в «настоящие писатели», то мы в короткое время получили бы большее количество оторванных от производственной работы писателей, не имеющих ни достаточного опыта, ни достаточной техники, ни достаточной культуры, чтобы конкурировать со спецами-писателями,—получивших свое место писателя не в процессе борьбы на литературном поле, а путем «пожалования». Мы получили бы—да и сейчас уже имеем—кадры беспомощных писателей, брошенных на произвол судьбы, именно **брошенных**, потому что мы не в состоянии компенсировать им их заработка, а можем только благословить на добывание кустарным образом средств к существованию исключительно путем своих талантов, а затем вопиять в газетах о печальной судьбе наших молодых писателей.

Эта деятельность напостовских благодетелей по извлечению бедных рабочих писателей из «низов» на «верхи», в писательский рай, является одним из худших видов напостовской демагогии, делом особо вредным, вносящим в рабоче-писательские круги нездоровые устремления и разложение. Самородков мы видели что-то мало, а вот отрыв молодых рабочих писателей от их среды часто превращает их в беспомощных писателей, которые питаются не живыми соками старой культуры, а ее об'едками, а своего за душой у них нет. Разве об этом мало разговоров в рабочих литкружках?

А что же делать с той массой, от которой отпочковываются эти выдающиеся дарования? Ей нужно дать правильную, здоровую политику на поднятие ее культурного, политического и художественного уровня.

Рабоче-писательская масса находится в **периоде первоначального накопления**. Здесь создается тот запас методов, приемов, навыков; то критическое усвоение буржуазно-художественных достижений, то общее поднятие художественной культуры, без которых не может быть ни истинно-классовой литературы, ни больших законченных художников. Все это стоит, конечно, в непосредственной связи с общим поднятием рабочей культуры. Поэтому сейчас у нас и должно стоять в центре внимания не выдавливание отдельных даровитых рабочих писателей, а общее поднятие художественного уровня рабоче-писательской массы, поднятие ее творчества и идеологическое закрепление. И лишь тогда, когда массовое рабочее писательство окажется крепкой базой для литературного «верха», оно станет выделять нам крепких, серьезных, больших писателей и выдвинет их **много**—во много раз больше, чем давала их буржуазия. Но это—впереди, а сейчас нужна упорнейшая работа по формированию этой базы.

Рабочий быт.

Теперь обратимся к внутреннему содержанию, к самой работе рабочего писательства и его задачам.

Природная стихия рабочего писательства—рабочий быт. Прежде всего, он—колыбель рабочего писателя, его первичная среда. Он определяет, воспитывает, формирует его творчество, дает ему закалку и направление. Уже по одному этому рабочий быт достоин нашего напряженного внимания. Но этого мало.

При диктатуре пролетариата рабочий быт приобрел величайшую сложность и значение, не только как художественная категория, но и как политическая и общественная, ибо это есть быт класса-гегемона, который с возрастающей силой оказывает определяющее давление на всю жизнь страны. Поэтому познание этого быта приобретает первостепенное значение. Рабочее же писательство в настоящее время является тем основным инструментом, с помощью которого можно захватить этот быт во всей его ширине. Мы видим, как именно в рабочей литературе появляются все новые и новые черты рабочего быта, совершенно незнакомые дореволюционной литературе. За время после Октября мы узнали о рабочей жизни во много раз больше, чем

от всех писателей дореволюционной литературы. В этом—огромная историческая заслуга наших рабочих писателей, хотя никто из них не оказался Пушкиным.

И тем не менее мы знаем о рабочем быте еще **очень мало**. Углубление разработки рабочего быта, художественное вскрытие его сложности и значительности—вот над чем должны поработать наши рабочие писатели так же, как и писатели, и художники, идейно к ним близкие.

Каково же отношение к рабочему быту в наших руководящих литературных кругах? Мы уже говорили, что он выходит из моды и теоретически и практически.

У старой напостовщины мы видим два периода. В первом,—напористое устремление к рабочему быту, выдвигание его на первый план. Эта правильная по существу тенденция наталкивалась на недостаточно сильное свое воплощение в художественном творчестве, попросту—на недостаточную художественную зрелость «пролетарских писателей», а главное—на неправильную цеховую политику руководящей группы.

Когда стремление напостовцев захватить гегемонию в литературе механическим путем сорвалось, они круто повернули (весной прошлого года) в другую сторону, очевидно, считая, что виновата в крахе не цеховая политика, а рабочая «ограниченность», и начали торопливо вылезать из этой «ограниченности», чтобы доказать свою зрелость. Это можно наглядно проследить по их журналу «Октябрь» (последний год), где они выдвинули, между прочим, забавную теорию художественной смычки и где они повернули от рабочего быта.

Передовая статья «Октября» (№ 6) говорит, что рабочий писатель не должен заниматься такой низкой материей, как рабочий быт:

«Отображение» рабочего класса должно итти «не в порядке цехового описания быта, а через художественное преломление острых вопросов самовоспитания пролетариата».

Надо сказать, что автор передовой здесь прямо позаимствовался у тов. Осинского без ссылки на источник; но тов. Осинский, как человек умный, ограничился лишь общей рекомендацией «самовоспитания», а напостовцы превратили этот необ'ятно обширный термин в программную директиву.

В самом деле, что такое «художественное преломление острых вопросов самовоспитания пролетариата»? Не более и не менее, как требование, чтобы писатель давал высоко-художественные синтетические творения. Как звучит это для рабочего писателя? Почти насмешкой. Какое уж там «художественное преломление», когда требуется сначала разобраться, как приложить свои еще малые силы к тому, что **знаешь**.

Напостовцы быстро научились трактовать рабочий быт весьма пренебрежительно—почти так, как это было принято у дореволюционных радикальных писателей и у многих современных.

Зонин, напр., писал, что изображать рабочий быт значит писать о «фабричных порядках». Он даже приводит цитату из Ленина, который будто бы тоже был против рабочего быта. Ленин требовал, чтоб рабочих перестали кормить книжками исключительно «о фабричных порядках»: этим, как известно, занимались «плохие интеллигенты» старых времен, которые очень «любили» рабочего, но рабочий быт знали издали, только как «фабричные порядки», и о них писали свои скучные, никому ненужные книжки. Это было плохое занятие,—писать о рабочем быте, не зная его, но при чем тут наш рабочий быт?

Только куриным невниманием к рабочей жизни можно об'яснить это постыдное отношение напостовцев к жизни современной фабрики. Напостовским теоретикам надо бы знать, что **теперь** жизнь фабрики представляет собой сложную сеть организаций и взаимоотношений—завком, трест, управление, ячейка, клуб, кружки, кооперация, быт женщины, быт семьи и т. д. Выходит ли этот фабричный быт за ограду фабрики? Очень выходит, далеко выходит и многими концами—в губком, в совет, в профсоюз, в деревню, в хозяйственные, культурные и всевозможные другие организации. Фабрика является не только производственным, но и политическим и общественным звеном в общей системе нашего советского государства. Зачем же приучать рабочего писателя к пренебрежительному отношению к рабочему быту, этому важнейшему фактору общего советского быта? Это опасно прежде всего для самой художественной литературы, которая в рабочем быте имеет обильнейший источник питания.

О смычке.

Мы уже говорили, что старые напостовцы год тому назад сделали «поворот». Куда? Об этом говорит передовая «Октября» (№ 6, 1925 г.):

«Лицом к деревне, лицом к широким трудящимся массам! Идеями и содержанием пролетарской литературы укрепим в ней еще одного мощного проводника влияния пролетариата на промежуточные классы».

Обратившись лицом (а не задом) к широким трудящимся массам, напостовцы тотчас же открыли **смычку** и пришли в неописуемый восторг. Тов. Зонин в том же № 6 «Октября» дает пролетарским писателям следующую директиву:

«Художественное отображение даже одного только рабочего класса требует «загляда» вглубь, в корень социальной психологии (!), а значит, внимание пролетарского писателя должно устремляться на узлы классовых отношений, в нашем случае на связь рабочих масс с деревней».

Тут замечательно кратко и сильно сказано о «корне»: рабочий писатель, заглядывай в корень. Правда, весельчак Кузьма Прутков сказал еще короче: смотри в корень; но за то он и видел там гораздо меньше, чем напостовцы. А вот «узлы» Зонина должны очень обрадовать рабочего писателя: на узлах можно и отдохнуть и даже выспаться, например, в ожидании поезда на вокзале.

Эти наивные и забавные рассуждения показывают, как жидок был определяющий теоретический аппарат напостовцев в важнейшем деле: определении политической линии пролетарской литературы. Но линия есть линия, и поэтому попробуем в ней разобраться.

Если перевести это изречение на обыкновенный язык, то оно означает, что рабочий писатель должен писать не о том, что в его силах и в его кругозоре, а давать обязательно художественные обобщения («узлы классовых отношений») и обязательно поли-

вать и стихи и прозу напостовской смычкой. Широкое обоснование этой теории дает тот же Зонин:

«Пролетарские писатели... должны писать не только о «фабричных порядках», а брать своими темами все факты, все явления, отображения которых покажет и массе своего класса и членам других классов (!), что пролетариат, ведущий человечество к коммунизму, творит величайшее и прекраснейшее дело, что «все наследство», подвергающееся рабочим классом уничтожению, переделке и перестройке, реформе или революционному воссозданию,—гнило, мертво, никчемно, консервативно, лежит на человечестве тяжелым грузом прошлого; да, это так!»

В этом замечательном отрывке мы имеем исключительно удачное определение буржуазной культуры. Она есть то «наследство», которое пролетариат подвергает зверским истязаниям, как-то: «уничтожению», после этого «переделке» и «перестройке» и, наконец, «реформе» или «революционному воссозданию». И поделом ему, этому «наследству», потому что оно отличается очень дурными качествами: как уверяет Зонин, оно «гнило и мертво», и не только «никчемно», но даже—страшно сказать!—«консервативно».

О, учители рабочих писателей и «членов других классов»!

Далее за дело взялся главный напостовский теоретик, тов. Лелевич, и раз'яснил рабочим писателям, как они должны осуществлять эту самую смычку в своей художественной работе. Он втолковывает им, что «в области художественных образов необходимо своеобразная «смычка», тонкая и сложная комбинация образов городских и деревенских».

Как образец смычки он приводит такие стихи:

Полюбил я
Леса хмельно-кудрявые,
Полюбил я,—
Луга заливные.
Полюбил.—
Но люблю я и город,
И железо,
И сталь,
И гранит.
Я хотел бы
В лесах хмельнокудрых,
Я хотел бы
В лугах заливных
Видеть травы живые заводов(?)
Видеть
Тысячи солнц городских.
Ой ты, бор,
Ой ты, дол,
Ой ты, сталь,
И гранит,
И железо,
Перемешались вы в сердце моем,
Захлебнулся я вами.

Похваливая это плохое стихотворное упражнение, Лелевич рекомендует его рабочим писателям, как образец стихов со смычкой. Но мы обращаем внимание их на то обстоятельство, что поэт в конце концов захлебнулся железом и гранитом и даже бором (так ему и надо. *В. Д.*) и предостерегаем наших рабочих писателей от такого опасного занятия, как стихи с напостовской смычкой.

Напостовский рецепт писания стихов и рассказов со «смычкой» очень прост. Надо взять рабочие и крестьянские предметы, например, избу и станок, сено и долото и т. д. и сомкнуть их на бумаге таким образом, чтобы получилось возвышенное настроение. Затем все это надо полить «красотой». И тогда получится отличное стихотворение, вполне смычковидное и весьма полезное

как пролетариату, так и крестьянству. Поэтому писателю совсем не требуется знать ни рабочего быта, ни крестьянского. Любой парень, который немножко наловчился у напостовцев по части «красоты», может взять фабричную комсомолку Машу, сосватать ей деревенского кудрявого Яшу и взбрызнуть их «красотой атласных трав и бархатных нив, чтобы в такой роскошной природе они могли смыкать железо города с деревенскими лугами, на которых крестьяне бодро смыкают свои ряды с рядами пролетариата.

Смычка имеет, между прочим, одно хорошее качество: не любит, чтобы ее опошляли. За это она мстит, но, к сожалению, не Лелевичам, а рабочим авторам подобных стихов, мстит тем, что опошляя ее, они становятся авторами пошлости. Если бы наши рабочие писатели пошли по этому напостовскому пути, то нашей рабочей литературе грозила бы опасность выродиться в ходульный обывательский романтизм. И мы обязаны энергично предостеречь от этого рабочих писателей, особенно писательский молодняк. Романтизма у них и темперамента и без того достаточно, и нечего натаскивать себя на планетарные выси; а смычка—слишком серьезная вещь, чтобы походя лапать ее и по будням и по праздникам только из-за того, чтобы написать стихи в пятнадцать строк.

Только наивные люди да те, кто желает использовать смычку для побочных цеховых целей,—могут представлять ее так, что она появляется в результате арифметического сложения рабочих и крестьянских возгласов. На самом же деле смычка много серьезнее и идет совсем в другом порядке.

Смычка в художественном творчестве есть общий политический установ художника, определенный угол зрения, под которым художник ищет, выбирает и творчески организует материал. Если такой установ имеется, если писатель ясно представляет себе природу смычки, ее роль в революции и в классовой борьбе и ее значение в нашем строительстве и в быту, если он умеет этот политический язык перевести на язык образов,—то смычка и будет определять его творчество, всякий раз в той мере, в какой это об'ективно требуется. Можно легко обойтись без сохи и шелковых лугов, без железа и гранита, а в особенности без «тонких и сложных комбинаций», а стихи будут пахнуть смычкой точно так же, как стихи писателя с революционным установом пахнут революцией, хотя там нет ни революционной номенклатуры, ни революционного визга.

Но для того, чтобы художественно овеществить смычку, необходимо еще одно непременное условие: нужно знание быта—рабочего и крестьянского. Поэтому если рабочий писатель не знает крестьянского быта, или крестьянский писатель не знает рабочего быта, то смычки в их произведениях не будет и быть не может. А между тем этим элементарным вопросом у нас до сих пор никто не интересуется.

Таковы основные вопросы проблемы рабочего писательства. И мне кажется, что их пора уже осветить в нашей общей и партийной печати. Пора ввести нашего рабочего писателя в общую систему нашей литературы.

Н. Попов.

По поводу „Ответа на ответ".

«Ответ ли это, полно?!»

I.

Прежде всего спешу категорически отвести новое «обвинение», выдвинутое против меня Эм. Газом в его «Ответе на ответ». Мое «неудовольствие» его рецензией на книгу «Очерк истории РКП» Эм. Газ об'ясняет тем, что рецензент не проявил стремления «понравиться» автору книги. «Неудовольствие» автора при этих условиях Эм. Газ считает «естественным». Не знаю, на чей аршин меряет он. Что касается меня, то я не претендовал и не претендую ни на какое особое расположение Эм. Газа.

Против чего я решительно протестовал в № 5 «Большевика»? Против огульного и бездоказательного пришивания мне таких взглядов, которых я никогда не защищал и не мог защищать, как марксист и коммунист. Если помнит читатель, Эм. Газ в своей рецензии («Большевик» № 3) выдвинул (не касаясь пока частностей) два «обвинения».

«Обвинение» первое. (По вопросу об интеллигенции).

«Вся беда тов. Попова... заключается в том, что он рассматривает интеллигенцию, как какую-то особую самодовлеющую силу, в борьбе за свои собственные интересы (курсив мой. *Н. П.*) опирающуюся и использовывающую то тот, то другой класс».

И несколькими строками выше:

«Это не марксизм, а какое то своеобразное воскрешение «блаженной памяти лавризма» («Большевик» № 3, стр. 27).

«Обвинение» второе. (По вопросу о крестьянстве).

«Методологическая ошибка нашего автора (т.-е. меня. *Н. П.*) та же, что отмеченная нами (т.-е. Эм. Газом) по вопросу об интеллигенции: сплошная постановка вопроса о крестьянстве, как целом, приводит тов. Попова к неразличению цветов внутри этого, якобы единого, крестьянства. Между тем, различное отношение партии пролетариата к различным слоям крестьянства на различных этапах исторического развития всегда составляло характерную и отличительную черту большевизма» (там же).

Несколькими строками ниже автор рецензии (на этот раз справедливо) замечает, что взгляд, зачислявший крестьянство сплошь и во все времена в лагерь революции, т.-е. взгляд, приписываемый Эм. Газом мне, составляет неот'емлемую собственность партии эсеров. Мы к этому можем добавить, что и лавристская оценка интеллигенции, как самодовлеющей силы, отождествляемая Эм. Газом с моей, также составляла и составляет отличительную особенность мировоззрения той же самой партии социалистов-революционеров.

В № 7—8 «Большевика» Эм. Газ отвечает мне длиннейшей статьей, в которой пытается по всем пунктам доказать свою стопроцентную правоту. Посмотрим, как это у него получается.

Начнем с интеллигенции. Эм. Газ продолжает упорно утверждать («Большевик» № 7—8, стр. 70), что мне свойственно «лавристское представление об интеллигенции». С другой стороны, по его изложению у меня получается, что интеллигенция, как самодовлеющая сила борется за свои интересы, используя то тот, то другой класс. Где здесь логика у нашего почтенного критика, я не знаю? Лавров никогда не держался того мнения, что интеллигенция борется за свои интересы. Он считал ее внеклассовой силой, отстаивающей интересы всего общества в целом.

Может быть под особой самодовлеющей силой Эм. Газ понимает класс. Однако, он не укажет в моей книге ни одного места, где бы шла речь об интеллигенции, как об особом классе. Все время я говорю о мелко-буржуазной интеллигенции, о «мелко-буржуазной промежуточной группе» (см., например, стр. 26 книги). Насколько можно считать такую интеллигенцию «самодовлеющей»? [1]). Как может Эм. Газ приписывать мне, что я считаю мелко-буржуазную интеллигенцию независимой (иначе, что означает самодовлеющая?) от мелкой буржуазии?

Конкретно, если говорить о народнической интеллигенции 70-х годов, я привел уже в № 5 «Большевика» две цитаты (мог бы привести больше), говорящие о неразрывной органической связи мелко-буржуазной интеллигенции данного периода с мещанством и крестьянством. Не значит ли это, что в результате указанной связи мелко-буржуазная народническая интеллигенция 70-х годов через призму своих групповых интересов отражала и выражала интересы мелких производителей? В чем бы иначе могла заключаться, многократно констатированная мной, ее мелкобуржуазность? Ведь мелкая буржуазия состоит из мелких производителей.

Против приведенных мной в № 5 «Большевика» цитат из книги, устанавливающих абсолютно недопускающую сомнений связь мелко-буржуазной интеллигенции с мелкой буржуазией, Эм. Газ, обвинявший меня в отрицании этой связи, абсолютно ничего не может сказать. Ему остается только задать претендующий на иронию вопрос, почему в тексте книги у меня постоянно подчеркивается в изложении, относящемся к народничеству, слово «интеллигенция», а в ответе на рецензию слово «крестьянство».

По очень простой причине, мой почтеннейший критик. Мелко-буржуазная народническая интеллигенция выражала интересы широких масс мелкой буржуазии (в первую голову—крестьянства) не непосредственно, а через призму своих групповых интересов. Отсюда та известная оторван-

[1]) По отношению к интеллигенции это слово ни разу не употребляется у меня в книге.

ность революционного народничества 70-х годов от народа, которая представляет совершенно непререкаемый факт и главную трагедию революционного движения 70-х годов. Никто не говорит об этом более ясно, чем В. И. Ленин в своей речи по поводу 12-летия революции 1905 года к швейцарской рабочей молодежи.

«С того момента (с 1825 года) и до 1881 года, когда Александр II был убит террористами, во главе движения (революционного, *Н. П.*) стояли интеллигенты из среднего сословия... Своей непосредственной цели—пробуждения народной революции—они не достигли и не могли достигнуть»... (см. сочинения Ленина т. XIV).

«Поскольку «студент» (так крестьяне называли революционеров. *Н. П.*) принадлежал к среднему сословию, к ученым и господам, он был чужд народу» (там же).

Вот эту-то характерную и для нашего времени мало понятную черту революционного движения 70-х годов приходилось подчеркивать мне, подчеркивая слово «интеллигенция».

Связь революционного народничества 70-х годов с крестьянством представлялась для меня (и как мне казалось, для читателя) настолько очевидной, что ни в каком подчеркивании и курсиве не нуждалась.

Потребность опереться на крестьянство в борьбе с самодержавием не была единственной причиной крестьянского уклона народнического социализма 70-х годов, как хочет приписать мне Эм. Газ. Я уже указывал на другую причину, на то, что народники 70-х годов были «плоть от плоти, кость от кости тех общественных слоев, откуда они вышли: мелкого мещанства, крестьянства, чувствовавших на себе всю тяжесть полицейско-бюрократической машины». Это значит, что революционная интеллигенция 70-х годов выражала не только свое недовольство самодержавным строем, но и недовольство основных мелкобуржуазных масс (мещанства и крестьянства); это и есть то представительство мелких производителей (ведь само собой разумеется, мелко-буржуазная интеллигенция представляет мелкую буржуазию), о котором говорил В. И. Ленин в цитате, приводимой Эм. Газом. Мы должны констатировать, что в своем «Ответе на ответ», как и в своей рецензии, Эм. Газ не привел решительно никаких достойных внимания аргументов в пользу того, что я разделяю лавристское, т.-е. эсеровское представление об интеллигенции и считаю ее самодовлеющей силой.

Ему ничего больше не остается, как сделать новое открытие, которое он выдвигает теперь в качестве решающего козыря.

«В то время, как для всякого марксиста вопрос о классовой природе той или иной партии решается анализом всей суммы ее теоретических идей и, главное, практических действий, для Н. Попова этот вопрос без остатка (курсив наш. *Н. П.*) решается только анализом социального состава участников и деятелей этой партии («Большевик» № 7—8, стр. 71).

На протяжении всей моей книги, в чем легко убедиться каждому добросовестному читателю, я рассматриваю и анализирую идеи и действия политических партий, а не только их социальный состав.

Перехожу к моим разногласиям с Эм. Газом по вопросу о легальном марксизме. Одним из коренных недостатков нашего критика является пристрастие к схемам. По отношению к идейной борьбе 90-х годов Э. Газ выдвигает такую схему: революционный марксизм представляет интересы пролетариата, легальный марксизм—буржуазии, а народничество—мелкой буржуазии. Исходя из этой схемы, он видит в борьбе легального марксизма и народничества противоположность интересов капитала и труда (мелких производителей)...

Я считаю, что поставить голый знак равенства между идеологией легального марксизма и интересами капитала, хотя бы и под марксистской фразеологией, значит пойти по пути вульгарного упрощенства. Простые идеологи капитала, какими бы «учеными» или «идейными» они ни были, ни в какой марксистской фразеологии не нуждались бы. Ни среди купцов и промышленников, хотя бы и самых образованных, ни среди верхушки дипломированной интеллигенции не имели успеха легальные марксисты (здесь у них были лишь отдельные сторонники), а среди массы городской демократической интеллигенции, и в частности той ее части, которая стояла близко к развивающемуся капитализму. Она представляла собой своеобразную прослойку между пролетариатом и крупной буржуазией. В мировоззрении этой-то массы мы и видим смесь марксизма и буржуазной политической экономии, известную под именем легального марксизма.

Легальный марксизм, говорит тов. М. Н. Покровский, был попыткой приспособить учение Маркса к запросам и потребностям массы русской интеллигенции.

...«Промышленный под'ем конца XIX века дал огромный толчок развитию интеллигенции в России, а промышленный кризис должен был сильно отразиться на ее настроении.

Эта связь интеллигенции с промышленным капиталом была той основой, на которой развивался легальный марксизм. Массе будущих инженеров, техников и экономических работников, статистиков и финансистов нужна была идеология, которая бы осмысливала их общественную роль, оправдывала бы их существование в собственных глазах» (М. Покровский. «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, вып. I, стр. 65).

Эта масса не была принципиально враждебной социализму и поэтому-то легальный марксизм не поворачивался спиной к социализму, иначе не был бы возможен временный блок легальных марксистов с революционными. Отворачиваясь от «ортодоксии», от идей революционного преобразования капиталистического общества, легальный марксизм вовсе не высказывался против врастания социализма в капитализм.

Разумеется, я ни в коем случае не хочу отрицать, что при помощи легального марксизма буржуазия пыталась укрепить свое влияние также и на пролетариат. Такова судьба не

одного только легального марксизма. То же было впоследствии с экономизмом, меньшевизмом. То же происходит сейчас с европейскими социал-демократическими партиями.

Признание мелко-буржуазной (городской) интеллигенции основной социальной базой легального марксизма отнюдь не мешало мне писать на странице 28 своей книги:

> «Буржуазия в начале 90-х годов с появлением марксистских идей на русской почве, с широким распространением этих идей в легальной журналистике, чрезвычайно умело и ловко использует марксизм и превращает его из революционного учения рабочего класса в прикрытие для проведения собственной классовой точки зрения. Она берет у марксизма только одно—экономическое оправдание и обоснование развития капитализма в России».

Не подлежит никакому сомнению факт широкого использования в России 90-х годов марксизма в интересах капитала, в интересах выработки чисто капиталистической идеологии. И все же нельзя видеть в легальном марксизме только интересы капитала. Ставши на этот скользкий путь, мы придем вслед за Эм. Газом [1], к превращению борьбы марксистов с народниками (как известно, легальные и революционные марксисты держали блок против народников) в борьбу капитала с трудом [2]. А это бросает совершенно ложный свет на позицию революционного марксизма в этой борьбе [3]).

II.

Перейдем к вопросу о крестьянстве. Как видно из приведенной выше цитаты, Эм. Газ еще в своей рецензии приписал мне точку зрения на крестьянство, как на сплошное целое.

---

1) В какое болото попадает Эм. Газ со своей трактовкой легального марксизма, как идеологии крупной буржуазии, видно из того, что он пишет о Струве:

«Конечно, между Струве 1894 года и Струве 1905 года — большая разница. В 1894 году Струве был буржуазным либералом в зародыше, но из этого еще не следует, что он не был буржуазным либералом еще и тогда» (?!!) («Большевик» № 7—8, стр. 75).

Разумеется, Струве 1894 — 98 года — автор доклада русских с.-д. Лондонскому международному социалистическому конгрессу по аграрному вопросу и автор манифеста I с'езда, не был еще либералом, идеологом крупной буржуазии. Он был нашим буржуазно-демократическим попутчиком, которого Ленин в статье «Экономическое содержание народничества» обвинял не в буржуазном либерализме, а в недостаточном отмежевании от него. Поэтому Ленин назвал Струве буржуазным демократом. Или Эм. Газ не понимает разницы между либералом и демократом?

2) Ленин в предисловии к сборнику «За 12 лет» отмечает, как в интересах общей борьбы с народниками он смягчал свою полемику с легальными марксистами.

3) В своем ответе на рецензию Э. Газа я изложил его схему, по которой выходит, что легальные марксисты исходили из интересов капитала, а народники из интересов труда (плохо понятых и еще хуже защищаемых). Эм. Газ находит, что я исказил его мысль, я не сказал, что легальный марксизм интересы капитала защищал под прикрытием марксистской фразеологии (под какой же еще фразеологией он мог защищать, если это был «марксизм»), а народники защищали интересы не просто труда, а труда мелких производителей. Но ведь это само собой ясно. Я же не приписываю Эм. Газу взгляда, что народники защищали интересы рабочих. Если бы наш почтенный критик так «искажал» меня, как бы было хорошо и как бы от этого выиграли читатели «Большевика».

Придется начать с революции 1905—6 года. Что являлось характерным для этой революции? Борьба всего крестьянства против царизма и помещичьего землевладения. Вот почему наша партия говорила о поддержке крестьянского движения в целом, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Я не касаюсь здесь вопроса о самостоятельной организации сельско-хозяйственного пролетариата, хотя бы по той причине, что наша партия никогда не считала сельско-хозяйственный пролетариат частью крестьянства, как социальной группы. В крестьянстве и прежде партия видела три основных слоя: кулацкую верхушку, середняка и бедняка (имеющего, однако, в отличие от пролетария средства производства) [1]). И против помещиков выступали все эти три слоя, при чем в частности очень активно выступало кулачество... Вот почему политическое расслоение крестьянства еще не получило актуального выражения в революцию 1905—6 годов. Партия считала, что пролетариат (в том числе и сельско-хозяйственный) должен итти вместе со всем крестьянством до определенного момента. Когда этот момент наступит, партия отчетливо видела. Она связывала его с перерастанием буржуазно-демократической революции в социалистическую. С наступлением этого момента пролетариат должен был итти дальше вместе с деревенской беднотой против городской и деревенской буржуазии.

Этот взгляд партии на крестьянство во время революции 1905—6 года я излагаю в своей книге.

По Эм. Газу выходит другое. По Эм. Газу я считаю, что крестьянство в целом должно остаться союзником пролетариата и после доведения буржуазно-демократической революции до конца и после превращения ее в революцию социалистическую.

На каком основании? В рецензии Эм. Газ привел в подтверждение одну цитату из моей книги, оказавшуюся на поверку, однако, произведенной «искусственно» [2]). Что же у него остается?

---

1) Известно, что политика расслоения деревни после Октябрьской революции проводилась не организациями с.-х. рабочих, а беднейших крестьян (комбеды и комнезамы на Украине).

2) Я писал: «В газете «Вперед» Ленин поместил ряд статей, в которых доказывал, что крестьянство в настоящей революции является самым надежным и верным союзником пролетариата в то время, как либеральная буржуазия, заинтересованная в соглашении с царизмом, имеет все основания бояться доведения революции до конца, потому что наша революция в случае своего успеха будет прологом революции социалистической».

Эм. Газ земенил набранное курсивом место (оно набрано курсивом и в книге) многоточием. Получилось, что крестьянство в целом является надежным и верным союзником пролетариата, потому что наша революция будет прологом революции социалистической, иными словами, что крестьянство в целом активно заинтересовано в социализме

В том, что я обратил внимание читателей на это, совершенно недопустимое искажение, в лучшем случае являющееся результатом преступной небрежности, Эм. Газ видит «фальшивый морализм» с моей стороны. Пожалуй, это было бы смешно, если бы не было так грустно. Остается только развести руками и сказать: о нравы! Впрочем и теперь Эм. Газ только допускает, что он меня неправильно понял (!?) Ему до сих пор неясно, что означает следующая за приведенной цитатой фраза: «крестьянская масса не имеет оснований бояться социализма».

Эта фраза означает возможность благожелательного или даже простого нейтралитета крестьянской массы к непосредственной борьбе про-

Не довольствуясь дезавуированием цитаты, выставленной главным аргументом в устах критика в пользу приписываемого им мне антиленинского взгляда на крестьянство, как на сплошное целое, являющееся союзником пролетариата и во время демократической и во время социалистической революции, я привел два места из книги (Ленинские цитаты), по которым видно, что я стою на совершенно другой точке зрения.

Как отвечает мне Эм. Газ? Не приводя этих мест, а только излагая их своими словами (насколько правильно, мы сейчас увидим), Эм. Газ авторитетно раз'ясняет, что приведенные мной цитаты не имеют никакого отношения к делу. «Первая цитата из Ленина. *Н. П.*), заявляет Эм. Газ,—относится к вопросу о необходимости участия социал-демократии во временном революционном правительстве» («Большевик», № 7—8, стр. 78). Оказывается нашему критику далеко не всегда можно верить на слово. Цитата говорит следующее:

> «При условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота».

Как видит читатель, цитата имеет самое прямое и непосредственное отношение к интересующему нас вопросу, т.-е. перерастанию демократического переворота в социалистический. Не сплошное крестьянство фигурирует здесь как союзник пролетариата в деле социалистического переворота, а деревенская беднота. Что говорит теперь вторая цитата?

> «Когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, тогда мы подменим лозунг демократической революции лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т.-е. полного социалистического переворота»[1].

Очевидно, что отношение пролетариата к крестьянству не останется неизменным после доведения до конца демократической революции, а изменится в корне, поскольку в результате осуществления демократической диктатуры пролетариата и крестьянства будет выставлен лозунг социалистической диктатуры пролетариата.

Если бы Эм. Газ действительно хотел проследить по моей книге на фактах различную тактику нашей партии по отношению к различным слоям крестьянства, ему бы лучше было взять не революцию 1905—6 г.г., а позднейший период.

В революционном крестьянском движении 1905—6 г.г. принимали участие все слои крестьянства до кулачества включительно. Только к концу 1906 года, когда неуспех массового движения более или менее обозначился, зажиточная верхушка деревни начинает отставать. Она бросается скупать помещичьи, казенные и удельные земли, которые до сих пор надеялась получить даром, пользуется законом о выделе из общины (9-е ноября 1906 года). Именно с того времени в деревне обостряется внутренняя классовая борьба, становится довольно массовым явлением поджог кулацких усадеб.

летариата за социализм после победы демократической революции, но во всяком случае не «социалистичность» крестьянской массы, которую (социалистичность) Эм. Газ во что бы то ни стало хочет мне приписать.

[1] Курсив в обоих цитатах мой. *Н. П.*

С этим связана столыпинская аграрная политика «ставка на сильных», являющаяся одним из характернейших моментов в истории нашей страны между двумя революциями. С точки зрения Эм. Газа я со своим взглядом на крестьянство, как на сплошное целое, конечно, должен был бы пройти мимо этого момента.

Между тем, на странице 138 книги я говорю о столыпинской аграрной политике, «ориентации на кулачество, политике предоставления кулачеству права выхода из общины, преимущественного права на получение лучших наделов из общинных земель, выхода на хутора с соответствующими льготами со стороны правительства. Эта политика твердо проводилась царским правительством при полной политической поддержке государственной думы. Этим путем правительство стремилось обеспечить за собой хотя бы незначительный верхний слой кулачества, что ему до известной степени удалось».

Дальше, на 140 стр. я говорю, что поворот кулацких слоев крестьянства к правительству до известной степени отразился на тактике партии социалистов-революционеров, явившись одной из причин появления в этой партии ликвидаторского течения. На той же странице я так характеризую политическое настроение крестьянства в первые годы контр-революции:

> «Кулацкие элементы до некоторой степени удовлетворяются политикой Столыпина—возможностью скупки государственной, удельной, части помещичьей земель и грабежа общинной земли. Масса среднего и беднейшего крестьянства после свирепой расправы с ней в 1906—7 г.г. продолжает находиться в состоянии политической апатии».

На стр. 149, излагая вкратце резолюцию декабрьской конференции 1908 года о политическом моменте, я отмечаю указанный в ней факт «привлечения царизмом на свою сторону кулацких верхушек крестьянства». Все это прошло мимо глаз Эм. Газа.

Возьмем Октябрьский и ближайший после Октября период. Эм. Газ продолжает утверждать, что я извратил природу комбедов, написавши, будто бы они занимались только экспроприацией хлеба. Я привел другую цитату из книги, в которой сказано, что комбеды были органами экспроприации кулацких излишков (стало быть не только хлеба). Но если бы даже Эм. Газ был целиком прав, если бы я действительно говорил, что комбеды решительно ничем не занимались, кроме выкачки хлеба, разве эта выкачка не являлась актом ожесточенной классовой борьбы внутри крестьянства и ярким доказательством различного отношения партии к различным слоям крестьянства.

А восстания в деревне, возглавлявшиеся кулачеством, о которых говорится на стр. 234 и 238 моей книги?

И далее ставка на середняка, о которой пространно рассказывается в конце 12 и начале 13 главы (я абсолютно лишен сейчас возможности списывать оттуда целые страницы). Наконец, возьмем последнюю страницу книги (293), где речь идет о XIV партконференции, о сплочении бедняка и середняка против растущего кулачества и т. д.

Меж тем Эм Газ пишет:

«Различное отношение партии к различным слоям крестьянства на различных этапах исторического развития осталось совершенно (курсив наш. *Н. П.*) не освещенным в книге Н. Попова».

В заключение этой части статьи позволю себе сказать несколько слов по возникшему у нас с Эм. Газом спору об отношении к крестьянству меньшевиков. Я уже указал выше на пристрастие нашего критика к абстрактным схемам. Принимаясь за составление этих схем, он каждый раз по какому-то фатальному сцеплению обстоятельств скатывается к упрощенчеству.

В рецензии на мою книгу Эм. Газ строит такую схему. Эсеры сплошь зачисляли крестьянство в лагерь революции, меньшевики «сплошь зачисляли крестьянство в лагерь реакции», большевики же в различное время различно относились к различным слоям крестьянства. Речь идет о революции 1905—6 г.г.

Эм. Газ выбросил против меня в качестве смертельного снаряда следующую цитату из В. И. Ленина:

> «Особенность русского оппортунизма в марксизме, т.-е. меньшевизма в наше время (курсив мой. *Н. П.*) состоит в том, что он связан с доктринерским упрощением, опошлением, извращением буквы марксизма, изменой духу его. Воюя с народничеством, как с неверной доктриной социализма, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически-реальное и прогрессивное содержание народничества, как теории мелко-буржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерального, помещичьего, капитализма американского против капитализма прусского. Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «Общественное Движение»), что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что диктатура пролетариата и крестьянства противоречит всему ходу общественного развития».

Цитата на самом деле принадлежит Ленину и как-будто бы должна сразить меня на месте. Эм. Газ приводит выдержку из моей книги, в которой сказано:

> «Меньшевики заявляли: мы стоим за самостоятельную классовую линию пролетариата, мы против об'единения с крестьянством — крестьянство есть сила полуреакционная; крестьянство в конце концов выступит против нас» («Большевик» № 7—8, стр. 79).

Перед нами резолюция всероссийской меньшевистской конференции 1905 года о работе среди крестьян. Могли ли меньшевики зачислять крестьянство «сплошь» в лагерь реакции и в то же время работать среди него? [1]). Что говорится в резолюции? С одной стороны, говорится о необходимости «разоблачать реакционные иллюзии крестьянства», с другой стороны, заявляется, что «социал-демократия поддерживает всякие попытки крестьян к насильственному захвату земель».

---

[1]) А у меньшевиков как раз были довольно сильные организации среди крестьянства в Грузии и на Украине (Спілка).

На Стокгольмском (IV) с'езде резолюция об отношении к крестьянскому движению была принята единогласно. Большевики, стало быть, признали ее для себя в общем и целом приемлемой. Могло ли это быть, если бы меньшевики «сплошь зачисляли крестьянство в лагерь реакции». Мы знаем, что после разгона первой думы ЦК, избранный на Стокгольмском с'езде и состоявший в большинстве из меньшевиков, подписал обращение «ко всему российскому крестьянству» с призывом к восстанию. Считая крестьянство «сплошь» реакционной силой, он мог бы с одинаковым основанием обратиться с таким призывом и к помещикам?

«В царстве датском что-то гнило». Что-то у Эм. Газа неладно...

В то же время совершенно бесспорно, что меньшевики в 1905—6 г.г. ориентировались на либеральную буржуазию, как на главного союзника пролетариата, и очень много говорили о реакционных чертах крестьянского движения. Какой будет правильный, а не вульгарный вывод? Тот, что меньшевики недооценивали революционного значения крестьянского движения и переоценивали его реакционные черты (сами по себе не отрицавшиеся и большевиками).

Отношение меньшевиков к крестьянству в 1905—6 г.г. страдало двойственностью и половинчатостью [1]). Для них крестьянство было полуреволюционной, полуреакционной силой.

Сказать, что меньшевики считали крестьянство «полу-реакционной силой» и сказать, что меньшевики «сплошь» (курсив мой. *Н. П.*) зачисляли крестьянство в лагерь реакции», значит сказать две вещи абсолютно разные.

Ну, а как же обстоит дело с цитатой из Ленина? Успокойтесь, читатель, совсем не страшно.

Статья, из которой взята цитата, называет идею реакционности крестьянского движения, которая пропитывает весь сборник «Общественное Движение» «чудовищной, идиотской, ренегатской».

Ренегатством называется отступничество от прежних взглядов. «Общественное Движение» вышло в 1909 году (первый том), когда меньшевики решительно повернулись к прямому ликвидаторству, занявшись переоценкой всех ценностей и в том числе своего собственного прошлого...

Именно в сборнике «Общественное Движение», из-за которого порвал с меньшевиками Плеханов, меньшевики окончательно похоронили идею гегемонии пролетариата в революции. И само собой разумеется, отряхнув от своих ног остатки революционного праха, взявши курс на врастание в столыпинскую легальность, отказавшись от подпольной партии и подпольной работы, меньшевики должны были ренегатски осветить революционное крестьянское движение в прошлом, как движение реакционное. И это была

---

[1]) Как и вся их политика постоянных колебаний между линией рабочего класса и линией либеральной буржуазии.

одна из причин, которая сделала для них невозможным пребывание в одной партии с большевиками [1]).

У нас же с Эм. Газом, что я специально оговорил, речь шла о меньшевизме 1905—6 годов.

Закончу эту часть статьи цитатой:

«Теперешнее ликвидаторство, ушедшее из партии, отряхнувшее свой прах от подполья, сплотившееся в прочный антипартийный центр легальных журналистов, либеральных и ликвидаторских газет (одним из первых дел этого «центра» и был выпуск сборника «Общественное Движение». *Н. П.*), снятое с постов рабочими во всех и всякого рода рабочих организациях и обществах,—сравнивать это ликвидаторство с меньшевизмом 1903—7 г.г., значит давать себя оглушать и ослеплять старыми кличками и именами, звоном старых фраз, значит ровно ничего не понимать в 10-летней эволюции классовых и партийных отношений России» (курсив мой *Н. П.*).

Автор цитаты—Ленин (т. XII, стр. 483), она бьет не в бровь, а в глаз Эм. Газа, который ликвидаторски-ретроспективный взгляд на крестьянское движение, как на реакционное, приписал меньшевизму эпохи революции 1905—07 г.г., соблазнившись желанием построить хорошую схему.

III.

Обращаюсь теперь к последнему пункту наших разногласий с Эм. Газом: взглядам большевиков и меньшевиков на профессиональные союзы во время Стокгольмского (IV) с'езда. Здесь некоторый интерес представляет история разногласий. Она чрезвычайно ярко характеризует манеры нашего критика. Начнем с того, что он по этому вопросу написал в рецензии.

Он процитировал следующее место моей книги:

«По вопросу о профсоюзах на с'езде (IV) была принята меньшевистская резолюция. Меньшевики считали, что профессиональные союзы должны быть нейтральными и совершенно независимыми от партии».

И добавил к нему следующее:

«Как известно, на IV с'езде этой точки зрения (т.-е. нейтральности и совершенной независимости от партии. *Н. П.*) держались и большевики. Резолюция о профсоюзах, внесенная на с'езд комиссией, куда входили представители обоих фракций, была принята с'ездом единогласно. Только (курсив мой. *Н. П.*) на Лондонском с'езде наша партия становится на точку зрения «теснейшего сближения союзов с партией».

Итак запомним. Эм. Газ, автор рецензии в № 3 «Большевика», считал, что: 1) по вопросу о профсоюзах большевики на Стокгольмском с'езде стояли на одной позиции с меньшевиками, а именно на позиции нейтральности и независимости профсоюзов; 2) только на Лондонском с'езде (стало быть не раньше) партия стала на путь теснейшего сближения с союзами.

Что мне оставалось сказать после этого?

Я привел заключительный пункт резолюции, предложенной большевиками Стокгольмскому с'езду, который говорит не о нейтральности профсоюзов, а о партийном руководстве ими. Поскольку Эм. Газ в своем длиннейшем ответе по какой-то странной случайности ни словом не касается этого пункта, считаю необходимым привести его еще раз:

«Партия всеми мерами должна стремиться к тому, чтобы воспитывать участвующих в профсоюзах рабочих в духе широкого понимания классовой борьбы и социалистических задач пролетариата, чтобы завоевать в своей деятельности фактически руководящую роль в таких союзах, и, наконец, чтобы эти союзы могли при известных условиях прямо примыкать к партии, отнюдь однако не исключая из своего состава непартийных членов» (см. сочинения Ленина, т. VII, ч. 2-я, стр. 176).

В Стокгольмской резолюции этот пункт отсутствует. Там ничего не говорится о том, чтобы партия завоевала фактически руководящую роль в союзах, чтобы союзы при известных условиях могли прямо примыкать к партии. Этот пункт заменен «гораздо более туманной и расплывчатой формулировкой о том, чтобы органически в агитации и борьбе связать союзы с партией» (речь идет, т. е., только о контакте).

Приведем Лондонскую резолюцию о профсоюзах. Она коротка:

«Подтверждая резолюцию об'единительного (Стокгольмского. *Н. П.*) с'езда о работе в профсоюзах, с'езд напоминает партийным организациям и социал-демократам, работающим в профсоюзах, об одной из основных задач социал-демократической работы в них—содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установлению организационной связи с ней и необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь» [1]).

Ленин призывал верить только фактам и документам. Я приглашаю читателей сличить эти два документа (Лондонскую резолюцию и последний пункт резолюции, предложенной большевиками в Стокгольме) и убедиться в том, что они говорят буквально об одном и том же: идейном руководстве партии союзами и об их организационной связи. Будучи меньшинством в Стокгольме, большевики не могли это провести, в Лондоне они это провели.

Теперь читатель видит, чего стоит утверждение Эм. Газа, что большевики в Стокгольме по вопросу о профсоюзах стояли на одной позиции с меньшевиками, отклонившими как раз пункт об идейном руководстве и организационной связи, который большевики предлагали в Стокгольме и провели в Лондоне. Послушаем Эм. Газа.

Во-первых, он приводит цитату из В. И. Ленина, в которой последний, говоря при этом лично о себе, заявляет, что

[1]) Ибо признание крестьянского движения реакционным означало отказ от всякого союза с крестьянством, а стало быть, фактический отказ от демократической революции и республики.

[1]) Курсив мой в обеих резолюциях. *Н. П.*

до Лондонского с'езда был сторонником нейтральности профсоюзов [1]). Но ведь известно, что В. И. Ленин расходился иногда с большинством своей фракции по вопросам гораздо более важным, чем вопрос о партийном руководстве профсоюзами в 1906 году, который тогда еще не имел серьезного значения (напомним хотя бы бойкот 3-й Думы). В. И. Ленин в 1905—6 году с огромной осторожностью относился к партийному оформлению широких пролетарских организаций. Главным образом, по его настоянию большевики осенью 1905 года отказались от пред'явленного Питерскому Совету Рабочих Депутатов требования признать руководство социал-демократической партии. Пожалуй, и в начале 1906 года было еще рано пред'являть такое же требование к профсоюзам. Это совершенно другой вопрос. Но факт тот, что вопреки мнению Эм. Газа, большевики, как фракция, уже во время Стокгольмского с'езда стояли на позиции партийного руководства союзами [2]).

Забыв о том, как он писал раньше, что и большевики и меньшевики в Стокгольме стояли на точке зрения нейтральности и что только в Лондоне партия перешла на точку зрения «теснейшего сближения с союзами», Эм. Газ под конец своего «Ответа на ответ» совершенно сбивается с толку и начинает доказывать, что между стокгольмской и лондонской резолюциями нет никакого или почти никакого различия, что в Стокгольме была отклонена нейтральность и что

> «только впоследствии, с поражением революции 1905 года (когда же именно? *Н. П.*) и резким поворотом меньшевиков вправо, последние стали интерпретировать стокгольмскую резолюцию в духе «нейтрализма». (Но ведь стокгольмская-то резолюция была принята тоже после поражения революции 1905 года, удивительно точно выражается наш придирчивый критик. *Н. П.*) [3]).

Совершенно верно, что в Лондоне стокгольмская резолюция была подтверждена, ибо главный недостаток ее, отсутствие пункта о партийном руководстве союзами, был теперь устранен [4]). С этим пунктом стокгольмская резолюция была вполне приемлема. А как встретили меньшевики лондонское «подтверждение» стокгольской резолюции, красноречиво говорит Л. Мартов:

> «Без дебатов, большинством с'езда (Лондонского. *Н. П.*) была принята резолюция, рекомендующая добиваться признания профессиональными союзами идейного руководства партии, а также установления организационной связи с ней. Меньшевистская делегация протестовала против при-

[1]) Это, как мне кажется, и ввело в заблуждение нашего бедного автора и явилось источником всех его злоключений по вопросу о профсоюзах (кстати заметим, что мы никогда не ставили и не ставим знака равенства между нейтральностью Ленина и нейтральностью меньшевиков).

[2]) Хотя и не защищали этой точки зрения достаточно решительно.

[3]) Само собой разумеется, характеризуя меньшевистскую точку зрения на профсоюзы, как категорическое отрицание партийного руководства, я имел в виду определенный период, о котором шла речь (период, когда у нас сложились союзы), а не начало 1905 года, когда союзов еще не было и речь шла об их организации.

[4]) Без этого решающего пункта я имел право рассматривать стокгольмскую резолюцию, как меньшевистскую, несмотря на компромиссный характер некоторых ее формулировок.

> нятия в спешном порядке такой резолюции, которая должна будет дезорганизовать профдвижение внесением раскола с другими социалистическими партиями. Против решения с'езда поднялись протесты руководящих органов профсоюзов («Общественное Движение», т. III. Статья Мартова).

Еще раз напоминаю, что большевики провели в Лондоне только то, чего им не позволило провести меньшевистское большинство Стокгольмского с'езда.

Именно эта ожесточенная кампания меньшевиков (сидевших очень крепко в профсоюзах) против решения Лондонского с'езда, о которой говорит Мартов, заставляла некоторых наших товарищей, работавших в профдвижении, как, например, В. П. Ногин, из чисто-политических соображений всячески смягчать значение лондонского решения, делать ударение на то, что оно подтвердило стокгольмское.

В свое время это было необходимо [1]).

Чтобы совсем покончить с вопросом, стояли ли большевики и меньшевики на одной позиции в вопросах профессионального движения во время Стокгольмского с'езда, я приведу еще Эм. Газу компетентное мнение тоже участника работы того же периода, тов. Невского. На стр. 294 своей «Истории РКП(б)», тов. Невский говорит как раз о начале 1906 года.

> «В области профессионального движения существовали разные взгляды у большевиков и меньшевиков: большевики стояли за создание профессиональных союзов, где было бы явное организационное партийное руководство партийных союзов; меньшевики отстаивали широкую беспартийную организацию союзов, но в общем повсюду возникающие профессиональные союзы признавали руководство социал-демократов».

Это из той книги, которая в качестве одного из основных пособий в нашей партийной учебе рекомендовалась не кем иным, как самим Эм. Газом («Большевик» № 23—24 за 1925 год).

На этом я, пожалуй, и кончу свой затянувшийся разговор с Эм. Газом. Я вынужден был вести его, разумеется, не по своей вине. У меня не было никакого другого желания, кроме желания предохранить себя от недопустимого искажения и хоть по мере сил способствовать тому, чтобы некоторые наши рецензенты с большим вниманием относились к своим читателям.

От редакции.

Заканчивая в настоящем номере „Большевика" полемику по поводу книги тов. Н. Попова „Очерк истории ВКП(б)", редакция отмечает, что, несмотря на наличие в книге некоторых ошибочных и неточных формулировок,—она считает настоящий учебник, в общем и целом, одним из наиболее удачных циркулирующих у нас пособий по истории ВКП(б).

---

[1]) Еще раз спрашиваю: если Эм. Газ согласен с В. П. Ногиным в том, что «дух стокгольмской резолюции... энергичная работа в союзах для установления связи между союзами и партией», то как он мог раньше писать, что «только в Лондоне партия стала на позицию теснейшего сближения союзов с партией».

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

И. СТАЛИН.—Вопросы ленинизма. Гос. Изд-во. Москва—Ленинград. 1926 г., стр. 432.

Эта книга представляет из себя «единый и целостный труд по вопросам ленинизма», дает ленинский ответ на все основные вопросы теории и практики, вставшие перед партией в течение последних лет. В нее входит вторым изданием брошюра т. Сталина «Об основах ленинизма», дополненная последующими брошюрами автора: «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «К итогам XIV партконференции», «Вопросы и ответы» и т. д., в которых освещаются как новые вопросы, возникшие во время последних дискуссий, так и ряд конкретных вопросов нашего строительства: о нэпе, госкапитализме, об отношении к среднему крестьянству и т. д. Так как «последняя дискуссия на XIV партс'езде подвела итог идеологической и строительной работе партии за последний период», то сюда включен, как необходимая составная часть книги, и доклад т. Сталина—«Политический отчет ЦК XIV с'езду ВКП(б)». Книга—сборник, каждая отдельная часть которого является по существу главой, органически связанной с остальными частями. В этом несомненная ценность книги.

Глава «К вопросам ленинизма» (вместо предисловия) подводит итог важнейшим вопросам ленинской теории, по которым имелось расхождение с вождями новой оппозиции, и вскрывает основные теоретические ошибки последней, начиная с вопроса определения ленинизма, вопроса о том, что является главным в ленинизме, вопроса о победе социализма в одной стране, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата и кончая вопросом о соотношении партии и рабочего класса в эпоху пролетарской диктатуры. Особенный интерес представляет собою трактовка последней проблемы.

Тов. Сталин дает в разборе последней проблемы ответ на вопрос, можно ли ставить знак равенства между диктатурой пролетариата и руководящей ею партией, можно ли, как это делают некоторые товарищи, говорить о диктатуре партии по отношению к рабочему классу.

Диктатура пролетариата есть диктатура класса. Пролетариат осуществляет свою диктатуру через всю систему таких рычагов, приводных ремней, как партия, профсоюзы, советы, кооперация, союз молодежи. Партия является в этой системе «направляющей силой». Ей принадлежит руководящая роль. Она направляет все действия других рычагов к определенной цели. Она есть «высшая форма классового об'единения пролетариата». Партия дает руководящие указания. Но партия не заменяет собою класса. Она есть часть рабочего класса и осуществляет его диктатуру лишь через посредство всех остальных рычагов этой диктатуры. Без советов, профсоюзов и т. д. она не может руководить. Между ней и другими рычагами в системе пролетарской диктатуры существует определенное взаимодействие. «Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии, плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением». «Диктатура пролетариата по об'ему шире и богаче руководящей роли партии. Партия проводит диктатуру пролетариата, но она проводит диктатуру пролетариата, а не какую-либо иную. Кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает диктатуру пролетариата «диктатурой» партии». Отождествить руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, поставить между ними знак равенства нельзя ни в коем случае. Равным образом нельзя противопоставить первую второй. Тут можно говорить не о тождестве этих величин, а о их единстве.

Партия не управляет помимо государственной власти, помимо советов, а только через советы. Она «не может не считаться с волей, с состоянием, с уровнем сознания руководимых, не может сбрасывать со счета волю, состояние и уровень сознания своего класса. Поэтому, тот, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, подменивает волю и действия класса указаниями партии». Партия сильна доверием масс, сильна своей спайкой с массами. Если бы получился разрыв между нею и массами, партия умерла бы естественной смертью. Это не раз бывало в истории. Гарантией жизненности партии является правильность ее политики и тактики по отношению к массам. Она сама учится у масс и вносит известные поправки в свои действия на основании массового опыта.

Затем, «понятие диктатуры пролетариата есть понятие государственное. Диктатура пролетариата обязательно включает в себя понятие насилия. Без насилия не бывает диктатуры, если диктатуру понимать в точном смысле этого слова. Ленин определяет диктатуру пролетариата, как «власть, опирающуюся непосредственно на насилие» (см. т. XVII, стр. 124). Говорить, в виду этого, о диктатуре партии в отношении класса пролетариев и отождествлять ее с диктатурой пролетариата,—это значит говорить о том, что партия должна быть в отношении своего класса не только руководителем, не только вождем и учителем, но и своего рода государственной властью, применяющей к нему насилие. Поэтому, кто отождествляет «диктатуру партии» с диктатурой пролетариата, тот молчаливо исходит из того, что можно строить авторитет партии на насилии, что абсурдно и что совершенно несовместимо с ленинизмом. Авторитет партии поддерживается доверием рабочего класса. Доверие же рабочего класса приобретается не насилием,—оно только убивается насилием,—а правильной теорией партии, правильной политикой партии, преданностью партии рабочему классу, ее связью с массами рабочего класса, ее готовностью, ее умением убеждать массы в правильности своих лозунгов» (стр. 31—32). Насилие осуществляет не партия непосредственно, а государственная власть в лице правящих органов. Партия не есть орган насилия. Кроме того, насилие применяется не к пролетариату, а к его врагам. Затем, «диктатура,—как говорит тов. Ленин,—означает не только насилие, хотя она и невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация». «Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплоататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть» (см. т. XVI, стр. 222).

«Диктатура пролетариата есть: 1) неограниченное законом насилие в отношении капиталистов и помещиков (вообще в отношении всех врагов рабочего класса. *А. С.*), 2) руководство пролетариата в отношении крестьянства и строительство социализма в отношении всего общества» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 303).

Задача партии—не насилие над широкими массами трудящихся, и тем более над рабочим классом, а убеждение большинства рабо-

чего класса и всех трудящихся в правильности ее руководства. «Это не значит, конечно, что партия должна убедить всех рабочих, до последнего человека, что только после этого можно приступить к действиям, что только после этого можно открыть действия. Нисколько...». «Ну, а как же быть с меньшинством, если оно не хочет, если оно несогласно добровольно подчиниться воле большинства? Может ли партия, должна ли партия, имея за собой доверие большинства, принудить меньшинство к подчинению воле большинства. Да, может и должна. Руководство обеспечивается методом убеждения масс, как основным методом воздействия партии на массы. Но это не исключает, а предполагает принуждение, если это принуждение имеет своей базой доверие и поддержку партии со стороны большинства рабочего класса, если оно применяется к меньшинству после того, как сумели убедить большинство» (стр. 39—40). «Прежде всего,—говорит т. Ленин,—убедить, а потом принудить». Это единственная правильная ленинская постановка вопроса о принуждении. Это положение относится, конечно, в первую голову к членам самой партии, как руководящего авангарда, для которого необходимо обеспечение единства действий.

Партия правит только через посредство других основных приводных ремней пролетарской диктатуры. Она дает руководящие указания. Фактическими правителями государства являются сами широкие трудящиеся массы в лице своих представителей в советах. Одной из главнейших задач партии и является втягивание в управление государством широчайших народных масс. Если бы стать на точку зрения отождествления диктатуры пролетариата с руководящей ролью партии, то мы совершенно не могли бы понять такого явления, как политика оживления советов, привлечение громадной массы беспартийных в правящий государственный аппарат и даже замены в некоторых случаях не пользующегося доверием масс партийца беспартийным трудящимся. Мы направляем все усилия к тому, чтобы преодолеть в политике пережитки военного коммунизма, командования, дергания. Мы насаждаем широкую демократию в деревне—в советах, в кооперации, привлекая честных беспартийных работников в руководящие органы. Мы не руководимся политикой важима во что бы то ни стало, мы признаем, что диктатура в различные периоды существования пролетарского государства принимает различные формы, начиная от голого насилия до самых гибких форм воспитательного и экономического характера, особенно характерных для переживаемой нами исторической полосы.

Перед нашей партией встали важнейшие вопросы нашего социалистического строительства, которые требуют конкретного разрешения. Один из таких вопросов есть крупнейший вопрос о «превращении нашей страны из аграрно-промышленной в промышленно-аграрную». XIV с'езд ВКП(б) принял в этом отношении точку зрения ЦК нашей партии, изложенную на с'езде в докладе т. Сталина. Этот доклад безусловно является ценнейшим анализом самых основных вопросов, ставших перед партией в последнее время.

Центральным вопросом настоящего времени является проблема индустриализации нашей страны, выдвинутая на очередь самой жизнью в особенности после XIV с'езда партии, а также вопрос о социалистическом накоплении и режиме экономии. Основные пути были намечены уже т. Лениным в его статье «Лучше меньше, да лучше». Тов. Ленин говорил: «Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы

то ни было излишеств. Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии». «Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то получим возможность ценой величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации». «Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно: с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 138).

Теперь встает вопрос о практическом проведении того, что говорил тов. Ленин. Индустриализация страны означает увеличение удельного веса крупной тяжелой индустрии. Наши заводы и фабрики требуют переоборудования, кроме того, нужно строить новые на высшей технической основе. Для всего этого необходимы средства, нужны машины и т. д. Мы можем надеяться только на свои внутренние рессурсы. Вопрос заключается в том, как добыть необходимые средства, как сделать так, чтобы не попасть в зависимость от капиталистической заграницы, с одной стороны, и добыть максимальное количество средств внутри страны,—с другой, при сохранении отношений прочного союза пролетариата и крестьянства.

Тов. Сталин касается вопроса об индустриализации в своей речи «Вопросы и ответы», произнесенной в Свердловском университете в июле 1925 г. и составляющей одну из ценных частей книги «Вопросы ленинизма». «Сумеем ли мы действительно без иностранной помощи произвести переоборудование и значительное расширение основного капитала крупной промышленности?» Иначе «Возможно ли развитие крупной советской промышленности в условиях капиталистического окружения без кредитов извне?» На этот вопрос тов. Сталин отвечает: «Да, возможно. Дело это будет сопряжено с большими трудностями, придется при этом пережить тяжелые испытания, но индустриализацию нашей страны без кредитов извне мы все же можем провести, несмотря на все затруднения» (стр. 310). Тов. Сталин рассматривает различные пути развития капиталистических стран и доказывает, что ни один из этих путей не применим к нашей стране и нашему строю. У нас остается путь развития крупной промышленности без кредитов извне, без обязательного притока иностранного капитала. У нас имеются колоссальные преимущества перед капиталистическими странами. «Национализированная промышленность, национализированный транспорт и кредит, монополизированная внешняя торговля, регулируемая государством внутренняя торговля,—все это такие новые источники «добавочных капиталов», могущих быть использованными для развития индустрии нашей страны, которых не имело еще ни одно буржуазное государство» (312). Вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства есть основной вопрос проблемы построения социалистического хозяйства. «Некоторые товарищи,—говорит т. Сталин,—склонны отождествлять вопрос о «переоборудовании и расширении основного капитала крупной промышленности» с вопросом о построении социалистического хозяйства в нашей стране. Можно ли согласиться с таким отождествлением? Нет, нельзя. Почему? Потому, что первый вопрос о расширении основного капитала промышленности захватывает лишь часть народного хозяйства индустрию, тогда как вопрос о построении социалистического хозяйства обнимает все народное хозяйство, т.-е. и индустрию и сельское хозяйство, потому что про-

блема построения социализма означает проблему организации народного хозяйства в целом, проблему правильного сочетания индустрии и сельского хозяйства, тогда как вопрос о расширении основного капитала промышленности не задевает даже, строго говоря, этой проблемы» (313). Это обстоятельство игнорируется некоторыми товарищами, которые при разрешении вопроса об индустриализации страны упускают из виду проблему правильного соотношения промышленности и сельского хозяйства, рабочего класса и крестьянства. Одни советуют бросить все на чашку весов сельского хозяйства, не заботясь о промышленности. Другие—все для промышленности, хотя бы во вред развитию сельского хозяйства, хотя бы ценой разорения массы середняцких хозяйств.

Недавно вышла в свет книжка тов. Преображенского «Новая экономика», представляющая собою «опыт теоретического анализа советского хозяйства». «Анализ» пытается доказать, что тов. Преображенский и представляемая им в данном случае оппозиция были правы в своих выводах относительно экономического развития нашей страны и что, следовательно, неверной была общепартийная позиция в этом вопросе.

Здесь, конечно, не место останавливаться на изложении аргументов тов. Преображенского, следует только отметить, что он со своим мнением выступает не впервые и существенно расходится с партией в вопросе об индустриализации. К тому же надо прибавить, что XIV с'езд отверг точку зрения т. Преображенского, равно как и другую точку зрения, защищаемую т. Сокольниковым. Книга т. Сталина будет далеко не бесполезной и в данной связи, ибо читатель найдет ленинскую оценку перспектив индустриализации в «Политическом отчете ЦК ВКП(б)», в «Вопросах и ответах» и отчасти в статье «К итогам XIV партконференции», которая освещает важнейшие вопросы политики нашей партии в деревне.

Статья «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», помещающаяся в сборнике, представляет собою предисловие к книге «На путях к Октябрю». Здесь освещены вопросы о внешней и внутренней обстановке Октябрьской революции, об ее особенностях, дана в этой связи критика теории перманентной революции т. Троцкого, а также освещены особенности тактики большевиков в период подготовки Октября и разработан вопрос об Октябрьской революции, как начале и предпосылке мировой революции.

Немалый интерес представляет собою также статьи «К национальному вопросу в Юго-Славии», «Еще раз к национальному вопросу», относящиеся к характеристике задач секций Коммун. Интернационала, а также небольшая статейка «О задачах комсомола» и речь на собрании студентов КУТВ «О политических задачах университета народов Востока», представляющая собою ценность с точки зрения постановки вопроса о национальной культуре и задач у-та в отношении как к сов. республикам Востока, так и к колониальным странам его. «Лозунг национальной культуры,—говорит т. Сталин,—был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти» (стр. 258).

Книга т. Сталина должна стать настольной книгой ленинца. Она поднимает все важнейшие вопросы ленинской теории в связи с партийными спорами последнего времени и в ясной, отчеканенной форме дает на них ответы.

Можно быть уверенным, что книга найдет себе самое широкое распространение.

А. Степанов.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ХАЛТУРЕ.

Б. Смушков. Хозяйственное строительство СССР. Учебное пособие для совпартшкол. Изд. «Пролетарий», 1926 г., стр. 188.

Рецензируемая работа Смушкова, посвященная сущности советской экономики и экономической политике, представляет из себя, по сути дела, обыкновенную компилятивную работу. Нужда в таком учебнике со стороны совпартшкол есть, несомненно, большая, но, к сожалению, автор в своей работе, особенно в ее вводной теоретической части, дает такую трактовку ряда вопросов, что мы считаем нужным предостеречь от этой книги ее возможных читателей, или, во всяком случае, отнестись к ней сугубо критически.

Теоретическая часть этого «учебного пособия» открывается следующим утверждением: «Из политической экономии мы знаем, что эта борьба (борьба между трудом и капиталом. *С. П.*) основана на том, что все орудия производства находятся в руках капиталистов и рабочие должны продавать свой труд, получая за него заработную плату, которой едва хватает на жизнь». Едва ли кто-либо из знающих политическую экономию может договориться до того, до чего договаривается Смушков. Нам думается, что теперь каждый совпартшколец знает, что Маркс всегда проводил резкую грань между рабочей силой и ее потребительной стоимостью—трудом [1]), что он неоднократно указывал на поверхностное представление вульгарных экономистов, рассматривавших заработную плату, как стоимость труда, и считавших, что рабочий продает свой труд. «Для того,—писал Маркс,—чтобы быть проданным на рынке в качестве товара, труд, конечно, должен существовать до этой продажи. Но если бы рабочий имел возможность дать своему труду самостоятельное существование, он продавал бы созданный трудом товар, а не сам труд». («К.», т. I, стр. 517).

Но смушковское «знание» марксовой политической экономии, которое он сообщает бедным совпартшкольцам, оказывается, впрочем, еще более «углубленным».

«В капиталистическом обществе цель капитал, труд—средство,—вещает Смушков,—в государстве трудящихся должно быть наоборот. Капитал, материальные блага должны быть средством для такой организации труда, когда все трудящиеся счастливы, когда труд не служит источником рабства, принуждения, а дает всем все необходимое».

Таким образом, усилиями тов. Смушкова капитал превращается в логическую категорию, присущую не только капиталистическому обществу, но и государству трудящихся и социалистическому обществу. Какое дело отважному Смушкову до того, что Маркс всегда подчеркивал значение капитала, как исторической категории и неоднократно предостерегал против фетишистического понимания капитала, как совокупности средств производства, материальных благ и т. д. «Если средства производства и существования являются собственностью непосредственного производителя, самого рабочего, то они не представляют капитала. Они становятся капиталом лишь при условиях, при которых они служат в то же время средствами эксплоатации и подчинения рабочего. Но эта их капиталистическая душа соединена столь тесными супружескими узами, в голове экономистов, с их материальной субстанцией, что они при всяких обстоятельствах называют их капиталом, даже при таких условиях, когда они являются прямой противоположностью капитала» («Капитал», т. I). «Капитал возникает лишь там, где владелец средств

[1]) Маркс, «Капитал», т. I, стр. 156, 519.

производства и средств существования находит на рынке свободного рабочего в роли продавца своей рабочей силы (а не труда, уважаемый тов. Смушков. *С. П*), и уж одна эта историческая предпосылка заключает в себе целый мир особого исторического развития» («К.», т. I, стр. 140). Так писал Маркс и так учил Маркс. Не так пишет и не этому учит «учебное пособие» тов. Смушкова. Впрочем, Н. И. Бухарин уже в своей книге «Империализм и накопление капитала» отмечал Смушкова, как «тоже» теоретика, руководствующегося принципом, «смелость города берет». Отвага, с которой Смушков излагает элементарные положения политической экономии, обратно пропорциональна его знаниям.

Впрочем, этим не ограничиваются откровения т. Смушкова. Он сообщает, например, тем же совпартшкольцам, что «выжимая прибавочную стоимость, буржуазия внутри разлагается борьбой, конкуренцией на рынке», что экономическая политика буржуазии «заключается в том, чтобы бороться с мелким капиталом, уничтожить конкуренцию», что буржуазия «стремится к созданию планового хозяйства» и т. д., и т. п.

Но все эти откровения меркнут перед характеристикой т. Смушкова дореволюционной и пореволюционной России.

В главе, посвященной «Экономике России», тов. Смушков приводит длинную выписку из ленинской брошюры «О продналоге» о пяти общественно-экономических укладах нашего хозяйства и сопровождает ее следующим глубокомысленным замечанием: «Эта пестрота от социалистических форм, т.-е. созревших для того, чтобы их можно было положить в основу социалистического хозяйства, и до самых отсталых должна лечь в основу всей хозяйственной жизни» [1]).

Это автор говорит на странице 19, а на странице 20 он же дарит читателя следующим заявлением: «Особенностью России было то, что в ней одновременно существовали и самые развитые хозяйственные формы, которые могли лечь в основу социалистического хозяйства». Таким образом, созревшие для того, чтобы их можно было положить в основу социалистического хозяйства, т.-е., по утверждению самого Смушкова, социалистические формы хозяйства существовали и в дореволюционной царской России! Нужно ли говорить, что надо обладать чувством величайшей безответственности и быть «универсально-безграмотным» тоже «теоретиком» для того, чтобы преподносить всю эту чепуху в виде учебного пособия нашим совпатршкольцам.

Касаясь, «с ученым видом знатока», истории развития капитализма в России, автор поучает: «Но это проникновение капитала не влечет за собою раскрепощения этой деревни, а лишь еще более закрепощает ее». Опять-таки здесь поражает беззаботное игнорирование качественной разницы между крепостнической кабалой и капиталистической эксплоатацией, неуменье разграничить одно от другого. Слов нет, проникновение капитала еще более ухудшало и без того безысходно-тяжелое положение подавляющей массы крестьянства, но это проникновение создавало в русской деревне «двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом» [2]).

«Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев,

[1]) Как пестрота может ложиться в основу хозяйственной политики, предоставляем судить читателю.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 27.

меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии [1]).

Чего стоит, наконец, такой перл: «Противоречие между промышленностью и крестьянством становилась все резче и резче» (курсив мой. *С. П.*). Тот же совпартшколец знает, очевидно, прекрасно о противоречии, «которое глубже всего об'ясняет русскую (бурж.-дем. *С. П.*) революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня—самый передовой промышленный и финансовый капитализм». Но зачем же его запутывать разговорами о противоречиях между промышленностью и крестьянством. Или автор не понимает разницы. Может быть, он подарит нас откровениями о противоречиях между рабочим классом и сельским хозяйством.

Но оставим в покое исторические изыскания «универсально-безграмотного» т. Смушкова и перейдем к тому, как он определяет новую экономическую политику. Здесь тов. Смушков берет реванш перед своим определением экономических форм дореволюционной России и всю экономическую систему СССР зачисляет по ведомству госкапиталистической. Прежде всего несколько слов о том, что понимает сам Смушков под госкапитализмом. «Такая организация хозяйства, которая основана на сращивании государственных органов с крупнейшими капиталистическими предприятиями, на об'единении и поддержке в борьбе с рабочим классом мелкой буржуазии и иностранным капиталом, называется государственным капитализмом». Так пишет Смушков на стр. 13, а на стр. 25, этот же самый Смушков, характеризуя хозяйственную систему нашего Союза, пишет следующее: «Эту новую политику (речь идет о нэпе. *С. П.*) сам Ленин называл условно государственным капитализмом, имея в виду буржуазный государственный капитализм, но внося в него те основные положения, которые вытекают из всего советского хозяйства». «Здесь, государство выступает как капиталист—борьба ведется на капиталистических основаниях, т.-е. восстанавливаются все капиталистические учреждения: рынок и свободная продажа товаров, наемный труд, банки, биржа и т. д.; предоставляется право каждому гражданину организовывать предприятия и выпускать товары на рынок». «Мы должны (были. *С. П.*) восстановить капиталистические отношения и одновременно непрерывно использовать их для борьбы с капиталом, для уничтожения частной промышленности и торговли».

«Нэп—это не просто (!) восстановление капиталистического хозяйства, а плановое использование его для перехода к социализму, для уничтожения анархии капитализма».

В отличие, очевидно, от дореволюционной экономики, в экономике СССР Смушков обнаруживает уже не пять, а только четыре уклада. «Все наше народное хозяйство,—пишет он,—мы можем разделить на 4 крупные части: 1) государственная крупная социалистическая промышленность, 2) кооперация, концессии и аренда и смешанные общества, 3) чисто-частные предприятия и 4) крестьянское хозяйство».

Едва ли нужно говорить, что «сам» Ленин никогда не говорил ничего подобного тому, что ему приписывает Смушков. Но мы считаем ненужным после XIV с'езда, после долгой раз'яснительной кампании антиленинских уклонов и ошибок оппозиции, когда сущность нэпа стала

[1]) Там же, стр. 26.

ясна каждому пионеру, утруждать читателя разбором этой кричащей безграмотности.

Но, может быть, автор «виновен, но заслуживает снисхождения»? Может быть, он является литературным новичком и слабо разобрался в этом сложном вопросе и т. д.? Нет, перу его принадлежит книжка об экономической политике, вышедшая еще в 1923 г., где он писал: «Новая экономическая политика заключается в том, что государство выступает, как крупнейший капиталист, и борется на рынке с частным капиталом теми же способами, какими борются капиталисты в буржуазных странах. Такая система называется государственным капитализмом» [1]).

«Кажинный раз на эфтом самом месте!».

Попытка такого «вольного» толкования нэпа т. Смушковым была разоблачена в литературе еще в 1924 г., а Смушков в 1926 г., не сморгнув, опять переписывает старые заблуждения и одновременно рекомендует читателю политотчет ЦК XIV с'езду, где взгляды его подвергнуты уничтожающей критике. Поистине правая рука не знает, что пишет левая.

Конечно, нельзя особенно винить автора за то, что он никак не может понять своих прежних заблуждений, его можно лишь по-человечески пожалеть, но нельзя не протестовать против подобного бесцеремонного обращения с Лениным, когда автор, не утруждая себя чтением его приписывает ему свои собственные смушковские взгляды («сам Ленин»).

Печально оканчиваются также потуги Смушкова рассмотреть пути нашего дальнейшего развития, которые венчаются у него след. формулой: ...«Социализм или коммунизм, врастающий в капитализм», при чем все наше различие от меньшевиков заключается в том, что «они утверждают, что социализм вырастет из капитализма при власти буржуазии, а мы для этого считаем необходимым условием диктатуру рабочего класса» (стр. 29).

Разбор или просто перечисление всех ляпсусов в работе Смушкова заняло бы слишком много времени. Но уже и из сказанного можно проследить ту общую нить, на которую нанизываются все отдельные ошибки автора. Это неумение подойти к экономическим явлениям с точки зрения их общественного содержания, формально-фетишистский подход к ним—шаг назад к буржуазным экономистам. Отсюда отождествление капитала с материальными благами и превращение его в «вечную» категорию, разговоры о товарах в социалистическом обществе (30) и об эксплоатации на советских госпредприятиях, непонимание социального существа этих предприятий, приравнивание нэпа госкапитализму и т. д., и т. д. ряд удачных мест в книге отнюдь не может «оправдать» наличия перечисленных выше вопиющих недостатков.

Если прибавить к этому исключительно тяжелый язык, которым написан этот «труд», то следует еще и еще раз поднять вопрос о качестве продукции советских издательств.

С. Покровский.

В. ЗОМБАРТ. Строй хозяйственной жизни. Со вступительной статьей Авг. Тальгеймера. Изд-во «Эк. Жизнь», 1926 г.

Русскому читателю Вернер Зомбарт хорошо известен, как автор двухтомной фундаментальной работы «Современный капитализм», работы «Социализм и социальное движение», появившейся в результате ряда публичных лекций на эту тему, автор статьи о теории ценности Маркса, брошюры об Энгельсе и т. д. Ученик Шмоллера, Зомбарт в своих первых работах по капитализму выступил, как сторонник и последователь Маркса.

В статье, написанной к третьему тому «Капитала», Зомбарт обнаруживал такое понимание Маркса, что заслужил самый лестный отзыв и похвалу со стороны Энгельса. «Вернер Зомбарт,—писал тогда Энгельс,— дает превосходные в своей совокупности очерки, излагающие марксову систему. Это первый случай, когда немецкий университетский профессор оказывается вообще способным видеть в произведениях Маркса именно то, что Маркс действительно сказал, в первый раз немецкий профессор учит, что критика марксовой системы не может заключаться в одном опровержении,—пусть этим занимаются политические карьеристы, — а лишь в дальнейшем развитии ее».

Но с тех пор прошел не один десяток лет. Зомбарт не только изменил Марксу, но и выступил яростным противником марксовой системы и апологетом и оформителем империалистических настроений немецкой буржуазии. Вступительная статья тов. Тальгеймера достаточно хорошо показывает, как шел Зомбарт через смягчение острых революционных углов марксовой системы к превращению «в последнем издании его книги «Социализм и социальное движение» «Маркса в карриктуру».

Настоящая работа Зомбарта, уже—не Зомбарта, революционного или даже «легального марксиста», а Зомбарта того последнего периода, когда он окончательно отказался от Маркса, когда Маркс был превращен им в карриктуру, а сам Зомбарт превратился в заурядного защитника капитализма и окончательно примкнул к «империалистическому и антисоциалистическому направлению» буржуазной экономической мысли.

Исследование о строе хозяйственной жизни Зомбарт начинает с поисков той «идеи», которая «связывает хозяйственные явления». «Задача всех наук о культуре,—пишет Зомбарт,—найти средства и пути к познанию изучаемых ими явлений культуры в их исторической особенности». Это достигается «с помощью идеи, внесенной в явление действительности, но в этом случае она призвана выполнять функцию не разграничительную, а *формирующую*».

Экономическая наука также нуждается «в подобной *формирующей идее*, с помощью которой она могла бы располагать в системы свой материал». Такой идеей и является «идея стиля в экономической науке», «идея хозяйственной системы». «Я разумею,—пишет Зомбарт,— под хозяйственной системой вид хозяйствования, представляющегося по смыслу единством, в составе которого каждая из основных частей хозяйства обнаруживает определенное устройство».

«Мы помним, какие основные части входят в состав понятия хозяйство: 1. Дух. 2. Форма. 3. Техника.

«Согласно с этим мы можем определить понятие системы хозяйства точнее: это вид хозяйствования, понимаемого нами как *духовное* (!) единство—1) подчинение определенному смыслу, 2) имеющее определенный строй и организацию и 3) применяющее определенную технику».

«Идея стиля», «идея хозяйственной системы», «дух», «хозяйственное воззрение» и кладутся Зомбартом в основу хозяйственной деятельности человеческого общества—формирующей его идеей. Таким образом, тот строй человеческой деятельности, который по Марксу представлялся в таком виде: производительные силы—производственные отношения—надстройка; у Зомбарта оказывается перевернутым, поставленным на голову, и «дух» является определяющим «строй хозяйственной жизни». Материализму Маркса Зомбарт противопоставляет идеализм в хозяйственной деятельности человеческого общества.

---

[1]) Смушков, «Экономическая политика РСФСР».

«Хозяйственная деятельность,—пишет Зомбарт во введении,—как всякая человеческая деятельность, относится к категории целесообразности. Мы понимаем хозяйственную деятельность, как выявление разумной воли; хозяйственные построения—как установления разумного отношения». «Содержание всей доказуемой осмысленности в хозяйственной деятельности я называю хозяйственным смыслом или духом хозяйственной жизни». «Но как только разумная деятельность протекает среди многих людей, то лежащий в ее основании (суб'ективный) план требует об'ективирования, благодаря которому только он и становится руководящим для многих. Об'ективированный же план мы называем порядком. Упорядоченность есть поэтому вторая составная часть хозяйствования».

Мы здесь уже не будем касаться того, что по Зомбарту капиталистическое хозяйство попало в число хозяйств упорядоченных. Какой логикой связывает Зомбарт свое утверждение «разумности» и «целесообразности» с требованием «об'ективирования» хозяйственных планов отдельных хозяйствующих суб'ектов? Действие рынка и его законов на отдельные хозяйственные единицы в капиталистическом обществе заставляет «разумную волю» не только им подчиняться, но и диктует им свою волю. И здесь от разумной воли хозяйствующих суб'ектов остается очень мало. Их «разумная воля» целиком и полностью подчиняется неразумной, стихийной, иррациональной воле рынка.

Значит ли это, что целесообразность совершенно отсутствует в человеческой деятельности? Конечно, нет. Но в неорганизованном обществе хозяйственная деятельность человека ограничена, обусловлена рыночными отношениями, рыночной стихией. Наконец, если даже стать на точку зрения Зомбарта и признать «разумную волю», целесообразность и «дух» формирующими и направляющими хозяйственную деятельность отдельного человека, отдельного хозяйствующего суб'екта, то как об'яснить тогда хозяйственную деятельность всего общества? Чем будет она определяться, кто ее будет формировать?

На это Зомбарт дает классический ответ: «В то время как «частное хозяйство» представляет собой эмпирическую реальность, «народное хозяйство» и мировое хозяйство «является научным сочетанием разрозненных элементов в фиктивные единства», т.-е., иначе говоря, «эмпирической реальности» не представляют.

Так во славу своей «идеи», «стиля» и «духа» ученый муж Зомбарт превратил народное и мировое хозяйство в фикцию, в спекулятивные упражнения досужих голов. Едва ли нужно говорить, что эти зомбартовские откровения не имеют ничего общего с марксизмом, который окончательно порастерял профессор в своей защите капитализма.

Особенное место в «строе хозяйственной жизни» Зомбарта занимает «капитализм». Согласно своему принципу определять хозяйственную систему по трем основным признакам: дух, форма и техника, Зомбарт следующим образом определяет капитализм:

«Дух, хозяйственный образ мыслей—обусловлены следующим образом»: а) «господствующий хозяйственный принцип—принцип доходности», б) «индивидуализм», в) «экономический рационализм».

Форма: а) «хозяйственный строй в принципе свободен», б) капиталистическое хозяйство «частное хозяйство», в) «аристократично», г) «покоится на высоко развитой специализации занятий и разделении функций» и д) «на основе хозяйственного обращения, т.-е. рыночной связи».

Техника—«научная, революционная, анархическая».

Весь этот сумбур дышит невероятным, типичнейшим профессорским самодовольством.

Что значит утверждение, что хозяйственное строение капитализма аристократично? Это значит, поясняет Зомбрат, что «число хозяйствующих суб'ектов незначительно по сравнению с общим числом вообще причастных к жизни хозяйства лиц; большая часть распорядительной власти принадлежит немногим хозяйствующим суб'ектам». «Исторической причиной аристократического расслоения в капиталистическом хозяйстве является обоснованная личными и материальными обстоятельствами способность немногих и тем же обоснованная неспособность многих руководить процессом производства, который, в силу пред'являемых им технических и организационных требований, исключает деятельность средне-одаренных средне-имущих посредственностей в качестве хозяйствующих суб'ектов».

Нечего и говорить, что во всей главе, посвященной капитализму, нет ни одного слова об эксплоатации. Капиталист по Зомбарту—это просто симпатичный, одаренный всеми способностями человек. А все остальные—тупые, невежественные, неспособные и неодаренные люди. У кого же после этого подымется рука бороться и свергать власть этих способных людей, этот цвет, эту соль человечества?

До такого безобразия, до такой возмутительной наглости не договорился, кажется, никто из буржуазных экономистов. В своем расхваливании «хороших» и «способных» г.г. капиталистов, в своей лакейской угодливости и лакейском подхалимстве, г. Зомбарт перещеголял своих собственных хозяев.

«Хозяйственный строй в принципе свободен». Рабочий, например, свободен в продаже своей рабочей силы, а капиталист также свободен в ее покупке. И ни одним словом г. Зомбарт не обмолвился насчет того, как этот «принцип свободы» проявляется в реальной капиталистической действительности. Впрочем, какое дело «высоко-одаренному» профессору до средне-одаренных, неспособных людей!

В своей апологетической хвале капитализму и его революционной технике Зомбарту некогда было заметить, что капитализм из революционной системы превратился в систему реакционную, накладывает путы на дальнейшее развитие техники, что капитализм загнивает.

Впрочем, это загнивание капитализма относится уже, собственно, к новейшему этапу капитализма—империализму. А империализм Зомбартом представляется весьма своеобразно. Империализм по Зомбарту отнюдь не этап капитализма.

«Неразумно,—пишет Зомбарт,—такое явление, как современный империализм,—который обусловлен множеством факторов: религиозной политикой, политикой народонаселения, государственной политикой, — рассматривать как политику, всецело предназначенную служить капиталистическим интересам и только им».

Империализм, обусловленный такими факторами, как религиозная политика, политика народонаселения—это открытие, достойное профессора Зомбарта. С помощью Зомбарта мы будем теперь знать, что, например, драка на очередном митинге между живой и мертвой церковью есть не что иное, как проявление их империалистической политики; что не чем иным, как проявлением империалистической их природы, являлась борьба враждующих племен дикарей за места охоты и т. под.

Неиссякаема изобретательность и премудрость профессорская!

Где уж после подобных утверждений ожидать, что наш мудрый профессор сумеет подметить за религиозной борьбой и религиозной политикой скрытые экономические пружины. Ведь сама «государственная политика» рассматривается г. Зомбартом, как нечто чуждое или, во всяком случае, не связанное с экономическими интересами капиталистов.

После всего сказанного совершенно ясно, чего можно ожидать от Зомбарта в его рассуждении и в его понимании социализма.

«Я понимаю,—пишет Зомбарт,—под социалистическими системами антикапиталистические или послекапиталистические хозяйственные системы, *отличающиеся от рассмотренных до сих пор тем, что они еще не могли быть испытаны в действительности*. Поэтому невозможно сказать, могут ли вообще, и, следовательно, в каком размере могут особенности хозяйственного устройства, соединенные в чисто абстрактных системах, сочетаться друг с другом, или же эти идеальные системы *неосуществимы*, т.-е. *являются утопиями*. Хозяйственная утопия—это хозяйственная система, содержащая несовместимые слагаемые. *Что социалистические системы, как они измышлялись до сих пор, в основных пунктах утопичны, можно легко доказать*».

Таким образом, величественно игнорируя Маркса, Зомбарт вместе с различного рода утопическими социалистическими системами зачисляет по ведомству утопических и систему Маркса.

«Хозяйственному социализму,—пишет Зомбарт дальше,—приходится разрешать трудную задачу—*искусственно* воссоздать сознание солидарности, которая в докапиталистических хозяйственных системах питается естественным чувством общности».

Буржуазному экономисту, очевидно, невдомек, что социализму не придется «искусственно воссоздавать чувство солидарности», что с перестройкой общественно-экономических отношений чувство солидарности будет таким же естественным, как «homo homini lupus est» для капиталистического общества. Но это уже выше профессорского разумения. И при обще-идеалистической системе взглядов Зомбарта от него понимания этих элементарных истин и требовать нельзя.

Едва ли что-либо даст русскому читателю эта новая книга Зомбарта. То, чего до сих пор не понимает немецкий профессор, у нас понимает и знает каждый совпартшколец. Эта книга—лишнее свидетельство окончательного разложения буржуазной экономической мысли. И только с этой точки зрения она может быть порекомендована читателю.

Соглашаясь в данном случае с оценкой А. Тальгеймера настоящей работы Зомбарта, мы, однако, не можем с ним согласиться, когда он пишет, что, «прочитав этот труд, русский читатель будет избавлен от необходимости читать много толстых книг, написанных господином Зомбартом за последние 30 лет». Конечно, книги Зомбарта *надо* читать, у Зомбарта можно еще много взять и из его книг можно почерпнуть богатейший фактический материал, с чисто немецкой аккуратностью им собранный и систематизированный.

Неверна и историческая справка, даваемая Тальгеймером о деятельности Зомбарта. «В середине XIX столетия,—пишет Тальгеймер,—Зомбарт стал выдвигаться как идеолог течения, которое русские читатели, вероятно, назвали бы легальным марксизмом». Зомбарт только родился в начале 70-х годов прошлого столетия и потому относить его деятельность, как идеолога «легального марксизма» к середине XIX столетия—несомненная ошибка. Деятельность же его как «легального марксиста» относится к 90-м годам, т.-е. приблизительно совпадает с этим движением в русской экономической мысли.

К. Р.

№ 12 № 12

30 ИЮНЯ

1926

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“